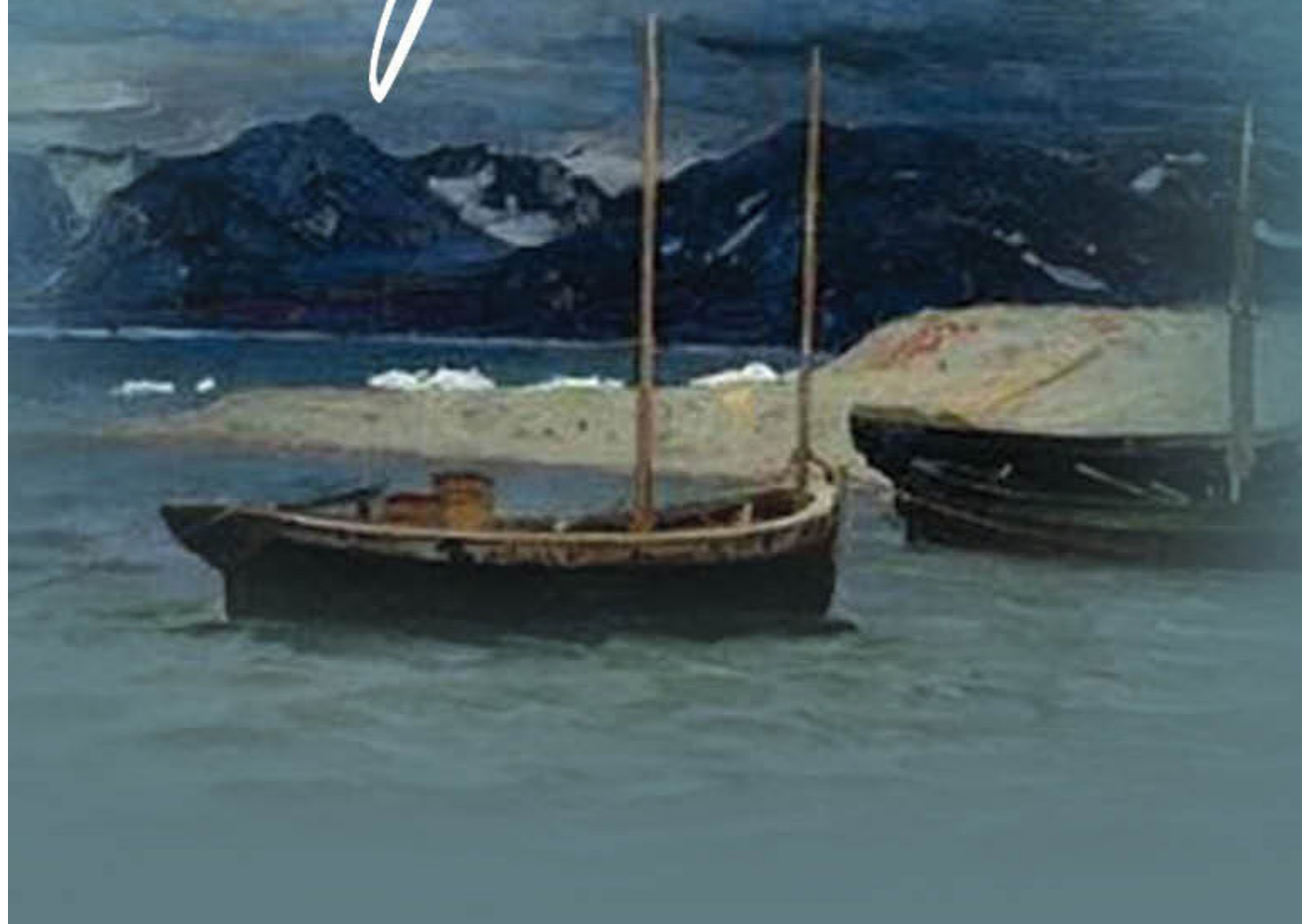

Анатолий Хитров

Студёное море

Анатолий Хитров

Студёное море

«Алисторус»

2021

УДК 82-94
ББК 84(4)-44

Хитров А. Н.

Студёное море / А. Н. Хитров — «Алисторус», 2021

ISBN 978-5-00180-032-3

В книге А.Н. Хитрова отражены события, связанные с началом царствования Алексея Михайловича Романова (1648–1653 гг.) и снаряжением по его указу первой государственной морской экспедиции на Новую Землю для поиска серебряных руд. В 1954 году на архипелаге Новая Земля был создан ядерный полигон СССР, на котором А.Н. Хитров прослужил 7 лет.

УДК 82-94
ББК 84(4)-44

ISBN 978-5-00180-032-3

© Хитров А. Н., 2021
© Алисторус, 2021

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	22
Глава третья	38
Глава четвертая	53
Глава пятая	67
Глава шестая	85
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Анатолий Хитров

Студёное море

Посвящаю жене Ольге Васильевне

© Хитров А.Н., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

Глава первая Царский казначей

1

Жаркое лето 1648 года, постепенно остывая, к концу сентября оказалось в крепких объятиях золотой осени. Наступила прекрасная пора листопада, когда деревья, готовясь к зимнему сну, охотно сбрасывали свой пожелтевший наряд. Только кроны могучих дубов оставались ещё зелёными – значит, быть зиме морозной!

В осеннем лесу – как в храме во время праздничной литургии: светло, торжественно и благоуханно. С раннего утра до вечерней зори не смолкает многоголосый птичий хор. Повсюду шуршат листья, и пугливые зайцы спешат покинуть лес, чтобы отлежаться где-нибудь в тиши скошенных луговин и полей. А навстречу им в поисках красной рябины в лес устремляются шумные и веселые стайки дроздов.

По вечерам, когда с чистого, окрашенного багрянцем небосвода струится тёплый свет, в лесу раздаются трубные звуки сохатых. Лосиные следы ведут на поляны, где они устраивают свои любовные поединки. Их яростный рев и страшные удары рогов слышны далеко за версту. Бой нередко продолжается до темноты, и победитель – крупный самец, – гордо вскинув развесистые рога, твердой поступью уходит с молодой и стройной важенкой в туманную даль леса. Там, в сказочной глуши, они будут колдовать над созданием сильного потомства. Осень – пора гона...

На исходе октября погода резко ухудшилась: небо заволокло тучами, наступили дождливые, серые дни. В лесу стало совсем тихо. Осторожные глухари летят низко, чуть не задевая крыльями опавшие листья, и бесшумно растворяются где-то в пожелтевшей зелени дубрав. Все дольше задерживается на полянах густой туман, а холодок леса белой паутиной изморози покрывает траву. Лосиные следы, залитые чистой водой от ночного дождя, под утро затягиваются первыми звенящими льдинками. Высоко в небе пролетают огромные косяки журавлей. В плотные стаи спешно собираются и улетают на юг грачи. Только дрозды пока не могут ото-

рваться от своего лакомства – красной рябины. Но вот ударили первые морозы, запела свои зимние песни поэмка, и последние стайки дроздов покинули лес.

Артамон Савельевич сидел в гостиной у тёплой печи и с любопытством смотрел на окна, красиво расписанные легким морозцем. «Чудеса, да и только! – думал он. – Неживая природа, а красоту человеческую понимает...»

Он улыбнулся, подбросил в печь дрова, поудобнее уселся и, глядя на окна, долго ещё любовался красотой сказочного леса из снежинок, которые то ярко горели как крошечные свечи, то гасли, покорно прячась под серое покрывало вечерних сумерек.

Неожиданно с улицы послышался конский топот.

«Кого это несет нечистая в такой час?» – удивился Артамон Савельевич, встал и быстро подошел к окну. К дому галопом скакал всадник. По статной фигуре седока, казенной одежде и манере держаться в седле Артамон Савельевич без труда узнал в нем стрелецкого сотника Якова. Царский гонец резко осадил рыжего иноходца у самого крыльца боярского дома и, увидев кучера Прохора, хриплым голосом крикнул:

– Боярину Артамону Ховрину в среду на постной неделе быть в Думе. Так повелел государь!

Круто развернувшись, он галопом поскакал в сторону Свиблово в имение боярина Хватова. Узнав от кучера волю царя, Артамон Савельевич в сердцах схватился за бороду и проворчал:

– Вот те на! Опять думать надо!

Артамон Савельевич не любил сидеть в Боярской думе и смотреть, как тучные бояре, одетые в собольи шубы и шапки, обливаясь потом, прели, как пшенная каша в котле... Знал он, что любая затея царя требовала немалых денег. А где их взять?

Древний род Ховриных исстари на Руси был при Денежном дворе. Ховриным доверялась царская казна. Многие государственные тайны, связанные с чеканкой серебряных монет и пополнением золотого запаса казны, передавалась по наследству. Забота о богатстве царей московских считалась священным долгом рода Ховриных. Однако прошли те старые добрые времена. Новое поколение – новые нравы! Артамон Савельевич не так рьяно, как его отец исполнял обязанности царского казначея. Сам он мало вникал в дела Денежного двора, жил легко, в роскоши. Должность свою не любил. Часто думал: «Близок к царю, но все же холоп! К чему этот почет, если жизнь омрачается вечными хлопотами о пополнении царской казны».

Артамон Савельевич сладко зевнул, пытаясь задремать, но мысль о Думе не давала покоя: «Какие бы там не решались дела, а разговора о деньгах не миновать». Медленно закрыл глаза, и в голове, как февральские метели, закружились разные мысли. Вспомнил, как две недели назад свои люди из Разбойного приказа донесли, что в кабаках появились «воровские деньги» – рубли, обрезанные на одну треть, а то и наполовину. А в торговых рядах Китай-города в ходу были монеты, сработанные из низкопробного серебра. «Ты, Артамонушка, гляди в оба. Не ровен час, узнает про все это наш царь-батюшка Алексей Михайлович, скандалу быть!» – предупреждал Артамона Савельевича его дядя Иван Данилович. Молодой Ховрин решил посоветоваться с ближним боярином Богданом Дубровским из приказа Большой казны. Тот, недолго думая, сказал, как ножом отрезал:

– Кто ведает Монетным двором и чеканит деньги, тот и должен докладывать царю о фальшивомонетчиках.

Пришлось бить челом государю. Узнав про это, царь приказал поймать вора. «Быть ему без головы! – нахмутив брови, сказал он тогда своему казначею. – Пусть знает народ, кто худые деньги чеканит да людей обманывает. От него, разбойника, все беды. Так-то!»

Царю эта мысль пришлась по душе, и он, довольный, направился в Соборную церковь. Алексей Михайлович слыл тихим, богомольным. Не чета Грозному. Однако власть свою пока-

зять да кровь пустить любил... Правда, после Соляного бунта стал осторожней, хитрей. А тогда, полгода назад, думал, что царю все можно, народ все стерпит. А чем это кончилось?

Артамон Савельевич налил большой жбан квасу и почти залпом выпил его. После вчерашней бани и затянувшегося застолья он ещё не совсем пришел в себя: побаливала голова, хотелось пить, клонило ко сну. Боярин подвинулся ближе к печке и, глядя на раскаленные, тёмно-красные угли, вспомнил зловещее зарево пожаров, полыхавших по всей Москве. Не послушал его тогда молодой царь, взял да и ввел побочный налог на соль – по двадцать копеек с пуда. И пошло! Без соли на промыслах гнила рыба, в деревнях стеной стоял зловонный запах прокисшей капусты, свиное сало становилось жёлтым и прогорклым. Не зря в народе говорят: «Беда не приходит одна!» По стране волной прокатился мор, а за ним и гнев народный.

2

Бунт, вошедший в историю России как Соляной бунт, стал первым серьезным испытанием для царя Алексея Михайловича Романова за два года его правления и первым потрясением от увиденного и пережитого...

Русский народ терпелив, может долго сносить лихоимство и притеснения. Но когда наступает предел терпению, возмущение переходит в озлобленность, а насилие – в исключительную жестокость. Так случилось и на этот раз.

2 июня 1648 года огромные толпы людей, доведенные до отчаяния притеснениями государевых чиновников, заполнили все улицы и площади на пути в Кремль. В тот день царь Алексей Михайлович принимал участие в крестном ходе на празднике иконы Владимирской Божией Матери и возвращался из Сретенского монастыря домой во дворец. Молодой царь был в хорошем настроении. После женитьбы на старшей из сестер Милославских он вел беспечный образ жизни, занимаясь любимой соколиной охотой, торжественными выездами в монастыри и дворцовые села. Руководство государством по-прежнему было в руках его любимого воспитателя боярина Бориса Ивановича Морозова.

Государь, одетый в красивый парчовый кафтан, расшитый золотом и серебром, ехал верхом на коне в сопровождении большой свиты бояр, дворян и разного рода придворных чинов. Когда кавалькада поравнялась с толпой, Алексей Михайлович услышал крики. Люди из толпы громко жаловались на главного судью Земского приказа Леонтия Плещеева.

– Выслушай нас, государь! – кричали посадские. – Плещей притесняет народ, чинит огоры на нас от воровских людей!

Челобитчики протиснулись к самому государю. Кто-то из них схватил за узду его коня. Алексей Михайлович смутился таким внезапным и шумным челобитьем.

– Это все они, Плещеев, Траханиотов и Морозов, творят зло, притесняют нас налогами, своим лихоимством и несправедливым судом. К ответу злодеев! – ревела толпа.

Царь, придя в себя, сказал:

– Успокойтесь и расходитесь по домам, расследую это дело.

Толпа расступилась, и государь ускорил во дворец. Но часть бояр и дворян из его свиты с бранью набросились на челобитчиков, и на глазах у всех их челобитные бумаги были разорваны в клочья. Вместе со своими холопами бояре стали бить посадских нагайками и давить конями. Народ озлобился, в обидчиков полетели камни. Толпа, сметая все на своем пути, устремилась на царский двор, требуя наказать Плещеева. Стража едва сдерживала толпу. В это время на верхнем крыльце царского дома появился боярин Морозов и от имени царя стал увещевать мятежников. Но уговорить озлобленных людей ему не удалось. К восставшим присоединились стрельцы и потребовали к ответу самого Морозова. Боярин поспешил укрыться во внутренних покоях царского дворца. Тогда озверевшая толпа бросилась к близ стоящим домам и начала крушить все, что попадалось под руку. Наиболее воинственно настроенные посадские и

стрельцы ворвались в трапезную, где обедал царь, и потребовали выдать им на расправу ненавистных бояр и думских дьяков – «зачинателей налога на соль».

Струсил тогда царь Алексей Михайлович. Побледнев, сказал:

– Коль слуги мои допустили вас сюда, а моя челядь досаждаёт вам, то справляйтесь с ними сами!

Не думал царь, что толпа в гневе пойдет душить бояр; не знал он, что тёмная ночь, как колдунья, взмахнет черным крылом и благословит бунтовщиков на погромы. Первым был разграблен дом боярина Морозова. Здесь же пролилась и первая кровь – были убиты дворецкий и два его помощника. Молодую жену боярина Анну Милославскую, как родную сестру царицы, не тронули. В руках грабителей оказалось много жемчуга, золотых и серебряных кубков, парчовых и шелковых тканей, соболей и лисиц. Сломали роскошную карету, окованную серебром; с икон срывали драгоценные камни и с криком «это наша кровь» выбрасывали их из окон во двор.

Толпа буйствовала почти всю ночь. Были разграблены дворы царских чиновников Плещеева, Траханиотова, Чистого, купца Василия Шорина, бояр Михаила Салтыкова и Григория Пушкина, князей Никиты Одоевского и Алексея Львова. Сами владельцы этих дворов сбежали и тем самым спасли свою жизнь. Но не все. Инициатор соляного налога думный дьяк Назарий Чистый был найден погромщиками в сенях своего дома под кучей банных веников. Его за ноги выволокли на двор и топорами забили до смерти, приговаривая: «Это тебе, изменник, за соль!» Тело дьяка бросили в навозную кучу, а его дом, амбары и овины сожгли дотла.

Мятеж быстро разрастался и принимал угрожающие размеры. Толпа жаждала новой крови. К мятежникам примкнули казаки, пушкарки и другие служивые люди, недовольные убавкой им жалования.

Ближние бояре начали принимать меры для обороны царского дворца: наглухо закрыли ворота Кремля, вооружили своих людей, вызвали наемный немецкий отряд с их офицерами.

Наутро мятежники решили добраться до Морозова, Плещеева и Траханиотова. Большой толпой они подошли к Кремлю и стали выкрикивать свои требования. Среди мятежников распространился слух, будто Морозов находится в бегах.

– Коль нет Морозова, так выдавай, нам, государь, Плещеева, а с ним и Траханиотова! – под колокольный набат кричали мятежники.

Пришлось, скрипя зубами, уступить толпе. По совету бояр царь решил всенародно казнить Плещеева. Поп и царский палач вывели на площадь главного судью Земского приказа Леонтия Плещеева, дальнего родственника тестя царя, и отдали его бунтовщикам на расправу. А расправа была недолга – одним ударом дубины все было кончено. Труп разрубили топором на части и бросили в грязь.

В тот же день в пяти разных местах Москвы от поджогов вспыхнули крупные пожары. Заполыхали дома Белого города от Неглинной до Чертопольских ворот, стрелецкие слободы Земляного города, государев Острожный двор, Кружечный двор на Красной площади. Огонь истребил 24 тысячи домов и 30 миллионов пудов хлеба; от огня и дыма погибло более 2-х тысяч человек. Среди мятежников была пущена молва, что это дело рук боярина Бориса Морозова и окольничего Петра Траханиотова, которые подкупили поджигателей, чтобы выжечь всю Москву назло народу. Только что затихший мятеж вспыхнул с новой силой.

Утром огромная толпа народа снова появилась у Кремлевских ворот. На этот раз, чтобы спасти своего воспитателя боярина Морозова, царь решил пожертвовать управляющим Пушкарским приказом Траханиотовым. В погоню за беглецом послали окольничего князя Семёна Пожарского с отрядом конных стрельцов. По Троицкой дороге князь нагнал Петра Траханиотова около Троице-Сергиева монастыря и на следующий день привез его связанным обратно в Москву. Для показа народу царский палач целый час водил Траханиотова по базару с деревянной колодкой на шее, а потом под радостные вопли черни отрубил ему голову на плахе.

Народ несколько успокоился, но требовал найти и казнить второго беглеца – боярина Морозова. Не помогли увещевания мятежников со стороны духовенства во главе с патриархом Иосифом и наиболее популярных в народе бояр – царского дяди Никиты Ивановича Романова, князя Дмитрия Черкасского и окольничего Михаила Пронина. Народ продолжал настаивать на выдаче Морозова. Тогда царь, чтобы спасти своего любимого воспитателя, решил сам обратиться к народу. Для этого был устроен торжественный царский выход из Кремля на Лобное место, куда собрали множество народа.

– Я скорблю о тех бедах, которые терпел народ от прежних неправедных судей и чиновных людей, – сказал он. – Теперь наступят лучшие времена, так как отныне сам буду иметь за всем бдительный присмотр.

Народ заволновался, многие, соглашаясь, одобрительно кивали головами. Некоторые начали низко кланяться и славить государя.

– Я отберу назад жалованную грамоту на торговую монополию солью. Я запрещу торговлю табаком – этим богоненавистным и мерзким зельем! Я отменю некоторые непосильные налоги. Будет также увеличено жалованье служивым людям.

Получив одобрение собравшихся, Алексей Михайлович осторожно заговорил о Морозове. Он пообещал отстранить его от дел и сослать на север, в Кирилло-Белозёрский монастырь. По иронии судьбы оказалось, что Морозов поедет туда, куда сам когда-то ссылал непокорных и тех, кто стоял у него на пути.

В конце своей речи царь снял шапку и со слезами на глазах стал просить народ пощадить боярина.

– Это мой воспитатель, и я его почитаю как отца родного, – заключил свою просьбу Алексей Михайлович.

Умиленная толпа начала кричать многолетие государю и изъявлять полную покорность его воле. Постепенно люди стали расходиться по домам. Но на улицах и площадях столицы смутяны продолжали бесчинствовать. Остаток дня и ночь прошли в погромах. «Красный петух» летал от одной боярской усадьбы к другой, но Ховриных Бог миловал – их усадьба оказалась в стороне от толпы погромщиков. Однако, глядя на зловещие красные сполохи пожаров, Артамон Савельевичу пришлось изрядно поволноваться: первое потрясение – первые седые волосы! Вспомнил тогда Артамон Савельевич своего деда, который любил повторять: «Волосы седеют не от старости, а от человеческих поступков».

Москва горела три дня. Налог на соль пришлось отменить. На этом все и кончилось: народ устал, успокоился. Снова наступила тишина, как будто ничего и не было...

3

Зима в тот високосный год выдалась на редкость суровой. В памяти старожилов Москвы она осталась как одна из великих зим, которые случаются «раз в сто лет».

В начале ноября ударили лютые морозы и крепко сковали землю ледяным панцирем. Толщина льда на Москва-реке доходила почти до аршина, а мелкие водоемы на севере столицы промерзли до самого дна. Крупные щуки, очумевшие от недостатка воздуха, сами через проруби выпрыгивали на лед. Давно не было таких холодов, когда птицы на лету замерзали и замертво, камнем, падали вниз. Ураганные ветры и снежные метели всех загнали в избы и подклети домов. Много снега насыпала зима на московские улицы, но морозный ветер, как пьяный дворник, размахивающий метлой, тут же приглаживал это белое покрывало. А там, где на пути ветра стояли дома и дворовые постройки, быстро вырастали громадные снежные сугробы, которые упирались прямо в крыши – не пройти, не проехать! Жизнь замерла. Только иногда по вечерам, когда стихала пурга и на холодном небе в туманной дымке появлялся ско-

шенный бледный диск луны, жутко, по-волчьи, выли собаки. Наутро непременно где-нибудь под сугробом находили замершего пьяного или нищего.

В конце декабря перед самым Рождеством потеплело, и люди высыпали на улицы. По всей Москве зазвонили рождественские колокола, разнося по ветру благую весть: «Христос с небес – встречайте!»

Наступило веселое время Святков с ряженными и скоморохами. На улицах, площадях и базарах они собирали толпы людей, показывая свое мастерство и вызывая взрывы хохота. Но веселье было недолгим: в январе ударили крещенские морозы, и все, как тараканы, снова попрятались по домам. На улицах не было слышно ни песен, ни ругани, ни лая собак. Даже ночные сторожа редко стучали в свои колотушки. Только холод, снег и тишина...

В народе поговаривали: «Недаром нынче красной рябины уродилось много. Добра не жди! Сам Белый шаман с севера пожаловал, холодом дышит. Лютыми морозами, стервец, как кандалами жизнь сковал». С нетерпением ждали потепления, а когда после Крещения оно наступило, все облегченно вздохнули.

Хмурое, холодное небо быстро очистилось от серой наволочи, и на бледно-голубом горизонте появилось солнце. Освободившись из облачного плена и выйдя на голубой простор, солнце, казалось, с какой-то особой щедростью отдавало свое тепло, ослепляя все вокруг мириадами золотистых блесков, дробящихся на снегу. Его красноватые лучи были тёплыми и ласковыми, как в тихие летние вечера. Купола церквей и соборов ярко горели расплавленным золотом. С утра до позднего вечера солнечные лучи охотно прятались в снежных сугробах и озорно выглядывали изнутри, переливаясь всеми цветами радуги. После долгой и суровой зимы весеннее солнце казалось уставшим, было бледным, как луна. Но его жгучие лучи быстро прогревали воздух, он становился все теплее, и земля, скованная морозом, постепенно оттаивала. На дорогах снова появились стайки задиристых воробьев и любопытных синиц. Опять многолюдно стало на площади у кремлевской стены, где можно узнать обо всем, что делается на белом свете. Шире распахнулись двери торговых лавок и кабаков. По воскресным дням, как и прежде, возле Кремля, прямо на льду Москва-реки, устраивались ярмарки и конные скачки. Толпы людей по вечерам собирались на Красную площадь послушать малиновый перезвон кремлевских колоколов. Жизнь столицы постепенно входила в свою обычную колею.

Кровавые дни Соляного бунта многие в Москве уже успели забыть, а волны этого восстания, докатившиеся до крупных городов Поморья, юга и Сибири, постепенно стали затихать. На огромных просторах России, как на море после шторма, наступило затишье.

Несмотря на разруху в стране и нехватку денег в государственной казне, Москва быстро отстраивалась. Были восстановлены стрелецкие посады, на месте пожарниц в Белом городе появились добротные каменные дома бояр Морозовых, Милославских, Хитрово и Шереметевых, князей Волынских и Одоевских. Вблизи царского Теремного дворца, слева от палат патриарха, выросло новое здание Тайного приказа, основанного молодым царем, чтобы защитить себя и свою семью от «дурного глаза» и «порчи». В подвалах Тайного приказа с пристрастием допрашивали людей, «знавшихся с колдунами» и пытавшихся проникнуть в Кремль.

Царь Алексей Михайлович, второй из рода Романовых, впервые за свое трехлетнее правление переживший страшный народный бунт, решил сам заниматься государственными делами, не надеясь на ближних бояр. «Доверяй, но проверяй! – думал он, вспоминая горящую Москву, погромы и озлобленных людей у ворот Кремля. – Так в одночасье можно лишиться царской власти, данной мне Богом!»

Сидя в царской палате за рабочим столом, он вспоминал рассказы своего воспитателя боярина Бориса Ивановича Морозова о Смутном времени. Тогда по воле московских бояр и при поддержке поляков к власти дважды приходили самозванцы, выдававшие себя за царевича Дмитрия. Вспомнил о трагической судьбе царя Бориса и его семьи, о свержении с престола по заговору дворян царя Василия Шуйского и его мученической смерти в плену у поляков. «Нет,

этого я не допущу. Много их, охотников до царской власти, желающих надеть на себя шапку Мономаха». Эти и другие мысли одолевали государя в тот зимний день, когда приходилось отказывать себе в удовольствии заняться любимой соколиной охотой или участием в крестном ходе с хоругвью, иконами и песнопением.

Во второй половине дня в покои царя вошел боярин Морозов.

– Подписано всеми, государь! Более трехсот подписей!

Он почтительно поклонился и передал Алексею Михайловичу позолоченный серебряный «Ковчег», внутри которого лежал красочно выполненный свиток Соборного Уложения.

– Наконец-то! – обнимая и целуя своего воспитателя и близкого родственника, сказал Алексей Михайлович. – Большое дело сделано для обеспечения согласия и спокойствия... Теперь все, от царя до пахаря, будут жить по законам, которые сами составили и подписали. Так-то!

Он сел за стол и с большим удовольствием начал листать склейки первых двух глав, медленно и внимательно читая статьи о государственном праве. В них говорилось о защите православия, личности государя и чести Государева двора: «богохульство» наказывалось сожжением на костре, а заговор против царя и его чести – смертной казнью. «Написано так, как надо, – пронеслось в его голове. – Сопротивлялись некоторые, а все же подписали!»

Алексей Михайлович вспомнил жаркие споры, когда проект Уложения в октябре прошлого года обсуждался в двух палатах: в одной из них он сам заседал с Боярской думой и Освященным собором, а в другой, Ответной палате, князь Долгорукий совещался с выборными земскими людьми.

Остальные двадцать три главы Уложения царь, не читая, просто перелистал: семь глав содержали правила о паспортах, о военной службе, о выкупе пленных и путях сообщения; в шести главах были изложены законы судостроительства и судопроизводства; ещё в пяти – вотчинное и поместное право на холопов; три главы содержали уголовные дела и, наконец, две последние касались положения стрельцов, казаков и питейных заведений.

– Очень даже добротнo получилось! – обращаясь к Морозову, сказал Алексей Михайлович. – Я весьма доволен работой особой комиссии, назначенной для этого дела Земским собором. Завтра пригласи в Грановитую палату бояр Долгорукова, Одоевского, Прозоровского, Волконского, а также дьяков Леонтьева и Грибоедова. Сам буду благодарить их за труды праведные на благо царю и отечеству... Приготовь всем подарки, кубки серебряные или что-либо другое. Да и себя не забудь!

При этих словах царь улыбнулся. Он с детства искренне любил Морозова и полностью ему доверял. Подошел к нему, обнял и поцеловал.

Растроганный вниманием государя, боярин поклонился ему в пояс.

– Спасибо, Алексей Михайлович!

Тем временем царь внимательно, как бы запоминая, рассматривал подписи на свитке. Первыми Соборное Уложение подписали патриарх Иосиф и 12 представителей высшего духовенства, 15 бояр, 10 окольничих. За ними шли подписи выборных от дворян, купцов, стрельцов и зажиточных посадских людей. Многих из них Алексей Михайлович знал лично.

– Соборное Уложение надо отпечатать особой книгой и разослать для руководства всем воеводам и во все московские приказы.

– Будет сделано, государь!

Прощаясь с Морозовым, Алексей Михайлович попросил его прислать на подписи бумаги, накопившиеся за эту неделю.

– Бумаги пусть принесет дьяк Савелий.

На улице стемнело, и царский постельничий Фёдор Ртищев, сын стряпчего с ключом Михаила Алексеевича Ртищева, красивый и шустрый парень, быстро зажег все свечи. В царской палате стало светло.

Алексей Михайлович встал из-за стола и, потягиваясь, с удовольствием зевнул, прикрывая рот рукой. «Не мешало бы поспать после тяжких трудов, – важно прохаживаясь по палате, подумал он. – Великое дело сделано!»

Царь был явно доволен сегодняшним днем. Неожиданно в голову ему пришла интересная мысль: «А что, если мне самому составить правила царской соколиной охоты?»

Он снова сел за стол и начал придумывать название книги. Писал и несколько раз зачеркивал. Наконец, после некоторого раздумья написал так: «Уложение чина сокольничья пути». В это время в палату вошел дьяк Савелий с бумагами.

– Ну что там у тебя?

– Несколько бумаг из разных приказов, государь!

Савелий низко поклонился и положил на стол царю папку с бумагами. Одну бумагу дьяк держал в руках, не решаясь отдать. Алексей Михайлович заметил это.

– Что за бумага у тебя в руке?

– Челобитная, государь! Сокольничий Федька написал по просьбе сокольников.

Царь, видимо, не ожидал этого от своих подчиненных, несколько растерялся и долго молчал. Потом, сдвинув брови, резко спросил:

– На что жалуются?

– Требуют, государь, денег. Жалуются на задержку в выплате им жалованья.

Царь возмутился.

– Казна пуста, а они требуют денег? Мало им того, что они едят и пьют царское?

Алексей Михайлович с детства страстно любил соколиную охоту и недавно, во время рождественских оттепелей, ездил на потешный двор, что под Москвой. Там сотни сокольников и кречетников обучали ловчих птиц охоте на лебедей, гусей, уток и зайцев. Кормили птиц говяжьим и бараньим мясом, а по воскресным дням и праздникам – живыми голубями, которых тысячами разводили здесь же, на голубином дворе.

Царь, прочитав челобитную, в гневе бросил её на пол.

– Больно грамотный стал Федька! Этого я ему не прощу. Садись и пиши царскую грамоту.

Дьяк Савелий, дрожа всем телом, сел за стол, обмакнул гусиное перо в чернильницу и с опаской посмотрел на разгневанного государя. Савелий давно не видел такого «слишком подвижного на гнев» царя.

– Напиши, что жалование сокольники и кречетники имеют большое и им грех жаловаться. В грамоте укажи, чтобы все они как можно лучше готовили ловчих птиц к весенней охоте. Буду сам проверять каждого...

Пока дьяк скрипел пером, Алексей Михайлович думал, как наказать «вора» Федьку. Сурово посмотрев на дьяка, он продиктовал: «А главному заводчику Федьке Кошелеву отсечь левую руку... и положить её на написанную им челобитную». Усмехнувшись, сказал:

– Пусть Федька впредь знает, кому и на что жаловаться. Ещё раз пожалуется – отсеку башку. Так-то!

Дьяк Савелий аккуратно промокнул тряпицей чернила и с поклоном подал царю написанную грамоту. На ней Алексей Михайлович собственноручно написал: «Быть по сему!»

4

В один из воскресных дней, ранним морозным утром, Москва была разбужена колокольным звоном. Особенно усердно ухал Иван Великий. Столица гудела набатом, зазывая горожан на Красную площадь, где плотники из Стрелецкого приказа спешно рубили сосновый помост. На площади – перестук топоров, фыркание лошадей, шум, крики, ругань.

– А ну живей, дьяволы! – простуженным голосом орал на плотников дьяк Савелий.

Он суетился, требуя от мужиков быстрее разгружать сани, на которых они привезли тес. Борода его покрылась инеем, от шубы валил пар. Дьяк буйствовал неспроста: надо было успеть до заутрени соорудить деревянный помост близ Лобного места – такова воля самого государя Алексея Михайловича.

Щуплый, маленького роста, Савелий петухом налетал то на возчиков, то на плотников, сотрясая морозный воздух кулаками. Стоящие у костра стрельцы громко смеялись.

– Этот душу вывернет наизнанку, – сквозь хохот басил сотник Яков. – Шкуру сдерет, не моргнув глазом!

Похлопывая над костром задубевшими от мороза рукавицами, Яков подумал: «Царь таких жалует. Недаром говорят, что большие дела делают люди маленького роста».

Со стороны Боровицких ворот Кремля, поблескивая на солнце черным лаком и бронзовыми украшениями в виде римской короны, показались легкие старинные санки. В них сидел Артамон Савельевич Ховрин. Поравнявшись со стрельцами, он лихо сдвинул на бок горлатную шапку и на ходу крикнул:

– Ну и ну! Зубы скалите, а площадь пуста. Что скажет царь?

Заметив сотника Якова, приказал:

– Пошли-ка за боярами да посадскими!

Кучер Прохор, обогнув разбросанный строительный материал, рысцой направил лошадь в сторону Москва-реки. Над рекой клочьями висел туман, разгоняемый первыми лучами солнца. Выехали на набережную. Навстречу, низко кланяясь боярину, шли люди. Впереди, как всегда, бежали мальчишки. Шутка ли! По Москве прошел слух, будто у храма Василия Блаженного будут казнить государева преступника.

Покачиваясь на ухабах, Артамон Савельевич откинулся назад, закрыл глаза и до самой бороды натянул волчий тулуп – со стороны реки потянуло сыростью, холодом. Сквозь дремоту он слышал, как Прошка беззлобно ругал кобылу:

– Ну, чертовка, балуй у меня!

Артамон Савельевич приоткрыл один глаз и увидел справа изразцовый, построенный в византийском стиле, дом боярина Хватова. Ехали по Солянке. Лошадь шла ходко, грива её покрылась инеем. Снег из-под копыт монотонно ударял в передок санок. Кучер Прохор, слегка покачиваясь, тихо напевал свою любимую песню:

Когда-то я был ямщиком,
Помещиц богатых возил,
Девчонок красивых любил,
Разбойником стал уж потом...

– Тпру... Стой, дура! – услышал Артамон Савельевич голос кучера. С большим усилием открыл глаза и увидел флигель своего дома.

– Барин, приехали!

Прохор накрыл потный круп лошади войлочной попоной, расстегнул чересседельник и дал овса.

Артамон Савельевич устало тряхнул головой, медленно вылез из санок и пошел прямо на кухню. После отъезда жены боярыни Елизаветы Петровны в Троице-Сергиев монастырь на богомолье, Артамон Савельевич завтракал, а иногда и обедал на кухне. Здесь было чисто, тепло и уютно. Сняв шапку и сбросив шубу, он сел за широкий дубовый стол, налил из штофа серебряную чарку анисовки и залпом выпил. Поглаживая бороду и не закусывая, выпил ещё одну.

Кухарка Дарья, молодая краснощекая девка, быстро расставила на столе разные закуски: малосоленную севрюгу, грибы, мелкие соленые огурчики, хлеб. Потом принесла тарелку горячих щей, яичницу на сале, квас.

Боярин ел с аппетитом, лицо его покрылось румянцем. Насытившись, он расправил жгуче-черную, шириной в две ладони, бороду и лукаво посмотрел на Дарью. Потом пропустил ещё чарку водки, крикнув от удовольствия, оделся и вышел во двор. Садясь в сани и укрываясь тулупом, крикнул:

– Прохор, гони на Красную, да поживей!

От водки и плотного завтрака сразу стало тепло. Под монотонный бег лошади Артамон Савельевич вспомнил, как в тёмных подвалах Разбойного приказа при тусклом свете свечей пытали государевых преступников. После нещадного битья палками, пыткой огнем и дыбой все показали на Ваську, по прозвищу «Кот рыжий». И впрямь: крупная голова его и рябоватое, изуродованное оспой лицо, были покрыты огненно-рыжими волосами, а карие глаза с зеленоватыми оттенками светились как у кота. Редко кто мог выдержать его взгляд: многие моментально робели и опускали глаза вниз, застыв на месте. Однако пытки оказались сильнее колдовских чар и дружки в «воровстве» сознались, что их предводителем был Васька. Старый штемпель для чеканки монет был найден «в большом городе надо рвом, промеж Трупеховских и Петровских ворот». Деньги из переплавленного серебра чеканили по ночам в подвале сапожной мастерской. Хозяин мастерской Иван Ворон швырял деньгами в кабаках, «жил не по карману», а в пьяном угаре не раз намекал, что скоро будет хозяином всего кожевенного дела в Москве. Это и погубило всех.

На дыбе Васька орал по-звериному, но в «воровстве» так и не сознался. Царь Алексей Михайлович, выслушав дьяка из Разбойного приказа, нахмурился и промолвил:

– Мое слово твердо. Отрубить разбойнику голову, чтоб другим неповадно было. Так-то!

Остальным приказал отрубить по левой руке и выслать в крепость Пустозёрск на вечное поселение. Вырваться оттуда было невозможно.

Подъехали к Лобному месту. Площадь была полна народа и гудела как встревоженный улей. На Лобном месте стоял дьяк Савелий и держал свернутый в трубочку указ царя. Рядом на помосте, как глыба, маячила угрюмая фигура царского палача из Разбойного приказа. Палач Тимошка по прозвищу «кожедер» был без шапки, в расстегнутом черном полушубке, из-под которого выглядывала его любимая кумачовая рубаха с яхонтовыми запонками.

Вдруг толпа расступилась, зашумела. Кто-то громко крикнул:

– Везут!

В проходе показались сани-розвальни. В них на рогоже сидел государев преступник Васька. По бокам пристроились два стрельца-охранника. Одет Васька был по-летнему, в длинной холщовой рубахе до пят, в лаптях на босую ногу. На плечах еле держалась рваная шубейка. Волосы непокрытой головы были взъерошены, а в рыжей бороде застряли сосульки. Все его тело дрожало от холода. Стрельцы подтолкнули Ваську под зад, и он оказался на помосте.

На Спасской башне куранты пробили «перечасье». Боярин Ховрин подал знак, и дьяк Савелий развернул указ царя. Толпа затихла.

– А кто после нынешнего его Государева указу будет впредь чеканить фальшивые деньги, – зычным голосом читал дьяк, – тем чинить смертную казнь!

После этих слов Савелий сделал паузу и строго посмотрел на преступника. Свечка в руках Васьки дрогнула.

– А кто в иных каких причинах того дела объявится, – продолжал он, – тем наказание чинить по статьям разным: отрубать обе ноги и левую руку, отрубать только левую руку, отрубать по одному или по два пальца на руках.

Толпа загудела, забурлила как весенняя вода, хлынувшая через плотину. Послышались голоса:

– Рвать языки да головы рубить они умеют, а как голодных людей накормить, у них ума не хватает. Соли и той нету. Обобрали народ до нитки!

Артамон Савельевич, вспомнив кровавые дни Соляного бунта, решил быстрее кончать дело и крикнул дьяку:

– Выполняй волю царя, живо!

Савелий подошел к Ваське и, размахивая перед его носом указом, приказал:

– Молись, разбойник!

Васька гордо поднял голову и степенно поклонился на все четыре стороны. Еле шевеля посиневшими от холода губами, крикнул:

– Руби, ирод проклятый!

С этими словами он небрежно сбросил с себя шубейку, встал на колени и сам положил голову на плаху. Все замерли. Боярин Ховрин поднял руку, палач взмахнул топором, и толпа ахнула, увидев, как окровавленная голова Васьки покатилась по обледеневшему настилу. Стрелецкий сотник Яков ловко насадил голову на пику и под барабанный бой во весь опор поскакал к Спасской башне Кремля, где давно уже каркало воронье в предчувствии пиршества.

Потрясенные зрелищем люди молча расходились по домам. Мальчишки со страхом поглядывали на голову, торчащую на колу у Кремлевской стены.

5

Большой каменный дом боярина Артамона Савельевича Ховрина стоял особняком на Семёновской набережной реки Яузы. Хозяин дома третьего дня сильно занемог и почти не вставал с постели, выгоняя хворь вишневой настойкой, крепким чаем, да сном. По утрам, завернувшись в широкий, из византийского шелка халат, он подолгу лежал в полудреме в своей спальне. Домочадцы ходили на цыпочках, говорили шепотом. Только кухарка Дарья, не боясь гнева хозяина, громыхала на кухне посудой. Напротив окна, прислонясь спиной к тёплой русской печке, занимавшей почти половину кухни, сидел конюх Прохор и как кот на масле смотрел на грудастую стряпуху. На кухне было жарко, вкусно пахло щами, топленым молоком и блинами.

Боярин любил настоящие русские красные блины. Тесто для блинов Дарья обычно творила из пшеничной муки на закваске, добавляя для сдобы молоко со сливками, сахар и яичные желтки. Пока тесто подходило и дышало, кухарка готовила сковороды: очищала их солью, прокаливала на огне с растительным маслом, тщательно протирала. Перед тем, как налить тесто, сковороду смазывала несоленым свиным салом – блины получались румяные, пышные, вкусные. Артамон Савельевич любил есть блины, запивая топленым молоком.

На масляной неделе, а иногда и по воскресеньям, Дарья пекла блины особые, с припеком. Как раз был воскресный день, и Прошка с любопытством наблюдал, как стряпуха творила чудо: на смазанную жиром сковороду она положила мелкие обжаренные кусочки ветчины, сваренные вкрутую и нарубленные яйца, лук, залила блинным тестом и поставила в печь. От раскаленных углей лицо Дарьи разрумянилось и покрылось мелкими, как бисер, капельками пота. Поколдовав ухватом в печи, она закрыла заслонку и, вытирая лицо фартуком, устало села на широкую лавку. Прохор искоса взглянул на нее и сразу понял: кухарка нынче не в духе. Он почувствовал это нутром, когда она гремела ухватом.

– Почто явился, дьявол рыжий? – сверкнув глазами в сторону конюха, спросила она. – Иди на конюшню к своим кобылицам, а то хозяин придет – останешься без зубов.

Прошка сунул пятерню в огненно-рыжую, давно нечесаную бороду, и оскалил рот – вместо верхних зубов зияла дыра. – Опошдал твой хозяин, – прошепелявил конюх. – Вчера кобыла так шаданула, что двух зубов не доштавила.

– То-то я вижу, рожа у тебя расквашена, будто после попойки землю пахал носом, – усмехнулась Дарья. – Ужо погоди, доберется до тебя барин... Видать, вчера хорош был. Спьяну кобыле любовные слова говорил – вот и получил по зубам!

Она любила отчитывать Прошку, и это повторялось почти каждый день. Но он не обижался, привык к этому и по первому же её требованию шел за дровами, носил на кухню воду, точил ножи. Все шло своим чередом и заканчивалось обычно тем, что Прохор уходил с кухни в людскую, хлебнув рябиновой и наевшись до отвала. Злые языки поговаривали, что кучер не раз даже набивался Дарье в женихи, но каждый раз получал полотенцем по шее.

Чаще всего Прошка появлялся на кухне после очередной попойки. Так было и на этот раз. Виновато посматривая на Дарью, он тихо пересел к столу и стал терпеливо ждать.

Дарья смотрела в окно и думала о чем-то своем... Она часто вспоминала свое детство, громадный дом на берегу Онежского озера, односельчан – добрых и трудолюбивых, перебравшихся сюда когда-то из Новгорода Великого. Издавна селились они по берегам полноводной реки Суны и голубого озера Онего, из вековых сосен рубили избы на два ската с затейливой резьбой на окнах, играли веселые свадьбы, обзаводились хозяйством и детьми. Летом каждое утро по тихой воде уходили на карбасах рыбачить, оставляя за собой на водной глади длинные следы расходящихся веером золотистых усов. А после захода солнца, возвращаясь с богатым уловом, усталые, но довольные, пристально смотрели на быстро приближающиеся серо-голубые змейки дымков, выходящих из труб домов вертикально вверх. «Смотри, как дым уходит прямо в голубую синь неба. Значит, и завтра будет хорошая погода», – говорил ей в такие вечера отец, сидящий на корме за рулем.

Дарья с малолетства любила эти места в окрестности Кондопоги, любила эти тихие, тёплые вечерние зори Онего, когда озеро дышит свежестью, плещется рыбой и с заходом солнца меняет свои краски с ярких на более тёмные, нежные. Возвращаясь с рыбалки, она всегда с нетерпением ждала, когда из-за мыса во всей своей красе покажется пятиглавый храм Успенья, одиноко и гордо стоящий над озером. В половодье, когда вода подходила прямо к ступенькам храма, сорока двух метровая башня-шатер с тонкой горловиной и маковкой-головой с крестом напоминала стройную деву, которая прямо в юбке медленно входит в озеро.

Дарья машинально посмотрела на притихшего Прохора и снова погрузилась в свои воспоминания. Кроме рыбалки она с отцом каждое лето бывала на сенокосе. В пойме реки Суны летом плотной стеной стояли сочные, медовые травы. Луга пахли парным молоком. Сенокос!.. В Кондопоге все – от мала до велика – только и говорят об этом. Молодежь уже давно готова показать свою силу и ловкость, готова с радостью уйти в самую рань на луга, чтобы застать росную траву, услышать веселый звон косы и тихий шелест скошенной травы, почувствовать, как постепенно тяжелеет рубаха от выступившего на спине пота. Они ждут только одного слова – «Пора!» Но старики все ещё медлят и не решаются произнести это слово. Они недоверчиво посматривают на кучевые облака, не спеша плывущие по голубому небу, медленно растирают в корявых ладонях сочную траву, принюхиваясь к ней, и вопросительно смотрят друг на друга. Затем, как по команде, все разом решают – «Пора!» И вот уже забурило, заволновалось все село. Опустили дома. С утра до ночи стальной песней зазвенел сенокос. Косцы в белых полотняных рубахах, оставляя позади себя ровные ряды скошенной травы, уходят все дальше и дальше к лесу, растворяясь в утреннем тумане. В полдень становится жарко. На безоблачном небе, прямо над головой, неподвижно висит раскаленное добела солнце. Все вокруг – земля, трава, кусты ивы на берегу реки, дорожная пыль – дышит зноем. Тишина. Только монотонно звенят косы, тихо шуршит скошенная трава, да где-то высоко в небе выводит свою грустную трель одинокий жаворонок. Жара...

Но вот со стороны леса неожиданно, как будто из-под небес, повеяло прохладой. Легкий ветерок принес запахи лесных ягод, меда и скошенных трав. Косцы остановились, с удоволь-

ствием подставляя под ветерок свои потные лица. Но ветерок быстро пробежал луг, нырнул в речку и притих. Снова наступила жара...

Дарья встала с лавки, открыла заслонку, ухватом поставила в печь чугунок с пшенной кашей и подошла к окну. Там, за окном, творилось невероятное: с крыши свисали толстые, длинные сосульки, по которым быстрыми каплями стекала вода. Над рекой Яюзой стеной стоял туман, белый как парное молоко.

– Туман шнег шьедает, – шепелявя, тихо проговорил Прошка, как бы обращая внимание на свою персону.

Ему не терпелось пропустить стопочку – после вчерашнего в голове гудело, и она казалась тяжелей пудовой гири. Но Дарья даже не повернулась и по-прежнему задумчиво смотрела в окно. «Не к добру все это, – думала она. – Ведь совсем недавно были морозы, а сейчас на дворе уже весна».

И правда, такой ранней и дружной весны давно не было. В конце февраля со стороны Коломны на Москву вдруг неожиданно, как из горячей русской печи, пахнуло теплом. За один-два дня столица покрылась жижей из мокрого снега, грязи и мусора, скопившегося на пустырях за зиму. По дорогам и канавам текли бурные потоки грязной воды, сметая все на своем пути. Река Яуза, взломав лед, вышла из берегов, угрожая затопить стрелецкие посадки.

Прошка кашлянул в кулак, снова напоминая о себе. Кухарка молча отошла от окна, как-то отрешенно посмотрела на него и направилась к буфету. Но на этот раз Прохору не повезло. Дарья как в воду смотрела – неожиданно на кухню вошел сам Артамон Савельевич. Увидев сидящего за столом конюха, он строго сказал:

– Опять на кухне около девки крутишься, а лошади не поены. На конюшню, живо!

И Прошку как ветром сдуло.

В это время Дарья метнулась в закуток, за печку, быстро переоделась и вышла в белой кофточке с затейливыми кружевами на груди. Кофточка была ей к лицу, и она надевала её только по праздникам, когда собиралась на базар или в церковь. Пояс широкой юбки стягивал кофту в талии, отчего возникало непреодолимое желание пройтись с гордо поднятой головой.

Дарья подошла к столу, за которым сидел Артамон Савельевич и, увидев бледное красивое лицо боярина, вздрогнула. На душе появилась смутная тревога. «Не к добру все это», – снова промелькнуло у нее в голове. От этой мысли в груди что-то екнуло, похолодело...

6

Наутро подморозило. Дарья посмотрела в окно и не поверила своим глазам: все вокруг было покрыто толстым, рыхлым слоем серебристого инея. В тумане, на фоне дворовых построек, совершенно сказочно выглядел флигель дома с его деревянными резными украшениями и витой лестницей. Справа, за стеной забора, виднелись расплывчатые очертания сада. Яблони стояли, не шелохнувшись и, казалось, были погружены в белый сон как в пору цветения. Тишина... Только со стороны старых амбаров доносились странные звуки, похожие на плач ребенка. «Мартовские коты, – подумала Дарья и лукаво усмехнулась. – Значит, пришла весна». От этих мыслей сердце вдруг забилось сильнее. В голову ударила кровь, на лице появился румянец. Дарья медленно отошла от окна, сладко зевнула и, потягиваясь, почувствовала во всем теле легкость.

Сквозь туманную мглу неожиданно пробились первые утренние солнечные лучи, и на кухне сразу стало светло. Перекрестившись на икону Иисуса Христа, Дарья погасила лампаду и принялась готовить хозяину завтрак. Из людской послышались голоса, скрип половиц, кашель. Наступил новый день...

После плотного завтрака Артамон Савельевич позвал к себе Порфирия и приказал топить баню. Нестерпимо захотелось освободиться от грязи и липкого пота, который в дни

болезни, особенно по ночам, выступал крупными каплями на волосатой груди. Боярин почувствовал, что болезнь отступила, и тело само просится в парную, где пахнет березовыми вениками и русским квасом.

Баня Артамона Ховрина славилась на всю округу особо сухим паром, да громадными дубовыми чанами с подогретой водой. Баней заведовал Порфирий – крепкий сибирский мужик, неведомо как попавший в столицу. В банном деле он знал толк и в совершенстве владел искусством парить и делать массаж, после чего хозяин и гости молодели душой и телом. Баня стояла позади дома и хорошо вписывалась в архитектуру боярского двора, обнесенного красивой стеной из бледно-розового камня. По внешнему виду она напоминала угловую часовню с тремя куполами, под которыми размещались парильня, мыльня, трапезная и подсобные помещения.

Пока Порфирий топил баню, его жена Евдокия с сенной девкой Акулиной наводили чистоту, натирая молотым кирпичом до желтизны и блеска деревянные полы и широкие дубовые лавки.

В банный день у Ховриных всегда были гости. И на этот раз для них Артамон Савельевич распорядился принести дюжину полотняных простыней, пестрые бухарские халаты, бочонок с квасом, заморские вина, закуски. Из гостиной принесли янтарные шахматы работы прибалтийских мастеров. Играть в шахматы в бане повелось ещё со времен Ивана Грозного. Для этого Артамон Савельевич всегда приглашал своего дядю, который страсть как любил шахматы. Ховрин-старший считал игру в шахматы самой мудрой и благородной игрой, завезенной в Россию из далекой, сказочной Индии. В своем кругу старик не знал равных и почти всегда выходил победителем. Играл он смело, изобретательно и боролся до конца. Найдя выход из казалось бы безвыходного положения, старик торжественно восклицал:

– Вам, голубчик, шах и мат!

Он гордо поднимал голову и победоносно смотрел на проигравшего.

– Как говорят персидские мудрецы: «Повелитель умер!»

Янтарные шахматы старик подарил племяннику два года назад, когда новый царь Алексей Михайлович, взойдя на престол, назначил двадцатипятилетнего Артамона Савельевича хозяином Монетного двора.

– Ты, Артамонушка, теперь будешь иметь дело с казной, – сказал тогда Иван Данилович, передавая подарок племяннику. – А деньги, известное дело, счет любят. Игра в шахматы приучит тебя, Артамонушка, к строгости мышления. Думать придется много, потому как царская казна пустеть не должна!

С тех пор в доме боярина Ховрина шахматные баталии были в моде. Принять баню и отобедать были приглашены ещё двое гостей. Почетным гостем был свояк царя боярин Борис Иванович Морозов, который по русскому обычаю любил хороший пар и частенько навещал, как он говорил в своем кругу, «банный дом на Яузе». Но самым желанным гостем, которого с нетерпением ждал и хотел видеть Артамон Савельевич, был друг детства Алёша Хватов. Друзья не виделись почти три года, с тех пор, как Алексей уехал в далекий северный край. Там, в Мангазее, главной крепости северного торгового хода, боярин Алексей Васильевич Хватов служил воеводой и только вчера приехал в столицу по важному государственному делу.

Обычно Иван Данилович, получив приглашение от племянника, приезжал к нему пораньше и до застолья успевал выиграть у него не одну партию в шахматы. Но на этот раз старик, забежав по привычке на кухню к Дарье и осушив бокал рябиновой, не стал расставлять шахматные фигуры, а устало опустил в кресло у тёплой печки в гостиной и попросил племянника сесть рядом.

– Новость есть, Артамонушка! – возбужденным, срывающимся голосом начал Иван Данилович. – Боярина Морозова сегодня у нас не будет. Я только что от него. Велел передать тебе поклон, не до бани ему нынче!

Переходя почти на шепот, старик продолжал:

– Ты, Артамонушка, даже и не представляешь, что сейчас творится там, при царском дворе!

Иван Данилович скрестил руки на груди и как-то по-детски покрутил головой. Потом, не спеша, стал нюхать табак. По его лицу было видно, что от табака он получает истинное удовольствие. Зажмурив глаза, старик несколько раз чихнул и, вытирая платком слезы, уже более спокойно продолжал:

– Вчера вечером дьяк Савелий донес боярину Морозову о «зловонной» проповеди отца Феофана, которую молодые монахи тайно слушали в моленной Успенского собора. В ней Феофан утверждал, будто государя Ивана Грозного духовник постриг в монахи после его смерти, нарушив этим обряд русской православной церкви. И ещё Феофан говорил, будто царя погубили его ближние люди. Стрельцы из Разбойного приказа с ног сбились в поисках Феофана, чтобы наказать злодея за его крамольные речи – отрубить язык.

Артамон Савельевич от неожиданности схватил себя за бороду и, медленно расправляя ее, удивленно спросил:

– Как же это понимать, дядюшка? Неужели это был заговор против Грозного? Тут что-то не так!

– Так или не так, а Феофан показывал монахам писцовую книгу московского двора, найденную им в стене Филаретовой пристройки Кремлевской звонницы. В ней намеком сказано, что царь Иван Васильевич принял насильственную смерть от рук своих приближенных, тайно связанных с Борисом Годуновым.

Последние слова Иван Данилович произнес почти шепотом. С минуту собеседники молчали, оба не веря в то, что было только что произнесено вслух. Молчание нарушил Артамон Савельевич.

– Да, дядюшка, это для меня действительно новость! Только не пойму, зачем Борису надо было брать на себя тяжкий грех? Ведь Иван Васильевич и так был слаб здоровьем, и одной ногой был уже в могиле!

Артамон Савельевич в упор посмотрел на дядю, но тот решил схитрить и начал издалека.

– Помню, отец сказывал, будто Борис Годунов и его окружение весьма опасались женитьбы царя на Мэри Гестингс, племяннице английской королевы Елизаветы. Как знать, случись такое, русский престол мог бы перейти к Англии. Остался бы тогда слабоумный его сын Фёдор без шапки Мономаха.

– Ну, это ты, дядя, круто хватил! – усмехаясь и поглаживая бороду, сказал Артамон Савельевич. – Россией должны править русские цари!

Он встал, бросил в печь несколько поленьев и снова сел в кресло. В гостиной наступила тишина. Только в печке весело потрескивали дрова, высоко выбрасывая золотисто-красные языки пламени, да в углу зала равномерно тикали часы, недавно привезенные Артамоном Савельевичем из Швейцарии. В узкие окна проглядывало солнце, оставляя на полу и стенах светлые полосы. Часы будто бы нехотя пробили четверть двенадцатого.

Артамон Савельевич встал. Ему не терпелось узнать подробности о заговоре против грозного царя, и он снова обратился к дядюшке с вопросом:

– Ну и как же все это произошло?

– Об этом теперь один Господь Бог знает! А что касается Феофана – то быть ему без языка или сидеть на цепи где-нибудь в старой крепости в Пустозёрске или на Соловках. Боярин Морозов не простит злодею его бунтарскую проповедь.

Иван Данилович немного помолчал и добавил:

– В конце проповеди Феофан взывал к Богу, к справедливости и ратовал за то, чтобы церковь заклеила позором великого грешника и цареубийцу Борису Годунова.

Он встал, возбужденно зашагал по комнате, но потом снова сел в кресло.

– Сколько себя помню, всегда так было: царский двор без междоусобной борьбы жить не может. Удержать власть становится все труднее и труднее. Видно, так уж повелось на Руси... Либо убьют, либо отравят, либо, сбросив с престола, постригут в монахи!

Артамон Савельевич с удивлением посмотрел на дядюшку, ожидая новых откровений, но тот замолчал, увлеченно нюхая табак. Потом, как бы вспомнив что-то, снова заговорил:

– Ты спрашиваешь, как это было? Цари ведь тоже люди и как все люди смертны. Бес-смертна, пожалуй, лишь одна мечта... Вот и пришла очередь помереть Иоанну Васильевичу. Видно, судьба! Недаром в народе говорят: «Кому на роду что написано, того не миновать!»

– Может, оно и так, – медленно и задумчиво произнес Артамон Савельевич. – Но судьба – судьбой, а борьба – борьбой.

Он встал и философски добавил:

– Жизнь, дядюшка, – вечная борьба! Вот и выходит, что самая жестокая борьба есть борьба за власть.

Глава вторая Воевода Хватов

1

В дверь постучали. Вошел Порфирий и, низко кланяясь, доложил:

– Барин, баня готова!

Одет Порфирий был по-праздничному, в ярко-голубую шелковую рубаху, полотняные порты и хромовые сапоги. Волосы на голове были жирно смазаны лампадным маслом и тщательно расчесаны на пробор. Русая борода аккуратно подстрижена в кружок. Могучая, сибирского склада фигура Порфирия, казалось, излучала какую-то особую энергию, доставляя ему внутреннюю радость, сравнимую, пожалуй, лишь с радостью молодой матери, кормящей грудью своего первенца. Баню Порфирий всегда готовил с большой охотой и банный день почитал лучше престольного праздника. Потоптавшись на месте, он собрался было уходить, но потом снова поклонился и с явно сибирским акцентом проговорил:

– Барин, ежели ещё что надо, так мы это самое... того...

Запутавшись в собственных словах, Порфирий смутился и замолчал.

Артамон Савельевич посмотрел на банщика и улыбнулся. В голове промелькнула мысль: «Молодец, Порфирий. Дело свое знает и любит. Таких становится все меньше. Каждый норовит лишь поесть, да поспать, а на дело ему наплевать. Пример тому – Прошка. Все делает из-под палки. Вот и сейчас сидит, наверное, на кухне и зад свой греет».

Артамон Савельевич с добротой посмотрел на Порфирия и сказал:

– Хорошо, братец, иди. Да скажи Прохору, что бы он встретил боярина Хватова на улице и немедленно доложил мне.

Часы пробили двенадцать. Иван Данилович, пригревшись у печки, задремал. В наступившей тишине вдруг с улицы отчетливо слышался звон бубенцов. Артамон Савельевич быстро встал и направился к парадному подъезду. В коридоре на него чуть не налетел кучер Прохор. Он с трудом остановился и хриплым голосом испуганно закричал:

- Барин, гости приехали! На тройке с бубенцами!
- Сам слышу, не глухой. Летишь как угорелый!

Прошка попятился назад, прижался к стене и вытянулся как солдат на строевом плацу. В голове промелькнуло: «Выстегает барин, ей-богу, порку устроит!» Но Артамон Савельевич прошел мимо, вышел на крыльцо и сразу попал в медвежьи объятия Алексея. Друзья трижды, по русскому обычаю, обнялись и расцеловались, а потом долго ещё тискали друг друга, рассматривая в упор.

Крупный, высокого роста, в собольей шубе и красивой шапке из голубого песца, воевода, несмотря на свою молодость, выглядел знатным вельможей. На обеих его руках сверкали крупные, особой восточной чеканки, золотые кольца и серебряные перстни с удивительной вязью и чернением. Весь вид воеводы говорил о том, что за эти годы он весьма преуспел в богатстве.

– Рад, очень рад видеть тебя, Алёша, – взволнованно говорил Артамон Савельевич, приглашая друга в дом.

В гостиную Алексея обнял и крепко расцеловал Иван Данилович. Дружески похлопывая по плечу, он с восторгом сказал:

– Слава Богу, выглядишь ты, Алексеюшка, молодцом. Красив, косая сажень в плечах. Много про тебя и твои дела сказывал мне боярин Морозов. Жаль, что сегодня у нас его не будет. Просил тебе кланяться, вспоминал свое вынужденное житье-бытье в ваших северных краях и долгие беседы в дождливые осенние вечера.

– А что случилось, здоров ли Борис Иванович? – удивленно спросил Хватов.

– Здоров-то, здоров, но сильно озабочен одним делом, – уклончиво ответил старик. – При встрече, думаю, он сам тебе все расскажет, а то я могу и приврать.

Переводя разговор на другую тему, Иван Данилович продолжал:

– Слышал я, Алексеюшка, что ты до сих пор бобылем живешь. Почему так? Не пора ли семьей обзавестись?

– Не до женитьбы, забот много, – усмехаясь в пшеничные усы, ответил Алексей Васильевич. – Да и край наш суровый, не каждая поедет. Кругом дремучая тайга, за ней – редколесье и тундра до самого Студёного моря. На многие версты ни жилья, ни людей – глушь, зверье да болота. Край дикий, не для столичных барышень. Воля царская да пламенная любовь – вот, пожалуй, что может заставить поехать туда женщину!

Воевода улыбнулся.

Артамон Савельевич с восторгом посмотрел на друга и сказал:

– Не беда, Алёша, найдем тебе такую женщину, есть на примете. Дай только срок. Велика Русь и не одна Москва родит красавиц. Поживешь здесь месяца два и уедешь на край Земли с молодой женой. В долгую полярную ночь будет за что подержаться!

Все рассмеялись.

– Если гости не возражают, то я прикажу накрыть стол прямо в трапезной бани. Вспомним молодость! – сказал Артамон Савельевич и вышел из гостиной.

Ховрин-старший достал из кармана кожаную табакерку и предложил воеводе «откушать табачок», но тот отказался.

– Покорнейше благодарю, Иван Данилович, не балуюсь.

– Напрасно, молодой человек. Здоровью не очень вредит, успокаивает нервы, а при чихе очищает носоглотку и легкие. Впрочем, все это лишь дурная привычка!

Он поднес к носу щепоть табаку и с упоением втянул воздух, а с ним и табак. Чихнув три раза, он вытер платком нос и, чтобы больше не чихать, крепко зажал переносицу двумя пальцами.

– Да-с! Табачок крепкий. Выращен и приготовлен по особому рецепту одним древним старичком из Тамбовской губернии. Слезу пробивает с первого нюха – зверь, а не табак!

Иван Данилович, скользнув раскосым взглядом по ладной фигуре воеводы и золотым кольцам на руках, хотел было ещё что-то сказать, но Алексей Васильевич опередил старика.

– Что-то я не вижу Елизаветы Петровны. Здорова ли?

Иван Данилович ответил не сразу. Он встал, подошел к печке, открыл дверцу и шевельнул кочергой угольки, из-под которых неожиданно вылетел целый рой огненных искр.

– Лизонька нынче в гостях. Надумала на неделе поехать к своей двоюродной сестре Оленьке на богомолье, да там и задержалась. Впрочем, масленицу – свой самый любимый праздник – Елизавета Петровна всегда проводит там, в Троице-Сергиевом монастыре.

Иван Данилович снова сел в кресло и, лукаво поглядывая на Алексея, заметил:

– Спрашиваешь, здорова ли Елизавета Петровна? А что ей сделается! По-прежнему молода, красива, весела и беззаботна. Женщина, брат, в самом соку – ядрена как девка. Оттого и детей рожать не хочет.

Немного подумав, добавил:

– А может Бог чем обидел, не знаю.

В последних словах Ховрина-старшего Алексей Васильевич заметил оттенок скрытой досады.

Старик продолжал, как бы рассуждая сам с собой:

– Да что там говорить! Известное дело бабий род: живучи как кошки, хитры как лисицы, капризны как морская стихия.

В это время в гостиную порывисто вошел Артамон Савельевич.

– Дорогие гости, прошу принять баню и откусать, чем Бог послал!

2

Миновав переднюю, хозяин и гости по длинному и узкому коридору прошли в трапезную бани. В доме боярина Ховрина эта комната часто служила местом для приема знатных гостей, поэтому её убранство для Артамона Савельевича было особой заботой. Здесь после бани, одетые в яркие бухарские халаты, гости отдыхали. За трапезным столом или шахматной доской они вели непринужденные беседы о политике, религии, жизни и нравах других стран, часто осуждая собственные порядки. Бывало, здесь зарождались новые идеи, которые потом воплощались в важные государственные дела. В трапезной бани было тепло, приятно пахло смолой, русским квасом и соленьем.

Алексей Васильевич до отъезда в Мангазею не раз бывал здесь. Но сегодня он просто был поражен великолепием обстановки и невольно улыбнулся от удовольствия – трапезная неузнаваемо изменилась. «Все течет, все меняется», – подумал он и ещё раз внимательно осмотрел трапезную.

Стены комнаты на одну треть от пола были обшиты розовым деревом, а выше, почти до самого лепного потолка, закрыты цветной шелковой тканью с национальным восточным орнаментом. Пол был застлан тремя громадными персидскими коврами. Прямо напротив входа, в резной позолоченной рамке, висела великолепная картина голландского живописца Рембрандта. Сквозь голубые тканевые шторы окон еле-еле проникал свет, поэтому в комнате даже днем зажигали свечи: два массивных серебряных канделябра в виде дракона с множеством голов – свечей стояли между окон на высоких резных тумбах, сработанных из дуба и кедра. Горящие свечи придавали трапезной какую-то особую торжественность.

В центре комнаты на изогнутых ножках стоял овальной формы дубовый стол, покрытый белой кружевной скатертью с длинной бахромой, свисающей почти до самого пола. В глаза бросилось обилие и разнообразие закусок: севрюга, балык из осетрины, красная семужья икра, ветчина, говядина со шпиком, грибы в сметане, пирог с капустой, овечий сыр, масло. Украшением стола была огромная китайская фарфоровая ваза, доверху наполненная мочеными ябло-

ками. Тонкие стенки вазы были красиво расписаны голубой лазурью. Отблески света от горящих свечей ярко отражались на серебряных с позолотой столовых приборах.

Справа от входа, у окна, между двумя кожаными креслами, стоял круглый низенький столик с янтарными шахматами. Слева, в небольшом дубовом чане, среди кусков льда, лежали бутылки с вином и водкой.

Артамон Савельевич на правах хозяина, как истинный хлебосол, широким жестом пригласил гостей к столу. Налил в золотые чарки анисовой водки и, обращаясь к своему другу, произнес:

– С приездом, Алёша! За встречу, за твоё здоровье, за успех твоего дела!

Все разом выпили и потянулись к закуске. Артамон Савельевич, поглаживая бороду, добавил:

– Хороша анисовая... Даже государь наш, Алексей Михайлович, по праздникам употребляет оную с большой охотой. А недавно, говорят, вместе с дарами в Каир по его велению отправили бочонок русской водки.

– Да, – вступил в разговор Иван Данилович. – Государь наш устремил сегодня свои взоры на страны Востока. В последнее время с превеликим удовольствием читает книги о путешествиях в страну Большого Хапи. Боярин Морозов недавно говорил мне, что он для государя раздобыл забавную книжицу – «Хождение купца Василия Позднякова», в которой описаны долгие странствия смоленского купца в Царьград, Каир и Александрию. Это было первое русское посольство в Египет. Царь Иоанн Васильевич повелел им тогда «обычаи в странах тех писати».

Артамон Савельевич отпил из кружки квасу и, обращаясь к Алексею, сказал:

– Дядюшка прав, говоря, что царь наш Алексей Михайлович устремил свои взоры на Восток по примеру Грозного: хочет, чтобы о нем в тех странах знали, Россию почитали, а купцам чтоб прибыль была. Торговле ход дает, и мы это поддерживаем – казна от торговли в убытке не будет. Нас беспокоит другое: страшно подумать, но при царском дворе всерьез поговаривают о церковной реформе. Царь Алексей Михайлович сблизился с митрополитом новгородским Никоном, считает его своим другом и поддерживает нововведения, взятые из веры Византийской. Уж больно им хочется, чтобы Москву называли «третьим Римом!» Говорят, что Никон стремиться стать патриархом всея Руси. Думаю, что раскол в православной церкви неминуем, и неизвестно ещё, чем закончится эта борьба...

Артамон Савельевич встал, подошел к двери и крикнул, чтобы принесли ещё квасу. Вошел Порфирий, низко поклонился, поставил на стол кувшин, снова поклонился и молча вышел.

Алексей Васильевич узнал Порфирия, улыбнулся и подумал: «А банщик ничуть не изменился, такой же могучий, аккуратный, такой же добрый взгляд». Вслух сказал:

– Хорош у тебя, Артамон, банщик. Мне бы такого иметь там, в Мангазее. Без бани и хорошего банщика у нас пропадешь. Тоска! А для человека на краю света тоска – самое что ни на есть ужасное, хуже смерти.

Пили, в основном, квас, чтобы с потом в парилке выходили все болячки. Разговор снова зашел о путешествиях в далекие страны.

– Летом прошлого года, – заметил Артамон Савельевич, – по государеву указу мне пришлось выдать немалые средства монаху Голутвинского монастыря, что в Коломне на реке Оке стоит. Монах тот – Арсений Суханов – был послан царем Алексеем Михайловичем в большое путешествие по Египту.

Артамон Савельевич встал из-за стола, подошел к небольшому, кованому медью дорожному сундуку и достал из него темно-коричневый свиток и две какие-то фигурки.

– Вот полюбуйся...

После короткой паузы он добавил:

– Чудо из чудес!

В руках Алексея Васильевича оказались две бронзовые статуэтки с изображением людей с головами сокола и льва, в пышных одеяниях. Странное существо, с головой сокола и туловищем человека, гордо восседало на высоком богатом троне.

– Эти подарки Арсений Суханов прислал нам из Каира с купцом первой гильдии Михаилом Мякининым – другом Ивана Даниловича.

При этих словах племянника Ховрин-старший улыбнулся и придвинул свой стул ближе к Алексею.

Артамон Савельевич продолжал:

– А вот папирус...

Он осторожно развернул свиток, на котором было изображено солнце, звери, птицы, фигурки людей в странных позах. Внизу свитка красными и черными чернилами ровными рядами были изображены какие-то знаки.

– Это их буквы, – многозначительно пояснил Иван Данилович. – Пробовал прочесть, но не получилось. Сбросить бы годков эдак двадцать, махнул бы в Египет отгадывать старые письма. Ей-богу сбежал бы! Русский народец, Алексеюшка, смел и смышлен, да живет ещё как медведь зимой в берлоге. Но ничего! Придет время, и кончится эта спячка. О России и русских ещё мало знают, а пишут и того меньше. Наступит время, когда о России заговорит весь мир!

От возбуждения Иван Данилович даже встал, высоко поднял в руке чарку и, победоносно взглянув на молодежь, залпом выпил. Закусывая, он с сожалением добавил:

– Однако думаю, не дожить нам до тех времен, а жаль...

Алексей Васильевич, не спеша, выпил чарку водки, закусил солеными грибами, немного подумал и сказал:

– Вы правы, Иван Данилович. Велика Россия, богата недрами и людьми, но не угнаться ей пока за передовыми странами запада и востока. Сумеет ли молодой царь Алексей Михайлович укрепить нашу державу, вот в чем главный вопрос!

Тем временем Артамон Савельевич уложил в сундук фигурки, папирус, достал ещё какие-то бумаги и, показывая Алексею Васильевичу картинки, загадочно продолжал рассказывать:

– Это их река Нил. Вот что об этой реке Суханов пишет: «...вода полая с берегами ровна, шириною яко Ока под Серпуховым или Коломною, а в ином месте и уже».

Он перевернул лист бумаги, отыскал нужное место.

– А вот что Арсений пишет о громадных пирамидах из камня: «Это древних фараонов могилы, достойны великому диву...»

– Слышал я о сих гробницах, – вмешался в разговор Алексей Васильевич. – Интересны и загадочны эти пирамиды; как они были сооружены, пока никто не знает. Много интересного в этих тёплых краях. Но, побывав на севере, я понял, что не менее интересна и загадочна жизнь северных поселений. За три года воеводства в Печорском крае многое пришлось узнать. Вечеров не хватит, чтобы обо всем рассказать.

– Ничего, Алексеюшка, зимние вечера долги, – сказал Иван Данилович.

Он лукаво улыбнулся и подмигнул своим раскосым глазом.

– Ты лучше скажи, Алексеюшка, если не секрет, с чем пожаловал к царю?

– Не секрет, Иван Данилович.

Алексей Васильевич откинулся на спинку стула.

– Россию на ноги ставить надо, богатство русских северных земель и вод осваивать. Иностранные купчишки, особенно норвежцы и датчане, безбожно грабят наш северный народец – самоедов, ламутов и юкагиров. Несмотря на высочайший запрет, ходят они Студёным морем в наши края, пробираются в Мангазею и купают там за бесценок шкуры белых медведей, оле-

ней и голубых песцов, тюленевый жир, моржовую кость, гагачий пух, отчего несет государство наше большие убытки...

– Да, ты прав, Алексеюшка. Богатством своим по-хозяйски распоряжаться мы, русские, не умеем. Сколько добра пропадает! Все куда-то уходит, течет как вода сквозь пальцы!

Иван Данилович достал из кармана кожаный мешочек-табакерку и, с жадностью нюхая табак, несколько раз чихнул.

– Что правда, то правда, дядюшка! – подхватил Артамон Савельевич. – Вот где для казны нашей средства искать надо!

Обращаясь к Алексею, спросил:

– С тем и приехал к царю?

– Да в челобитной об этом сказано. С купцов, как наших, так и иноземных, налог взимать надо, заставы усилить стрельцами и казаками, новый пост зарубить на Югорском шаре.

Алексей Васильевич немного помолчал и добавил:

– А ещё, Артамон, есть у меня задумка снарядить государеву морскую экспедицию на Новую Землю. Есть такая земля! А лежит она в Студёном море к северо-востоку от Соловецких островов. Архангельские поморы, побывавшие на Новой Земле, рассказывают о её сказочном богатстве: красной рыбы, оленей, морского зверя и птицы разной не на один век хватит. Можно организовать там постоянный промысел с большой прибылью для нашего государства. А хода туда морем суток пять – шесть... Однако трудности есть немалые: бывает, что сплошные льды у той земли стоят и летом.

По лицам собеседников Алексей Васильевич понял, что его предложение снарядить морскую экспедицию на Новую Землю оказалось весьма интересным и заманчивым.

– А ещё говорят, что при Иване Грозном новгородцы добывали там горный хрусталь и серебро. Даже бухту называли Серебрянка...

– Ну, это уже совсем по моей части, – оживился Артамон Савельевич. – Очень интересно! Об этом, Алёша, думаю, мы подробно поговорим после парилки, а то за разговорами, глядишь, и пар на улицу сбежит...

– За легкий пар! – торжественно произнес Артамон Савельевич. – Закусывая, добавил:

– Ну, а теперь, гости дорогие, не грех и баньку принять!

3

В парильне было просторно, чисто, сухо. Каменная печь или каменка, как её называли на Руси, была сложена из мелких огнеупорных кирпичей «на манер финской». Сквозь два небольших слюдяных оконца в парильню проникал свет.

Гостей Артамон Савельевич уложил на тёплые, сверкающие желтизной ступеньки полка, а сам стал «колдовать» у печи. Зачерпнув ковшом с длинной деревянной ручкой из бочонка немного квасу, он плеснул его на раскаленные камни. В парильне сперва появился приятный хлебный запах, а за ним – горячий сухой пар. Потом он плеснул на камни ещё два-три ковша воды, и из печи резко ударило упругим, горячим паром, и на верхней ступени полка сразу зашевелились.

– Поддай ещё чуть-чуть, Артамонушка! – послышался скрипучий голос Ивана Даниловича.

Пришлось уважить старика – поддать пару. В ушах сразу зазвенело, тело начало покрываться крупными каплями пота.

Артамон Савельевич неожиданно ахнул, выбежал в предбанник и вернулся с шапками-ушанками.

– Вот, растяпа, совсем забыл! Надевайте шапки разбойники, – весело, басом говорил он, протягивая их гостям. – Не то перегреются ваши буйные головушки!

Сам он подошел к дубовой бочке, на ходу надел мягкие суконные рукавицы и взял в обе руки по березовому венику.

– Начнем с дорогого гостя! – поднимая вверх веники и чуть стряхивая с них воду, сказал Артамон Савельевич. Приговаривая какие-то ласковые слова, он стал хлестать Алексея вениками по спине, как кузнец молотом по горячей поковке. Через две-три минуты Алексей перевернулся на спину, подставляя живот и бока под равномерные, хлесткие удары. Тело сразу покраснело и покрылось испариной. Выпроводив Алексея в мыльню с чанами, Артамон Савельевич принялся обрабатывать вениками дядюшку.

Бултыхаясь в чане с прохладной водой, Алексей Васильевич подумал: «До чего же хорошо! Непременно устрою такую мыльню у себя в Мангазее».

После второго пребывания в парилке Артамон Савельевич уложил Алексея на широкую дубовую лавку посреди мыльной и крикнул Порфирия. Банщик пришел в белых льняных штанах, в рубашке-косоворотке нараспашку, в лаптях. Не говоря ни слова, он ласково посмотрел на Алексея Васильевича и окатил его тёплой водой.

– С Богом! – только и сказал он.

Делая массаж, Порфирий негромко приговаривал:

– А сейчас, барин, по спине пробежит кабанчик!

Пальцы его рук в четком, до автоматизма отработанном ритме, бегали по всему телу Алексея Васильевича как пальцы гуслира по струнам гуслей. В этом ритме было какое-то волшебство и Алексей, блаженствуя, полностью отдал себя и свое тело этой игре. Он, расслабившись, молча лежал на широкой лавке лицом вниз и, улыбаясь, думал о сказочных лесных зверьках, бегающих без усталости по его спине.

Сгибая ноги или руки Алексея Васильевича, Порфирий как бы советовал:

– Сопровитляйся, барин, сопровитляйся – медведь кости ломать пришел!

Все это делалось не спеша, мягко, осторожно, но настойчиво и уверенно. Иногда, в процессе массажа, Порфирий надевал на левую руку (он был левша) особой формы кожаную шершавую рукавицу, которой как наждаком докрасна растирал распаренное тело. Все это чередовалось намыливанием тела и скатыванием тёплой водой. Закончилась вся процедура тем, что Порфирий и Артамон Савельевич взяли два тазика (один с горячей, а второй с холодной водой) и быстро, почти одновременно, вылили воду на спину Алексея Васильевича, окатив его с головы до ног. После этого Алексей, как ошпаренный, вскочил с лавки и со словами: «Ух, божья благодать!», бросился в дубовый чан с прохладной водой. Там, закрыв глаза и блаженно улыбаясь, он сидел до тех пор, пока Артамон Савельевич не пригласил его снова в парилку «погреться».

Прошло около двух часов. Хозяин и гости, распаренные, одетые в тёплые широкие халаты, расслабившись, сидели в трапезной. Иван Данилович, откинувшись на спинку стула, с упоением нюхал табак.

– Как банька? – с обычного вопроса начал разговор Артамон Савельевич.

– Хороша! – ответил Алексей. – Как будто пудовую гирию снял с себя. Недаром говорят: «Ничто так не снимает усталость, как баня!» Да и Порфирий твой – прямо кудесник! Отдал бы мне его на время. Кажется, он сибиряк, к морозам и снегам привык. Со мной проживет лет пять на севере, а там, Бог даст, и я в Москву вернусь, верну тебе и Порфирия.

Артамон Савельевич, пощипывая левой рукой бороду, ответил не сразу. Ему было жаль отдавать банщика. Но что поделаешь – друг просит!

– Для тебя, Алёша, все сделаю.

Махнув рукой, добавил:

– Будь по-твоему! Забирай Порфирия на свой север. Пусть слава о кудеснике легкого пара дойдет до самого Студёного моря!

Ударили по рукам. В это время Дарья заменила столовые приборы, принесла холодные и горячие закуски. Застолье продолжалось.

Артамон Савельевич налил всем по чарке водки и предложил выпить за «снятие усталости». Все с удовольствием поддержали его. Закусывая, Иван Данилович, как бы между прочим, спросил Алексея Васильевича:

– Слышал я, Алексеюшка, что народ северный в банях не моется. Так ли это?

– На севере, Иван Данилович, народ разный живет. Местные жители – аборигены, например, ненцы или юкагиры, не моются вообще, с самого рождения. А вот поморы чистоту тела любят и баню принимают с охотой. Оно и понятно: они первыми из русских переселились из Новгорода на берега Белого моря. Стали рыбой и зверьем промыслять в море, потому и назвали их поморами. Помыться и попариться в бане после тяжких трудов – давняя русская традиция, и они соблюдают её строго. Причем парятся все вместе – мужчины, женщины и взрослые дети. У каждой семьи своя банька позади дома стоит.

Он молча стал пить из большого ковши клюквенный морс.

– В последние годы, – продолжал свой рассказ Алексей Васильевич, – судьба часто сводила меня с промышленниками, местными купцами, которые скупали у лопарей шкуры и ворвань, да и сами частенько сколачивали артели для промысла зверья и рыбы на северных просторах. Много зверя и птицы водится в тундре, а реки, впадающие в Студёное море, кишат рыбой. Давно уже русские люди, в основном поморы, ходят за Югру и Самоядь, бьют морского зверя, ловят рыбу и ставят промысловые избы, в том числе и на Новой Земле. Бывали случаи, когда они оставались там на зимовку – штормовые ветры не давали вырваться ладьям из ледового плена. После таких зимовок рядом с промысловыми избами появлялись безымянные могилы и деревянные кресты – цинга косила людей смертельной косой.

– А что поморы говорят о серебряной руде и бухте Серебрянке? – спросил Артамон Савельевич.

– Поморы – отчаянные мореходы и на своих ладьях часто ходят на Грумант и Новую Землю промыслять морского зверя. На Груманте у архангельских поморов есть даже свои поселения. Там нашли огромные залежи каменного угля. А насчет серебряной руды они мало что знают. Говорят, её добывали на Новой Земле новгородские мастеровые. Это было в годы царствования Ивана Грозного. Но потом будто бы руда исчезла.

Алексей Васильевич немного помолчал, вытер махровым полотенцем капельки пота на лбу и маленькими глотками допил клюквенный морс.

– По этому поводу рассказывают разные байки, – Алексей Васильевич откинулся на спинку стула и распахнул халат: в трапезной бани было жарковато.

– Однажды нам пришлось почти два дня сидеть в чуме самоеда Ханеца и ждать погоды, чтобы добраться до Югорского Шара. Со мной тогда был воевода Пустозёрска Роман Неплюев. Всю ночь, под вой ветра, вели разговоры, пили спирт, закусывая строганиной из красной рыбы и вареным мясом из оленины. Говорили о полярной ночи, об охоте, рыбной ловле, вспоминали разные истории. Зашла речь и о серебре...

Алексей Васильевич немного помолчал, как бы собираясь с мыслями.

– Помню, в полночь захмелевший хозяин вытер ладонью жирные губы, закурил трубку и, прищурив один глаз, рассказал нам такую историю.

«Мой дед Авдей был из большого рода Вылки. Много повидал на своем веку, не раз бывал и на Новой Земле.

Однажды русский царь повелел отправить на Новую Землю рудознатцев искать там серебряную руду по примеру новгородцев. Шкипером на судне был друг моего деда Николай Орлов. Не раз они вместе выбирались из смертельных объятий стихии: мой дед хорошо знал тундру, а Николай – море, и это помогало им выйти живыми из сложных ситуаций, которые случались на суше и на море.

Летом они добрались до бухты Серебрянка и почти до самой осени искали место, где новгородцы добывали серебряную руду. Много горного хрусталя, разной руды нашли они тогда, но серебряных рудокопных ям не обнаружили. В начале сентября задули сильные ветры, пошел снег, появились льдины, и шкипер, боясь, что сплошные льды раздавят шхуну, решил сняться с якоря и по свободной воде с попутным ветром уйти домой в Архангельск. Пять рудокопов вызвались остаться на зимовку и найти место, где новгородцы добывали серебро.

На следующий год летом, когда за серебряной рудой пришел корабль от царя московского, матросы, подходя на лодке к берегу, увидели страшную картину: рядом с полуразрушенной избушкой была навалена гора руды, невдалеке виднелись три могилы с деревянными крестами. Около костра сидел обросший, завернутый в тряпье человек и глодал большую кость. Увидев людей, он бросился бежать в тундру. Когда матросы подошли к костру, они увидели котел с варевом, вокруг валялись кости и человеческий череп. Найти оставшегося в живых мастерового не удалось – он ушел в горы и исчез навсегда. С тех пор исчезла в горах и серебряная руда...»

– Да, жуткая история, – задумчиво произнес Артамон Савельевич.
Разошлись за полночь.

4

В первый день масленицы, после оттепели, Москва снова погрузилась в зиму. Небо заволочло плотными облаками, из которых крупными хлопьями валил снег. За ночь его выпало столько, что вполне хватило бы прикрыть все земные грехи. К утру ударил небольшой морозец. «Не сдается зима – матушка», – думал Артамон Савельевич, сидя на кухне. Дни стали длиннее на «целый лошадиный шаг», как говорили в народе. Солнце светило ярче, но тепла по-настоящему ещё не было. Короткие оттепели сменялись морозами с пронизывающим ветром и метелями.

– Чем знатен февраль, так это своими метелями, – угадав мысли барина, сказала Дарья.

Она поставила перед хозяином горку румяных блинов, мед, сметану, сливки, топленое молоко. Потом заварила в чайнике душистый чай и спросила:

– А скоро ли вернется домой Елизавета Петровна?

Боярин с удивлением посмотрел на Дарью.

– Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Грехи бабы замолить – не корову подоить! Уйму времени надо и завидного терпения.

Он намазал блин толстым слоем меда и свернул его трубочкой.

– А ты что, соскучилась по барыне?

– Да нет, я просто так спросила. Скучать мне некогда, работы много.

Поглядывая настряпуху, Артамон Савельевич, не спеша, ел блины с медом и запивал чаем со сливками.

– Мне тоже нескучно, коль рядом под боком такая девка.

Варвара покраснела и смутилась.

– У вас, мужиков, одно на уме. Пустое все это. Баловство одно...

– Кому баловство, а кому наслаждение.

Разглаживая бороду, Артамон Савельевич пристально смотрел на разрумянившуюся кухарку. Дарья была в новой кофточке сиреневого цвета с красиво расшитым разрезом на груди и бледно-розовым стоячим воротничком.

– Сама вышивала? – не отрывая взгляда от кофточки, спросил боярин.

– Сама, – с гордостью ответила Дарья. – С детства приучена к этому мастерству. У нас в Кандопе все девки мастерицы вышивать.

– Не пора ли тебе замуж, Дарья? – вдруг неожиданно спросил Артамон Савельевич. – А то в девках засидишься...

Дарья снова смутилась и опустила голову. Преодолев смущение, она с улыбкой сказала:

– Мне и в девках неплохо. Кругом не мужики, а так – пьяницы одни. Выйдешь замуж – хлебнешь горя! Такие, как Прохор, мне и сто лет не нужны.

Артамон Савельевич встал, перекрестился, поблагодарил кухарку за вкусные блины. Спокойно сказал:

– Ты вот что, Дарья, найди-ка Прохора, да скажи ему, чтоб запрягал кобылу. На Монетный двор поедет, накопилось дел много.

Потом в нерешительности постоял с полминуты.

– А вечером не забудь зайти в спальню, оправить постель надо.

«Ну вот, – промелькнуло у Дарьи в голове. – С чего это я, дура, заговорила о барыне? Сама же и напросилась на баловство...»

Она улыбнулась, вспомнив широкую кровать, пуховую перину и высокую гору подушек. Сладко зевнула, потянулась и, как в то утро, почувствовала во всем теле легкость. На душе было спокойно. Подошла к окну. За окном – весна! Светило солнце. Выпавший мокрый снег таял прямо на глазах. Кругом распевали птицы. Было интересно наблюдать, как голубь, распушив перья и воркуя, преследовал свою сизокрылую подругу. «Брачная пора начинается, – подумала Дарья. – Природа берет свое...»

Задержав окно занавеской, она пошла искать Прохора.

На следующий день вечером к Артамону Савельевичу неожиданно приехал Алексей Хватов. Хозяин обрадовался гостю и приказал Дарье накрыть стол в гостиной. В комнате было тепло. В печке потрескивали горящие поленья.

– Молодец, что приехал. Как-никак праздник, масленица.

– У меня дело к тебе, Артамон.

– Во время праздника отдыхать надо. На масленицу девки хороводы водят, с молодухами и погулять не грех. А у него все дела да заботы.

– Так-то оно так... Да с челобитной никак не могу попасть к царю на поклон. Вот и приехал к тебе за советом.

– Ну, это, Алёша, поправимо! Царский казначей – не дьяк и не подьячий. У государя бываю часто. Да и челобитная твоя с казначейскими делами связана.

Он налил по чарке анисовой. Выпили, закусили балыком из севрюги. Вошла Дарья, и вместе с ней на столе появились блины, мед, сметана, сливки.

– Был я вчера на Монетном дворе, а потом заехал к боярину Морозову по казначейским делам. Государь сейчас никого не принимает. Весной у государя нашего одна забота – с раннего утра уезжает на потешный двор, готовится к соколиной охоте. Охота – любимая потеха царя. Почти каждый день ездит за город и тешится с птицами. Много берет зайцев и лис. Любит ходить и на медведя. Недавно сокольничий Федька Кошелев вблизи Дубровки обнаружил уйму зверья. Вся московская знать выехала на царскую охоту.

– То-то, я смотрю, Кремль опустел, с собаками никого не сыщешь, – с улыбкой заметил Алексей Васильевич.

В дверь постучали. Вошла Дарья и принесла большое блюдо с зайчатинной.

– Вот видишь! – весело сказал Артамон Савельевич. – И нам кое-что перепадает с царского стола. Вчера Федька гостинцы прислал. Говорят, охота была удачная.

– Ну, вашу охоту в Подмоскovie с нашей-то охотой на севере не сравнить, – со знанием дела сказал Алексей Васильевич. – Медведи бурые и белые, моржи и нерпы, гуси – вот неполный перечень зверья и птицы на севере. А стада диких оленей несметные! Поел я оленины вдоволь. Пшениный кулеш из ребер молодых важенков – пальчики оближешь!

Артамон Савельевич налил ещё по чарке анисовой водки.

– Давай, Алёша, выпьем ещё по единой. А то скоро Великий пост – ни выпить водочки, ни закусить зайчатиной, ни побаловаться с молодухами. – Он улыбнулся и подмигнул Дарье, которая принесла жареную зайчатину и клюквенный квас.

Алексей Васильевич, запивая водку квасом, сказал:

– Великий пост не зря считается великим. Моя матушка так говорила: «Великий пост – не только отказ от обильной пищи. Главное – отказ от злых помыслов и дел». Любит она пост держать. Великая постница!

– Ты прав, Алёша. Мы разучились жить по законам наших предков. Раньше пост начинался в день Касьяна завистливого, из-за боязни его злодеяний. Про Касьяна говорили так: «Посмотрит Касьян на траву – та завянет, глянет на скот – тот падет». Оттого и пост держали три недели, чтобы угодить Касьяну. А сегодня многие живут по другим законам. У каждого свой Бог. Народ голодает, а у них одно на уме: власть, богатство, слава.

– У каждого свои заботы, – заметил Алексей Васильевич. – У кого щи кислые, а у кого жемчуг мелкий... Видел, какой дворец у Троицкой башни Кремля строят себе Милославские? Думаю, не на свои денежки...

Артамон Савельевич налил в чарки водки и с горечью сказал:

– Милославские сегодня у царя в почете – близкие родственники. Постепенно приближают к своим рукам все, включая и царскую казну. Снова подбивают молодого царя на авантюру: советуют выпустить медные деньги. Причем жалование служивым людям будут выдавать медью, а подати собирать серебром. Разницу – себе в карман. Ловко придумали... Но в жизни все так просто не бывает. Не успели забыть о Соляном бунте, как возникнет бунт «медный». Снова будут пожары, погромы и кровь. А пролитая кровь порождает новую кровь... Так было, так будет! Царь по молодости не перечит тестю. Но я знаю, что это добром не кончится. Бунта не миновать!

– Россию – матушку трудно понять, – сказал Алексей Васильевич. – Что эта за страна, в которой не все, как у людей?..

Он отодвинул тарелку с зайчатиной и выпрямился, положив руку на стол.

– Как дорвутся до власти, так сразу начинают грабить народ и залезать в казну. Все, по-моему, идет от невежества наших родовитых бояр. Думаю, что спасительным средством для нашего государства является просвещение и смена уклада жизни. Иначе снова наступит Смутное время...

Он встал, достал из своей папки бумагу и положил на стол.

– Вот челобитная, Артамон. Прочти на досуге.

– Зачем же на досуге, когда можно прочитать сейчас. Важные дела я не откладываю на завтра.

Пока Артамон Савельевич читал челобитную на имя царя, Алексей Васильевич подошел к печке и подбросил в нее дров. Сухие поленья загорелись моментально, и гостиная озарилась ярким светом. Из печи пахло жаром. Алексей Васильевич, присев на скамейку, долго смотрел на горящие березовые дрова и думал о севере: «Сейчас там конец полярной ночи. Сильные морозы и метели. Холодно, а все равно уже скучаю, тянет туда...»

– Молодец, Алёша, – дочитав челобитную, с гордостью за друга сказал Артамон Савельевич. – Государеву морскую экспедицию на Новую Землю посылать надо! Будем искать там серебро – в нем у нас сейчас нужда большая. Монетный двор простаивает – нет серебра. Сейчас на все нужны деньги, а их, как всегда, не хватает. Казна почти пуста. Думаю, Алёша, с твоей просьбой обратиться к боярину Морозову. Дело будет верней. Царь только наблюдает, а государством у нас пока управляет Борис Иванович Морозов.

Он налил ещё по чарке.

– За успех нашего общего дела! – поднимая чарку, сказал Артамон Савельевич.

Выпили, закусили зайчатиной, запили клюквенным квасом.

– Воспитатель царя хоть и любит богатство, но как человек образованный и умный за государство российское радеет, – продолжал Артамон Савельевич. – Вчера при мне Борис Иванович долго беседовал с дьяком Посольского приказа Унковским о его встречах с гетманом Украины Богданом Хмельницким. На среду в Думе назначено сидение Великого государя нашего с боярами. Думать будут, как решать вопрос о воссоединении Украины с Россией, а также о том, начинать ли войну с Польшей.

Алексей Васильевич внимательно слушал последние московские новости.

– После сидения в Боярской думе, – продолжал Артамон Савельевич, – государь собирается на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Приказано и мне быть там. Приглашаю поехать вместе. Повидаешься с Елизаветой Петровной и её двоюродной сестрой Олей.

Он с улыбкой посмотрел на друга и сказал:

– Хороша девушка. Красотой вышла в мать княгиню Клавдию Огневу, а ум и доброта перешли к ней от отца, князя Василия Фёдоровича Дронова, который служил воеводой Сергиева Посада. Хорошие были люди, царство им небесное. Жаль только, что так рано оставили Олю на попечение бабушки и дедушки. Надо заметить, что они, к их чести, дали Оле хорошее воспитание, достойное её княжеского рода.

Остаток вечера прошел в беседах о государственных делах. Сошлись на том, что смуты рождают либо пустой трон, либо безответственные решения государя и пришли к выводу, что главное для государства – это твердая власть, богатая казна и сильная армия. На этих трех китах оно и держится.

За разговорами не заметили, как на землю упала тёмная ночь.

5

В последние дни в Москве только и говорили о победах гетмана Украины Хмельницкого над поляками. Очевидцы рассказывали: «В низовьях Днепра Хмельницкий собрал небольшой отряд из воинствующих казаков и перебил всех польских жолнеров, находившихся в Запорожской Сечи. Восстание против польских панов и засилья католиков вмиг охватило всю Украину и перекинулось на Белоруссию».

Смелый предводитель казацкой вольности в союзе с крымским ханом Менгли-Гиреем за короткий срок добился убедительных побед над войсками Речи Посполитой. В битвах у Жёлтых вод и под Корсунью, Хмельницкий не только наголову разгромил поляков, посланных королем для усмирения восставших, но взял в плен их начальников – знаменитого коронного гетмана Потоцкого и полного гетмана Мартина Колиновского. Пленные были подарены крымскому хану, который потом получил за них богатый выкуп.

Осенью 1648 года популярный в народе казацкий полковник Максим Кривонос штурмом взял Литовский замок, а затем окружил польское войско под Замостьем. Попытки Литовского гетмана Януша Радзевилла помочь осажденным не увенчались успехом – его войска не смогли пройти через земли Белоруссии, где восстание набирало силу. Только под одним Пинском скопилось до пятидесяти тысяч повстанцев.

К концу 1648 года под начало гетмана Хмельницкого отошли Запорожская Сечь, Брацлавское воеводство, вся Волынь и большая часть Подолии. В декабре гетман Украины Зиновий Хмельницкий торжественно въехал в Киев, где победителя с ликованием встретили жители города. В народе его нарекли Богданом – «Богом данным» освободителем. Имя и слава Богдана Хмельницкого перешагнули далеко за пределы Украины. Своих послов в Киев прислали турецкий султан, молдавский и валашский государи, крымский хан. С победами Хмельницкого поздравил московский царь Алексей Михайлович.

В Москве и Киеве понимали, что обстановка складывается благоприятная для объединения усилий в борьбе с общим врагом – Польшей. Москва надеялась вернуть себе Смоленск и не допустить враждебных действий со стороны крымского хана и турецкого султана.

На Красной площади у Кремлевской стены собирались толпы горожан, стрельцов и казаков, которые бурно обсуждали последние новости. Многие кричали:

– Смерть католикам и иезуитам! Поможем братьям – славянам одолеть Польшу! Вера у нас одна, общая. Доколе польские паны и шляхтичи будут хозяйничать в русском городе Смоленске?

Некоторые предлагали послать к царю ходоков с просьбой разорвать с Польшей Полевонский мирный договор, объединиться с Украиной, помочь запорожским казакам оружием, деньгами, хлебом и солью.

Слухи о скором воссоединении Украины с Россией давно уже гуляли по Москве. Ещё летом гетман Хмельницкий обратился к русскому царю с такой просьбой. Но тогда Алексею Михайловичу было не до этого – волнение горожан вылилось в Соляной бунт, который удалось подавить с большим трудом.

Новый король Ян-Казимир, принявший корону после смерти своего брата, не смог собрать войско, а положение окруженных под Замостьем было тяжелым. Король предложил Хмельницкому перемирие, пообещав казакам некоторые уступки. В Варшаве готовили Хмельницкому королевскую грамоту на гетманское достоинство, булаву, усыпанную драгоценными камнями, красное знамя с белым орлом и дорогие подарки.

Несмотря на одержанные победы, положение казачьих войск тоже было нелегким. Плохо было с оружием, не хватало пушек и пороха. Ополченцы голодали. На беду восставших, началась эпидемия чумы. Смерть косила людей быстрее, чем пули на поле брани. Не обошла стороной страшная болезнь и окружение гетмана – от чумы умер легендарный Максим Кривонос. Все это подтолкнуло Богдана Хмельницкого принять предложение польского короля о перемирии. Время перемирия было решено использовать для создания на освобожденных землях Украины органов власти и укрепления повстанческих войск.

Богдан Хмельницкий понимал, что удержать свободу значительно трудней, чем её завоевать. По опыту он знал, что шляхтичи, лишившись своих поместий, соберут наемное войско и бросят его на подавление восстания.

– Нам нужен прочный союз с Россией, – не раз говорил Хмельницкий в кругу своих приближенных и при встречах с народом. У нас единые славянские корни – Киевская Русь, у нас единая вера – православное христианство, у нас общий враг – Польша.

Союз с крымским ханом Менгли-Гиреем оказался временным и непрочным. Хитрый и коварный татарин не раз подводил в боях Хмельницкого, вел за его спиной переговоры с Польшей. Он мечтал получить хорошую дань с Польши, прибрать к рукам Астраханское и Казанское царства, не упустить случая пограбить украинские и русские земли. Это подтолкнуло гетмана Хмельницкого на решительные действия. Он вызвал к себе полковника Силуяна Мужиловского и сказал:

– Лазутчики, побывавшие в Варшаве, донесли мне, что Ян-Казимир укрепляет свои войска наемниками. В этих условиях нам нужно позаботиться о союзе с Россией. Поедешь в Москву во главе посольства и передашь грамоту царю Алексею Михайловичу. Моя вера и надежда на скорейшее объединение Украины и России непоколебимы. Да поможет нам Бог!

Великое посольство Украины прибыло в Москву в первых числах марта 1649 года. По обыкновению, дела разных приказов докладывались царю в назначенные для них дни: дела, связанные с Посольским приказом, Алексей Михайлович принимал по понедельникам. Поэтому на прием к государю посол Украины был приглашен в первый же понедельник после его приезда. Беседа проходила утром в приемной комнате, рядом с Грановитой палатой. Там

стояло большое кресло царя и две широкие лавки: по правую руку государя – для ближних бояр, по левую – для челобитчиков и думных дьяков.

На окне, справа от царского кресла, на красном бархате, расшитом золотом, стояли массивные серебряные часы. На другом окне, слева, тоже на бархате, стояли золотые и серебряные кубки. Напротив государева места был постелен красивый персидский ярко-красный ковер, подаренный боярином Матвеевым царю год назад в день его именин. Алексей Михайлович любил получать богатые подарки, да и сам часто дарил дорогие вещи из серебра и золота, особенно при посещении монастырей в дни великих праздников.

На приеме посла присутствовали ближние бояре – Морозов, Милославский, Шереметьев и Салтыков, князь Голицын и дьяк Посольского приказа Григорий Унковский.

– Великий государь! – обратился к царю полковник Мужилковский. – От имени Войска Запорожского и всего народа Украины гетман Хмельницкий бьет тебе челом!

Посол поклонился в ноги царю и трижды перекрестился. Вручая Алексею Михайловичу личную грамоту Богдана Хмельницкого, добавил:

– Народ Украины дружно выступил против поляков – угнетателей веры православной и нашего общего врага. Смиренно просим оказать нам помощь военную, а также продовольствием. Пошли, государь, русских ратных людей на Смоленск, чтобы вместе выступить против недруга нашего – Речи Посполитой.

Царь благосклонно принял грамоту и попросил ещё раз поздравить Хмельницкого от себя лично и народа России с великими победами.

В грамоте была просьба гетмана Украины Богдана Хмельницкого и Войска Запорожского принять украинский народ «под высокую руку» царя.

«Будь для народа Украины царем и самодержцем, – говорилось в грамоте. – У русских и украинцев вера общая и благословенная на веки».

– Слава Богу, хорошие новости, – обращаясь к послу, сказал Алексей Михайлович. – В этом великом деле мы на вашей стороне. Так и передай гетману. Так-то!

Царь улыбнулся, внимательно посмотрел на Мужилковского и после некоторого раздумья спросил:

– Есть ли у великого посольства к нам ещё вопросы?

– Вели, государь, своему стрелецкому войску не препятствовать нашим казакам, если они в битве с поляками будут вынуждены отступать на русскую землю.

– Такое мое повеление будет, – уверенно сказал Алексей Михайлович и, повернувшись в сторону начальника московских стрельцов боярина Артамона Матвеева, приказал:

– Подготовь мой указ.

– А ещё, государь, – продолжал посол, – просим, чтобы ваши донские казаки помогли нам в военных действиях против поляков.

Царь вопросительно посмотрел на своего «дядьку», боярина Бориса Ивановича Морозова.

– Государь, – кланяясь, сказал Морозов. – Пока мы вынуждены придерживаться Поляновского мирного договора с Польшей, и открыто выступать на стороне Украины не можем. Но если запорожские казаки попросят донских казаков помочь им, то мы не будем возражать против этого. Казаки вольны решать этот вопрос сами, на кругу.

Беседа продолжалась более часа. Были обсуждены основные положения дальнейшего военно-политического сотрудничества. Вопросы о воссоединении Украины с Россией и непосредственном участии российских войск в войне с Польшей царь пообещал послу обсудить в Думе.

– Дадим делу ход, – сказал он Мужилковскому на прощанье. – На среду я назначил сбор бояр в Думе, чтобы вместе решить ряд важных дел.

На этом прием посла был закончен.

Артамон Савельевич приехал в Кремль, как и повелел государь, в среду на постной неделе. На площади перед постельным крыльцом государева двора толпа народа: бояре, князья, думные дьяки, стольники, стряпчие. Старшие приехали в санях, молодежь – верхом.

Не доезжая до царского двора, Артамон Савельевич, как и положено, слез с санок и пошел к царскому крыльцу пешком. Кругом шум, разговоры о возможной войне с Польшей, о житейских делах и о погоде.

– Мороз-то в прошлую ночь силен был и при полной луне, – услышал Артамон Савельевич зычный голос сотника Якова.

– Это не к добру, – отозвался его собеседник. – К войне долгой. Сон видел! На луне следы крови. Непременно воевать скоро придется. Поляки, шведы, литовцы – все на нас попрут. Вечно им от нас чего-то надо.

– Русской землицы хотят, – с ехидцей заметил рядом стоящий дьяк Савелий. – Своей-то не хватает. А нам она, кормилица, самим нужна. Все войны из-за нее, из-за землицы-матушки.

– Это точно! – Подтвердил сотник. – Убитых на войне будет много. Кто чужой землицы взять захочет, тот в нее сам и ляжет, навечно.

Толпа молодых, ожидающих на крыльце, расступилась и с почтением пропустила боярина Ховрина в переднюю. Там уже набралось десятка два бояр, думных бояр и думных дьяков. Они тоже обсуждали последние новости и ждали, когда пригласят их в палату. Среди всех голосов особо выделялся грудной бас боярина Шуйского.

– Хмельницкий бьет поляков и ждет от нас помощи. Бог не простит нас, если в трудный час мы ему в этом откажем. Пора и нам взяться за оружие и вернуть Смоленск – город наш, российский.

Главный царский казначей оказался прав: в Боярской думе будет решаться вопрос не только о военной, но и финансовой помощи Украине в её борьбе с Польшей.

Не задерживаясь в передней, Артамон Савельевич прошел в Грановитую палату.

Сегодня у государя важное дело, и он призвал в Думу только ближних, комнатных бояр и окольничих на «сидение великого государя с боярами о делах». Все приглашенные расположились по чинам на широких лавках, в собольих шубах и высоких горлатных шапках. Ближе всех к трону – Милославские, Морозовы, Колычевы, Салтыковы. Думные дьяки стоят. Многие приехали загодя, опаздывать нельзя. Опоздавших царь строго наказывает. Бывали случаи, когда за опоздание сажали в тюрьму или лишали боярского звания.

В палатах душно. Все молча ждут царя. Некоторые от волнения перебирают руками длинные бороды.

Наконец золоченые двери отворяются, входит государь и все, увидев его, кланяются в землю. Государь садится в большое тронное кресло в переднем углу и обращается к боярам:

– Пособите государю думу думать, – медленно говорит он. – Гетман Украины Хмельницкий бьет челом и просит помощи в борьбе с поляками. Надо ли силой вернуть Смоленск? – спрашивает царь. – Брать ли под свою государеву руку Украину?

После недолго молчания, за бояр отвечает Данила Милославский.

– Смоленск – строение московское. В нем много стрельцов, много казны и за него надобно стоять.

– А что скажет наш главный стрелецкий воевода? Готовы ли мы начинать войну и освободить Смоленск? – спрашивает царь боярина Артамона Матвеева.

– Для войны с Польшей надо собрать большое войско. Пока мы не готовы воевать с поляками. Можем помочь гетману Хмельницкому оружием, порохом. Мы не будем возражать, если наши донские казаки будут воевать на стороне гетмана.

На том и решили.

– Нужно пособить Украине деньгами, – продолжал Алексей Михайлович. – Что на это скажет царский казначей?

– Казна пуста, государь! – низко кланяясь, ответил боярин Ховрин. – Налоги собираются с большим трудом. Народ обнищал. Для помощи Украине нужны пожертвования.

Наступила тишина. Бояре упрямылись. После Грозного страх перед царским оком поубавился. Сидят себе важно, надувают щеки, делая вид, что решают государственные дела. Твердят одно: у них тоже денег нет. Пусть, мол, казначей берет деньги из запасника царской казны, а потом пополняет его за счет сбора новых налогов – «с миру по нитке». Но царь нахмурился, напомнил о Соляном бунте и на этот раз настоял на своем. Боярам пришлось раскошелиться...

Царь облегченно вздохнул и вопросительно посмотрел на Бориса Ивановича Морозова. Тот низко поклонился, давая знать, что все сделано правильно.

– А теперь, бояре, подумав, дайте государю совет, как решить вопрос о воссоединении Украины с Россией?

Молчание бояр было долгим. Первым его нарушил самый молодой, грамотный и дальновидный боярин Ордин-Нащокин.

– Решение этого вопроса, государь, требует согласия двух народов – русского и украинского. Поэтому спешить не надо. Пусть Хмельницкий спросит свой народ, а мы свой. Этот вопрос надо решать на большом Соборе, для чего пригласить духовенство и выборных людей из стольников, стряпчих, из дворян московских и жильцов по чинам; из дворян и детей боярских больших и малых городов, слобод и посадов.

Боярина Ордин-Нащокина поддержали бояре Колычев и Салтыков, а также думный дьяк Унковский. На том «государь указал, и бояре приговорили»: вопрос окончательно решить на Земском Соборе вместе с высшим духовенством и выборными людьми разных чинов. А пока послать к гетману Хмельницкому высокое московское посольство, чтобы узнать, хочет ли народ Украины жить вместе с Россией.

13 марта 1649 года по указанию царя Алексея Михайловича в Чигирин, где размещалась ставка и канцелярия гетмана Хмельницкого, выехал царский посол думный дьяк Григорий Унковский. Вместе с ним на родину отбыл и посол Силуян Мужилковский.

В этот же день, после проводов посольства, Артамон Савельевич заехал к Алексею Хватову. Ещё на пороге дома, улыбаясь, он протянул другу его челобитную, на которой рукой царя было написано: «Быть по сему» и стояла круглая печать с двуглавым орлом.

– Спасибо, Артамон. Царская грамота поможет нам решить многие проблемы. Моя мечта о снаряжении государевой морской экспедиции на Новую Землю сбывается!

Он крепко обнял и трижды поцеловал Артамона Савельевича.

– Ты настоящий друг!

Глава третья

Первая любовь

1

Оленька была молода и ослепительно красива. Алексей Васильевич долго смотрел на смущенное, залитое румянцем девичье лицо.

– Вот ты какая стала, тебя и не узнать!

Подойдя почти вплотную, добавил:

– Ну, здравствуй, красавица!

Оля подняла голову и, преодолев смущение, смело посмотрела прямо ему в глаза. Алексей Васильевич вздрогнул и неожиданно для себя растерялся. Наступило неловкое молчание. Его сердце вдруг забилось, словно колокол при пожаре... «А была девочкой с косичками», – подумал он.

– Что же Вы стоите? Проходите, садитесь!

Оля, слегка присев, сделала красивый жест рукой в сторону стульев, стоящих у низенького резного столика. В этом жесте Алексей Васильевич почувствовал не только женскую грациозность, но и силу, покорился ей и как-то неуклюже, по-медвежьи, плюхнулся на стул с подлокотником. Оля, поправив шелковое платье, легко и непринужденно села рядом.

Снова наступило неловкое молчание.

– А мне рассказывали, что Вас там, в Мангазее, чуть медведь не задрал.

Оля лукаво посмотрела на Алексея.

– На охоте, – добавила она.

– Да, было дело. Однако Бог миловал! – Алексей Васильевич показал глубокий шрам на левой руке. – Свирепый медведь попался...

Оля наклонилась к Алексею Васильевичу и, рассматривая жесткие рубцы, нежно, одними лишь кончиками пальцев, погладила его руку.

– Наверное, очень было больно?

Алексей не ответил. От прикосновения её руки, как от вспышки молнии, он словно окаменел. Оля заметила это и, озорно поведя бровями, повторила свой вопрос.

– Ах да! – словно проснувшись от летаргического сна, тихо произнес Алексей Васильевич. – Кровь увидел и боль почувствовал только после того, как удалось вырваться из медвежьих объятий. Все произошло так быстро... Нож вырубил. А то лежать бы мне в сырой земле на краю света.

– О, это ужасно! – Оля снова нежно погладила его руку. – Хорошо, что все обошлось благополучно.

Она глубоко вздохнула, низко опустила голову и уточнила:

– Хорошо... И не только для Вас!

Они посмотрели друг на друга и улыбнулись.

– Мой дедушка Феодор Григорьевич часто говорил, что для русского человека нет ничего страшнее, чем умереть на чужбине! Вы, наверное, знаете, что он у нас вечный странник... Позапрошлым летом снова отправился бродить по святым местам и вот уже больше года живет на Соловках. Перед отъездом сказал: «Ждите, помирать непременно вернусь в свой родной Троице-Сергиев край!»

– Странно, но я тоже замечал, что многие старики будто чувствуют приближение своей смерти и загодя готовятся к ней.

Алексей Васильевич на минуту задумался.

– Помню, я ещё мальчонком был... Мой дедушка, за две-три недели до смерти, сидя на завалинке дома и посматривая на тёплое яркое солнце, обнял меня, ласково потрепал за волосы и с грустью сказал: «Чую, Алёша, не дожить мне до лета. Уйду от вас с талой водой». И действительно, весной, в самый разгар половодья, его не стало... Тогда мне было чуть больше семи лет, но эти слова деда Егора запали мне в душу на всю жизнь.

Алексей Васильевич встал и подошел к окну. Оля тоже подошла к окну, но с другой стороны и, откинув белую кружевную занавеску, увидела чуть влажные голубые глаза Алексея. Она открыла форточку, и в комнату ворвался свежий воздух.

На дворе по всему чувствовалось приближение весны: солнце почти до самого основания вытопило свисавшие с крыши сосульки, серебром распушились на вербах почки, в голубом небе появились стаи журавлей. В такие весенние дни Оля любила смотреть из окна во двор, где жизнь текла своим чередом, всегда размеренно и неторопливо.

Старый пес Рябчик, названный так Олей за его рябоватый, серо-белый окрас шерсти, лежал на цепи около своей будки и, как всегда, тщательно обгладывал большую кость, крепко зажав её в лапах. Иногда он свирепо рычал, искоса поглядывая на кур, которые своим постоянным кудяхтаньем явно раздражали его.

Рыжий кот Васька в своей излюбленной позе – вытянувшись во всю длину вдоль навеса – грелся на солнце и дремал. Иногда он шевелил ушами, чуть приоткрывал глаза и с любопытством наблюдал за стайкой воробьев, которые там внизу, почти под ним, весело чирикают, искали что-то в остатках сена, соломы и конского навоза. Были случаи, когда Васька, хорошо выспавшись, предпринимал попытки полакомиться свежим мясом. Сжавшись в комок, он стремительно прыгал в самый центр воробьиной стаи, но всегда безрезультатно: воробьи, как по команде, разом вспорхнув, улетали и с шумом рассаживались на верхушке вековой липы. Подождав немного, кот Васька нехотя залезал на крышу и, растянувшись вдоль навеса, снова засыпал.

Рядом с липой, под навесом сарая, огромными штабелями лежали березовые и ольховые поленья дров. С осени их заготавливали довольно много, и Оле всегда казалось, что дров хватит не на одну зиму. Но вот приходила весна, и от штабелей, как от ледяных сосул, оставались лишь основания из двух-трех рядов.

За сараем, в глубине подворья, раскинулся скотный двор. Из окна он не был виден, но Оля знала, что и там жизнь текла своим чередом, и тоже всегда размеренно и не торопливо. Иногда оттуда легкий ветерок доносил слабый запах овчины, коровьего навоза, душистого сена и парного молока.

Алексей Васильевич отодвинул в сторону свою половину занавески, и на Олю упал целый сноп яркого света, мгновенно высветив красивый профиль её лица и стройную девичью фигуру. «О Боже, как она хороша! – снова подумал Алексей. – И эта белая кружевная занавеска... Как белое подвенечное платье!»

– Вам нравится весна? – неожиданно он спросил Олю, наперед зная, что ответ будет положительным.

Надо было как-то продолжить разговор, и Алексей ничего лучшего не придумал, как задать такой «глупый», по его мнению, вопрос. Но Оля этот вопрос поняла по-своему. Лицо её вспыхнуло, зарделось румянцем от нахлынувших чувств. Мысли, тесня друг друга, пытались тотчас же вырваться наружу. Оля сделала попытку найти в себе силы и несколько «усмирить» их, но не нашла и с восторгом сказала:

– О, весна – это зарождение новой жизни! Как её не любить! Весной все преображается – и природа и люди!

Немного подумав, она с улыбкой добавила:

– А самое главное для нас, весна вселяет радость и надежду. Не так ли?

– Так, конечно так, – тоже улыбаясь, подтвердил Алексей Васильевич.

– А на вашем севере весной тоже хорошо?

– Хорошо, очень даже хорошо! – Алексей Васильевич усмехнулся и, поглаживая усы, скороговоркой, как в детстве, произнес:

– А кто не верит, пусть проверит!

Не раздумывая, Оля выпалила:

– На проверку согласна, только, чур, вместе с Вами!

Ее глаза заблестели, она вся как-то преобразилась.

– Бабуля считает, что характером я вышла в дедушку Фёдора, а он, как Вы знаете, путешествовать страсть, как любит. Может быть, удастся увидеть его там, на Вашем севере. Вот было бы здорово!

Оля с надеждой, не отрываясь, смотрела на приятное, спокойное лицо Алексея Васильевича и в душе благодарила судьбу за то, что она свела её с этим человеком.

– А там, в Мангазее, Вы часто ходите по охотничьим тропам? – с тревогой в голосе спросила она.

– Всякое бывает! – Алексей Васильевич потерев рукой бороду и с гордостью сказал:

– Этим и живем! Край дикий – северный! Зверья больше, чем людей. У нас, русских, испокон веков к охоте и рыбалке великая тяга была...

– Люблю сильных и смелых! – Оля с восхищением посмотрела на мощную фигуру Алексея Васильевича, отбросила назад занавеску и почти вплотную приблизилась к нему.

В это время в гостиную вошла Елизавета Петровна.

– Ах, вот вы где, голуби мои! А я вас повсюду ищу. Пора обедать! – Она понимающе посмотрела на молодежь. – Придется вам на время оставить этот уединенный уголок и присоединиться к нашему обществу.

За обедом Иван Данилович предложил недельки через две всей компанией съездить в Саввино-Сторожевский монастырь к игумену Владимиру, дальнему своему родственнику.

– Надо навестить старика, пока жив.

Все согласились. Особенно доволен был Иван Данилович, потому что с детства любил этот край земли русской, тишину его сосновых боров, прозрачную синь рек и озёр.

Вспоминая последнюю свою встречу с игуменом Владимиром, он сказал:

– Однажды тёплым летним вечером, после бани мы долго сидели на крыльце его большого бревенчатого дома и любовались красотой двух ярусных кокошников храма Успенья Богоматери, поставленного как «свеча на подсвечнике». Владимир, вытянув жилистые как у кузнечика ноги, вдруг расправил плечи, вдохнул в палую грудь свежего воздуха и, широко улыбаясь, по-детски прошамкал пухлыми губами: «О, Господи, красота-то какая! И помирать не хочется».

Конец дня прошел в воспоминаниях.

Марина Михайловна Дронова, бабушка Оли, угощая гостей чаем и вкусными пирогами с вишневым вареньем, приговаривала:

– Ешьте, пейте дорогие гости! Хорошо, что надумали приехать, навестить нас. Много гостей – много новостей!

Вечером, выбрав удобный момент, Оля пригласила Алексея Васильевича погулять, на что он моментально ответил согласием.

Сначала они направились в сад, потом, через некоторое время, вышли за калитку, спустились к реке и там, почти на самом краю села, долго смотрели, как мужики-плотники, не спеша, ставили большой рубленый дом. Все это время Оля так и светила счастьем.

– Здесь, в этом доме, будет жить Аннушка – моя лучшая подруга. Скоро выходит замуж. Жених сватов присылал. Осенью свадьбу сыграют. Хотите приехать посмотреть?

Алексей Васильевич уклонился от положительного ответа, сославшись на занятость: осенью он должен быть в Архангельске, а потом в Пустозёрске – надо развернуть работы по снаряжению государственной морской экспедиции на Новую Землю.

– Я слышала, что на севере есть такая земля. А что это за земля – не знаю. Расскажите!

Оля взяла руку Алексея Васильевича, крепко сжала ее, да так и не выпустила из своей ладони. Сердце Алексея Васильевича снова забилося, как при первой встрече. Так они, молча, шли по тропинке вдоль речки и не заметили, как оказались за селом. Солнце спряталось за горизонт, и стало темнеть.

– О богатстве Новой Земли ходят легенды... Много водится там красной рыбы, птиц, зверей. Есть горный хрусталь. Говорят, при Иване Грозном новгородцы добывали там серебро.

Алексей Васильевич немного помолчал, будто вспоминая о чем-то самом главном.

– Вот как рассказывают архангельские старики об открытии Новой Земли:

«Когда-то давным-давно в лучах полуночного солнца на поверхность Студёного моря выплыла земля. словно гигантская змея с отрубленным хвостом, изогнувшись от боли, вытянулась она с юга на север на сотни верст. Прошли годы, а она так и осталась лежать, не шевелясь, под пристальным взглядом Полярной звезды. Поморы, впервые увидевшие эту землю, назвали её Новой».

За разговорами Оля и Алексей не заметили, как ушли от своего дома, а когда вернулись, то увидели в окнах свет. Они вошли в дом, и на них пахло сытым духом печеного хлеба. Алексей Васильевич глубоко вздохнул и от удовольствия закрыл глаза.

– Моя бабушка – любительница печь хлебы.

Оля не без гордости посмотрела на Алексея Васильевича и добавила:

– Я тоже люблю печь. И не только хлебы, но и пироги, особенно с яблоками, черной смородиной и вишней.

Было уже поздно и после легкого ужина и непродолжительного чаепития все разошлись на покой. Гостю отвели отдельную комнату, где все было уже приготовлено для отдыха.

Алексей Васильевич поднялся на второй этаж. От неплотно прикрытой двери из комнаты в коридор пролегла узкая полоска света. Входя в комнату, он увидел слабое трепетание горящих свечей на массивных бронзовых канделябрах, стоящих на тумбочках у изголовья широкой кровати. Он осмотрелся. Кругом стояла красивая мебель из ореха и красного дерева – шкаф, два стула и столик, на котором стояли шахматы из слоновой кости. На полу лежал боль-

шой ковер красного цвета с оригинальным узбекским орнаментом. На правой от входа стене в золоченых рамках висели два портрета, написанные маслом. Все убранство спальни свидетельствовало о том, что когда-то здесь жили предки княжеского рода Дроновых.

Алексей Васильевич задул свечи, разделся и, ложась в постель, всем телом почувствовал приятный запах свежего белья. Сразу вспомнилось детство, когда мать, укладывая его спать, целуя и крестя, накрывала пуховым одеялом с цветным пододеяльником, от которого шел запах морозного воздуха. Давно уже нет в живых отца, мать живет в своем родовом имении Большая Липовица близ Тамбова, и ему сразу стало как-то грустно и сиротливо. Он повернулся на правый бок и сквозь легкие кружевные шторы увидел серебристый серп луны. Не спалось. В голове бродили разные мысли. Вспомнилось, что когда ему было чуть больше десяти лет, отец повез его с матерью в село Деулино, что в трех верстах от знаменитого Троице-Сергиева монастыря. Это была усадьба его друга воеводы Василия Фёдоровича Дронова.

Алексей Васильевич закрыл глаза, долго так лежал, пытаясь заснуть, но в голове постоянно возникала картина тех детских лет.

Был знойный летний день. Кучер Семён лихо подкатил на тройке к усадьбе Дроновых. За голубым забором стоял большой двухэтажный бревенчатый дом. Кругом чисто, красиво. Деревья и кустарники были аккуратно подстрижены. Вдоль дорожки, ведущей к дому и дальше в сад, гордо подняв свои красные головы, стояли высокие стебли мака. Они напоминали стройных солдат гренадерского полка, стоящих в почетном карауле.

На звон бубенцов из калитки выскочила тоненькая как тростинка девочка лет пяти с прядью золотистых волос на голове.

– Ах ты, рыжая ржавчина! – отец подхватил девочку на руки и высоко поднял над головой. – Вот ты какая вымахала!

Девочка звонко засмеялась, показав ровные и белые, как снег, зубы. Это была она, Оля...

2

Дни летели как верстовые столбы почтового тракта. Для Оли и Алексея Васильевича наступили дни, когда в народе говорят: «Счастливые часов не наблюдают». Все эти дни они были неразлучны: часто вместе ходили за околицу на речку и там подолгу, как замороженные, смотрели на весенний ледоход; с бабушкой Мариной побывали на кладбище, где похоронены Олины родители; всей компанией съездили в Сергиев монастырь на богомолье.

В воскресенье Оля проспала завтрак.

– Умаялась девка от ночных прогулок, любви и счастья, – пошутила по этому случаю Елизавета Петровна. – Пусть поспит всласть!

Вчера двоюродная сестрица «по секрету» узнала от Оли, что Алексей Васильевич объяснился ей в любви и предложил «руку и сердце».

Проснулась Оля уже ближе к обеду. В нижней половине дома, кроме её любимого кота Васьки, никого не было. Все трое Ховриных уехали в Троице-Сергиев монастырь, чтобы подготовить там достойную встречу царя, а бабушка Марина находилась в соседней комнате.

Оля надела свое самое любимое голубое платье с великолепно вышитым белым воротничком. Именно в этом платье она была в тот день, когда услышала от Алексея Васильевича три заветных слова: «Я Вас люблю»! В тот вечер под этим платьем бешено забилося её сердце от первого, истинно желанного, поцелуя любимого человека. Она поднялась на второй этаж, постучалась и вошла в комнату, где отдыхал Алексей Васильевич.

– Прошу на завтрак! – послав воздушный поцелуй, сказала она и мило улыбнулась. – Жду в столовой.

Входя в столовую, Алексей Васильевич увидел на столе, накрытым ослепительно белой скатертью с длинными золотистыми кистями, заварной чайник, две большие чайные чашки с

блюдцами, тарелки, серебряные ножи и вилки. Он сел за стол и стал ждать Олю, вспоминая их ночные прогулки, приятные беседы и поцелуи под луной.

Оля вошла с красивым серебряным подносом в руках, на котором лежали белые куски отварной телятины. От них валом валил сытный запах.

Алексей Васильевич с явным восторгом кивнул в сторону подноса.

– Теперь мне понятна притча о том, что «любовь к мужчине лежит через его желудок».

– Как хочешь, так и понимай! – Оля, довольная похвалой в свой адрес, озорно сверкнула глазами и улыбнулась. – Знай, что хорошее и правильное питание поднимает настроение и удлиняет нашу жизнь. Некоторые старики считают, что если есть свежее отварное мясо и пить чистую ключевую воду, то можно прожить до ста лет.

– Ты права, Оля. Недаром в народе говорят, что вода священна, что вода – это жизнь! Там, где хорошая вода, долго растёт кедр – царь сибирских лесов. Некоторые из этих деревьев остаются в расцвете сил не один век.

Разливая чай по чашкам, Оля с любовью смотрела на Алексея, угощая его парной телятиной, медовыми пряниками и пирожками с клубничным вареньем. Сама она ела мало, озорно и весело смотрела своими красивыми глазами на то, как он аппетитно ест, подкладывая иногда в его тарелку ещё «что-нибудь вкусненькое».

Оля с детства любила шутки и смех, любила смешить других и заразительно смеялась сама, считая, что смех создает хорошее настроение и улучшает сон, а хороший сон – хорошее здоровье!

После завтрака Оля пригласила Алексея Васильевича в сад. Там, в уютной беседке, они долго сидели и весело болтали обо всем, что приходило им в голову. Странно, но им казалось, что они знают друг друга давно, хотя после их знакомства прошло чуть больше недели.

– Я благодарю Бога за каждый прожитый день, – сказала Оля и прислонила свою голову к плечу Алексея Васильевича. – Особенно за эти дни, когда мы вместе. Вы для меня человек особый...

– Спасибо, Оля. Мне приятно это слышать, хотя в глазах Господа Бога мы все одинаковы.

– Возможно, Алёша. Но с Вашим приездом в моей душе произошло что-то невероятное. Я это чувствую. Мне с тобой хорошо, и о нашей первой встрече я буду помнить, пока живу.

– Я тоже эту встречу никогда не забуду. Ведь все хорошее остается в памяти людей на всю жизнь.

В это время из-за туч выглянуло весеннее солнце и в саду сразу стало светлей. Своими лучами оно ласково коснулось голых деревьев и кустарников, теплом накрыло небольшие проталины с почерневшими за зиму опавшими осенними листьями. Одну из них облюбовала веселая стайка синиц. Алексей Васильевич и Оля некоторое время наблюдали за ними, любуясь этими пухленькими красивыми птичками с жёлто-зелёными грудками и черными озорными глазами. В снежных проталинах синицы находили для себя корм. Проталин в саду было много. По всему чувствовалось, что весна по-хозяйски приступила к своей извечной работе – уничтожению снега, выпавшего за зиму. От прогретой солнечными лучами земли исходил легкий пар, который собирался в низинах, образуя там белую туманную дымку.

Напротив беседки, в защищенном от ветра уголке сада, притаился небольшой куст сирени. Оля каждый год с нетерпением ждала, когда расцветут её розово-лиловые гроздья. Она подошла к сирени, отломил хрупкую, схваченную ночным морозцем веточку, прижала её к своим губам и почувствовала душистый запах весны. Вернувшись к Алексею Васильевичу, она положила веточку на его ладонь, и они стали вместе её отогревать.

– Пусть эта веточка сирени станет символом нашей большой любви! – сказал Алексей Васильевич и поцеловал Олю.

– Я согласна, милый!

Он снова поцеловал её и крепко прижал к себе. Так, обнявшись, они долго сидели, молча, наслаждаясь нахлынувшим на них счастьем. Первой молчание нарушила Оля.

– В эти весенние дни мне нравится наблюдать за природой: ярче светит солнце, кругом пахнет талым снегом, деревья отходят от зимней спячки, и на ветках все больше появляется почек.

– А на Вашем лице все больше появляется веснушек, – в тон ей весело заметил Алексей Васильевич.

– Ну и что из этого? – Нисколько не смутившись, возразила Оля. – Что естественно, то не безобразно. Разве Вам не нравятся девушки с веснушками?

– Ну что Вы! Нравятся, и даже очень! Не обращайтесь внимания на это и не сердитесь на меня.

– А я нисколько не сержусь. – Оля крепче сжала руку Алексея Васильевича. – Хотя некоторые считают, что частые ссоры – первый признак любви.

– Возможно, но лучше не ссориться. Правда?

– Хорошо, Алёша. Я постараюсь, потому что тебе часто приходится волноваться по делам службы.

– Да, служба воеводская – не сахар. Проблем много.

Алексей Васильевич заметил, что Оля уже не раз называла его «на ты» и подумал: «С каждым днем мы становимся ближе по духу, роднее...»

– Моя бабушка сказала, что воеводы назначаются самим государем. Это большая честь. Правда?

– Конечно, я этим горжусь. Но с другой стороны – постоянные заботы и волнения. Большая ответственность. Как в той пословице: «Чем выше дерево, тем сильнее её качает ветром...»

Алексей Васильевич задумался. На его лице появился оттенок озабоченности.

– Ты должна знать, Оля, что воевода – это не та должность, на которой можно просто наслаждаться властью. На этой должности надо много работать и быть осмотрительным. При поражении войск или смене царей часто летят с плеч и головы их воевод...

Оля вздрогнула.

– Но ты не бойся, – успокоил её Алексей Васильевич. – Нам это не грозит. На севере другие проблемы, другая жизнь. У севера свои вековые традиции...

Оля немного успокоилась. Она подвинулась ближе к Алексею и спросила:

– Наверное, трудно служить на севере, а жить ещё трудней?

– Для кого как! Север любит людей смелых и сильных духом. Для меня, например, чем трудней, тем интересней... На севере почти полгода царствует полярная ночь. Пережить её трудно, но интересно. Она как колдунья заманивает людей в свои сети для того, чтобы, создавая трудности, проверять стойкость их физических и духовных сил.

– Думаю, Алёша, у тебя сильный характер. Это видно по твоим делам и поступкам.

– Да, решительности мне не занимать. Настойчивости в достижении цели – тоже.

Он ласково посмотрел на свою невесту и улыбнулся. – Вот один из примеров такой решительности: полюбил тебя с первого взгляда и сразу взял в жены.

От нахлынувших чувств, Оля покраснела и низко опустила голову. Потом подняла ее, с благодарностью посмотрела на Алексея и сказала:

– Моя сестра Лиза сказала мне, что ты много лет прожил в Астрахани.

– Да, так случилось. Мне было двенадцать лет, когда мой отец погиб при захвате крепости Азов казаками. Через три года мама отвезла меня на юг. Тогда я считал себя почти взрослым и был полон желания пойти по стопам отца. Воспитывался я в семье нашего близкого родственника боярина Владимира Протопопова, который служил воеводой в Астрахани. Там я познал, что такое воеводство, а главное – впервые побывал на море и на всю жизнь полюбил корабли.

Вместе с друзьями закалял свой характер: воспитывал в себе отвагу, решительность, способность пойти на риск и даже на смерть вместе с гибнущим кораблем, как это делают капитаны по старой морской традиции.

– Нет, Алёша, идти на смерть сознательно – не по-божески! Не лучше ли бороться за жизнь до последней минуты, до последнего вдоха...

Алексей Васильевич с восхищением смотрел на Олю. «Мой характер, – думал он, – добрый, рассудительный, но решительный».

– Я уверена, что вместе нам будет хорошо, хотя каждый из нас потеряет часть свободы, – посмотрев внимательно на будущего мужа, заметила Оля.

– Невелика потеря! – рассмеялся Алексей Васильевич. – Ради тебя я согласен на все, согласен потерять не только свободу, но и голову.

Он нежно обнял Олю и несколько раз поцеловал в губы.

– А что ты думаешь о нашей семейной жизни? – вдруг неожиданно спросила Оля, заглядывая в глаза Алексею.

– То же, что и наш Господь Бог: молодые должны жить самостоятельно, отдельно от родителей. Отделение – один из четырех заветов о семье, оставленных нам всевышним.

– Теперь мне понятно, почему ты предложил мне уехать с тобой на север. В этом вопросе я на твоей стороне. «Куда иголка – туда и нитка», – так учила меня моя мама, царство ей небесное.

За садовой калиткой залаяла собака.

– Наверное, наши приехали с богомолья, – не совсем уверенно сказала Оля.

Они вышли из беседки.

– Что-то стало холодно, не пойти ли нам домой? – Оля крепко сжала руку Алексея Васильевича. – Вчера ты обещал почитать свои записи о севере.

– Если обещал, то обещание надо выполнять!

Держась за руки, они бегом побежали к дому и уже через несколько минут сидели на диване в комнате Алексея Васильевича.

– Я прочту тебе о том, как на неделю застрял в тундре.

– А разве так бывает? – удивилась Оля.

– Ещё как бывает, – уверенно сказал Алексей. – Ураганные ветры и снежные метели – довольно частые гости тундры. Когда такое случается, то жизнь в тундре замирает.

Оля притихла и всем своим видом показала, что готова внимательно слушать.

Алексей Васильевич перевернул несколько страниц, нашел нужное место в тетради и стал медленно читать вслух.

«Однажды, возвращаясь из Архангельска домой, я решил остановиться в стойбище моего знакомого оленевода Максима Пырерки. Надо было закупить продукты для Ямальской заставы. Оленины в стойбище было много, и я в тот же день отправил своих стрельцов с мясом на заставу, а сам остался на ночь, чтобы уладить все дела с покупкой юколы и тюленьего жира. Под утро разыгралась пурга. Ветер был такой силы, что один чум, плохо закрепленный нерпичьими ремнями, унесло в пролив. Людям чудом удалось спастись.

Все эти дни я жил в чуме ненца старика Нохо, который обещал отвезти меня на заставу. Питался, как и все, олениной и рыбой, пил крепкий настой на лечебных травах. Под вой пурги и лай голодных собак слушал рассказы ненцев об их нелегкой кочевой жизни в тундре. Каждый день молил Бога, чтобы он помог утихомирить стихию. Наконец, после почти недельной круговерти, ветер стих, и на небе появилось солнце.

Я быстро собрался. Казалось, что все давно было уже готово к отъезду. Упряжка стояла у дороги, и вожак – олень с мощными ветвистыми рогами – нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Максим Пырерка уже не раз выходил из чума и проверял упряжку, расправляя и подтягивая ремни. Но хозяин чума старик Нохо, не торопясь, допивал вторую кружку горячего

ароматного травяного чая. Потом он также, не спеша, закурил трубку и, попыхивая, лукаво посмотрел в мою сторону.

– Спешить не будем. К ночи приедем и ладно, – сказал старик.

Я так и ахнул! Но спорить с ним не стал, зная, что это бесполезно, да и нетактично – ведь я был его гостем.

Наконец он встал, оделся и вышел из чума. Солнце уже зависло над горизонтом.

Я быстро попрощался с Максимом и плюхнулся на нарты. Старик по вековой традиции саамов сел на левую сторону нарт, ловко взмахнул хореем, и олени дружно рванули с места. Прямая, хорошо накатанная дорога, поблескивая на солнце, стрелой уходила на юг. Отдохнувшие олени мчались как на скачках, равномерно вспахивая копытами свежий снег.

Вскоре стойбище растворилось в снежной дымке. Иногда нарты резко подпрыгивали на кочках, и я судорожно хватался за копытья, чтобы не упасть. Вокруг была необозримая, однообразная тундра.

Я с головой укрылся кухлянкой и под монотонный бег оленей задремал. Иногда был слышан гортанный голос Нохо:

– Хор-хор!

И тогда олени ускоряли бег.

Через несколько часов езды я высунул нос и осмотрелся. Нохо по-прежнему сидел прямо и в правой руке держал хорей. Казалось, что олени не сбавляли бег. Все было также однообразно, как и раньше. Только на западе угасала заря. Солнце быстро падало вниз, как бы стараясь скорей спрятаться за горизонт и там, освободившись от дневных забот, отдохнуть в ночной прохладе. Его лучи потускнели, стали красноватыми как угли почти потухшего костра. Оттого и голубое небо над горизонтом стало краснеть.

Когда мы подъехали к нашей заставе, солнце уже скрылось за горизонтом. Сразу потемнело, стало холодней. Олени встали как вкопанные. Только вожак устало встряхивал головой и, широко раздувая ноздри, отфыркивался как загнанная лошадь.

– Сдавать стал старик, – сказал Нохо, подошел к своему любимцу и погладил морду, от которой валил пар. – Однако придется тебя менять. Пора!

Олень вздрогнул, как будто понял смысл сказанного. Он устало посмотрел на хозяина и опустил голову. Его рога почти коснулись земли».

Алексей Васильевич положил тетрадь на край дивана и с улыбкой посмотрел на Олю.

– Ну, как?

– Очень интересно!

В это время в дверь постучали.

– Войдите!

В комнату заглянула Марина Михайловна.

– Пришла позвать вас к обеду. Наверное, уже проголодались?

– Спасибо, бабуля, сейчас придем.

Оля с благодарностью посмотрела на свою бабушку.

Уходя, Марина Михайловна незаметным движением руки перекрестила молодых и, закрывая дверь, прошептала:

– Да благословит их Господь!

3

За обедом обсуждали последние новости. Главная из них – приезд царя Алексея Михайловича с большой свитой в Троице-Сергиев монастырь на богомолье. Царица Марья с царевичем Дмитрием остались в Москве. Об этом Елизавете Петровне поведал владыка Дмитрий: царице нездоровиться, а царевич ещё мал – всего пять месяцев от роду.

– Жаль, что царица не приехала, – огорчилась Оля. – Уж очень хотелось на нее взглянуть. Говорят, царица сказочно красива и мила.

Лиза её успокоила.

– Когда будем в Москве, то постараемся попасть в Алексеевский монастырь. Каждый год в день своих именин 17 марта царь со своими домочадцами приезжает туда ко всенощной и к обедне.

После сытного обеда Иван Данилович предложил всем отдохнуть.

– Завтра у нас трудный день. Я полагаю, что мы все поедем в Троицкий монастырь и примем участие в молебне по случаю пребывания в святой обители нашего государя. – Он с надеждой посмотрел в сторону Марины Михайловны – Не так ли, Михайловна?

– Так или не так, а поступим по-божески, – спокойно ответила она. – Приезд государя Алексея Михайловича для нас, прихожан, большой праздник. Вели утром запрягать лошадей. Едем!

На том и решили. Оля с благодарностью посмотрела на бабушку – ей тоже хотелось помолиться и побывать на такой пышной литургии.

После обеденного отдыха Оля и Алексей Васильевич сидели в гостиной и беседовали.

– Уж слишком добра и проста русская душа! Возьмите, к примеру, моего дедушку Фёдора... Вечный искатель божественной истины и правды. В этих муках умрет, не жалея себя!

– А что её искать? – недвусмысленно заметил Алексей Васильевич. – Правда одна... и двух правд не бывает. Другое дело, когда некоторые люди, особенно те, которые обладают властью и имеют большие деньги, огнем и мечом прокладывают путь «своей правде». Так было, когда от ереси католиков пал Рим, первый познавший учение Христа; под пятой фанатиков – мусульман оказался Царьград. Теперь вот и в нашей русской православной церкви намечается раскол. Каждый из служителей культа считает, что его правда есть «истинная правда», а его вера – «истинная вера». Ярый сторонник новшеств новгородский митрополит Никон стал особо дружен с царем и подбивает его на проведение церковной реформы.

Оля тоже решила показать свои знания в этих вопросах.

– Мой дедушка часто рассказывал мне о церковных проблемах. Он тоже за единый для всех православных церквей порядок богослужения; он сторонник исправления священных и богослужебных книг по греческим образцам. С этим и уехал на Соловки искать себе сподвижников. Мне дедушка говорил, что молодой царь хорошо разбирается в церковных делах и намерен сам заняться реформой. Однако у него есть много противников, которые называют себя «ревнителями старой веры».

– Да, Оля, – подтвердил Алексей Васильевич. – Староверов у нас на Печоре хватает. Теперь Смутное время наступает не для царской власти, а для русской церкви. Борьба развивается не на шутку и без опальных не обойтись. Так было, есть и будет... Непокорных царь любит ссылать в наш дальний Ферапонтов монастырь.

– Мне, Алёша, трудно судить о том, кто из них прав и какова она, как ты говоришь, «единственная правда»... Видно, дедушка мой и скитается по Руси в поисках этой правды. Такой он уж человек! Мы все, домашние, за это его не осуждаем. Да и друзья его в этом вопросе поступают так, как учит нас Христос: «Не суди и не судим будешь».

Стало темнеть, и Оля зажгла лампу. В гостиную медленно и с достоинством вошел кот Васька, и, не раздумывая, уселся у Алексея Васильевича на коленях.

– Уже признал за своего, – улыбаясь, сказал Алексей Васильевич, ласково поглаживая мурлыкавшего кота.

Оля посмотрела на Ваську и тоже улыбнулась.

– Какой ты, Василий, оказывается, изменник! Быстро переметнулся от меня к другому. Она погрозила Ваське пальцем.

– За это будешь сегодня мной наказан: на ужин вместо мяса получишь молоко...

Однако кот Васька даже не пошевелил ушами. Он закрыл глаза и задремал.

С улицы слышался колокольный звон. «Приглашение к вечерне», – подумала Оля. Она, как и большинство прихожан здешней церкви, хорошо изучила манеру звонаря деда Матвея, как и по какому случаю звонить в колокол. Это и неудивительно: в России рождаются и умирают под колокольный звон...

– Я приготовила тебе особый подарок, – Оля заглянула Алексею в глаза и положила руки на его плечи. – По долгу службы тебе часто приходится плавать по Студёному морю, а это не безопасно.

Она встала, подошла к резному буфету, открыла дверцу и из потайного ящика взяла маленькую иконку в золотой оправе и на золотой цепочке. Это была икона Николая-чудотворца, святого, который считается покровителем мореплавателей. Со словами «храни тебя мой талисман», сказанными почти шепотом, Оля аккуратно повесила иконку на шею Алексея Васильевича и нежно поцеловала его в губы.

– Теперь я буду за тебя спокойна.

– Спасибо, Оленька! С твоей легкой руки Николай-угодник теперь будет моим небесным покровителем, а твой талисман оберегать от опасностей в морских походах. Моя судьба теперь в твоих руках.

Он встал, улыбнулся и, опустившись на колени, поочередно поцеловал её руки.

– Сегодня объявим о нашей свадьбе!

Лицо Оли вспыхнуло ярким румянцем и озарилось счастливой улыбкой. Она закрыла глаза и опустила вниз голову. Потом подошла вплотную к Алексею и сказала:

– Чему быть, того не миновать... На то воля Божья! Я согласна.

Вечером, когда все собрались в гостиной на ужин, Алексей Васильевич подошел к Марине Михайловне, низко ей поклонился и сказал:

– Прошу руки Вашей внучки и благословения на наш брак!

От неожиданности, а может быть от счастья, Марина Михайловна всплеснула руками и заплакала. Сквозь слезы она посмотрела на Олю.

– Я согласна, бабушка!

Оля стояла рядом с Алексеем Васильевичем и улыбалась.

Придя в себя, Марина Михайловна трижды перекрестила молодых и, вытирая платком слезы, сказала:

– Благословляю вас, дети мои, будьте счастливы!

– По такому случаю и выпить не грех, – сказал Иван Данилович. – Вот тебе, Михайловна, и сон мой в руку!

Старик взметнул руки вверх и закричал:

– Анюта, Дуняшка... где Вы? Скорей сюда, несите на стол выпивку и закуску!

Он поздравил молодых и быстрым шагом направился в людскую, чтобы лично проследить за приготовлением праздничного ужина.

К молодым подошла Елизавета Петровна и поздравила с помолвкой. Она обняла Олю, подмигнула ей и шепнула на ухо:

– Поздравляю, сестрица. Рада за тебя!

Потом поцеловала Алексея Васильевича и сказала:

– Счастья Вам! Любите и берегите друг друга. Не надо ссориться по пустякам. Помните, что слово ранит быстрее, чем лечит...

– Наконец-то и мне можно поздравить Вас, – обрадовался Артамон Савельевич, подойдя к молодым. – Ну, что я тебе говорил?

Он обнял друга и сказал:

– Не одна Москва родит красавиц! Теперь ты сам убедился в этом. Не жена у тебя будет, а сущий клад: красива, умна, добра и благородна!

Артамон Савельевич подошел к Оле, смахнул с её щеки слезу и поцеловал.

– Говорят, вперед не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Однако в лице Алеши ты найдешь любящего мужа и хорошего семьянина. Поздравляю тебя, Оленька, и желаю счастья!

Торжество продолжалось до позднего вечера. Разговоры за столом шли о поездке в Москву, о венчании и свадьбе. Венчаться молодые решили в храме Покрова Пресвятой Богородицы, что стоит на реке Яузе. Там в Свиблово, в имении Хватовых венчались все предки Алексея Васильевича.

– Что-то с разговорами мы совсем припозднились. Не пора ли пойти на покой? – зевая и прикрывая рот рукой, спросил молодую хозяйку Иван Данилович.

Он посмотрел на раскрасневшуюся счастливую Ольгу и, лукаво подмигнув, добавил:

– Молодежь, конечно, против!

Оля улыбнулась, но промолчала, давая этим понять, что она не вправе решать такие вопросы. За нее ответила бабушка Марина.

– Молодежь – она и есть молодежь... С вечера не уложишь, а утром не добудишься! Это мы встаем с петухами...

4

На следующее день, рано утром, на больших празднично украшенных санях, запряженных тройкой лошадей, тронулись в путь. При выезде из ворот усадьбы Дроновых коренник споткнулся.

– Плохая примета, барин! – в сердцах сказал кучер Прохор и зло, с силой, ударил кнутом лошадь.

«Не опоздать бы на богомолье, – с тревогой на душе подумал Артамон Савельевич. – Царь опоздавших не жалует». Но когда лошади резво поскакали по накатанной дороге, он успокоился. До Троице-Сергиева монастыря было чуть больше трех верст, дорогу кучер знал хорошо, а время было ещё раннее.

– Думаю, что к началу литургии успеем, – уверенно сказал Артамон Савельевич сидящему рядом с ним дяде. – Бог даст, приедем вовремя.

– На Бога надейся, но и сам не сплывай, – засмеялся Иван Данилович. – В этом деле все зависит от дороги, лошадей и опыта кучера. Уж больно яркое солнце – не развезло бы дорогу.

Все последние дни Артамон Савельевич пропадал в монастыре и до приезда царя вместе с архиепископом Даниилом и всей монастырской братией проводил время в трудах и заботах – готовились, как и подобает в таких случаях, «не ударить в грязь лицом» перед Великим государем.

Троице-Сергиев монастырь молодой царь посещал часто, потому что считал святого Сергия Радонежского своим небесным покровителем и заступником. Каждый раз, приезжая сюда на богомолье, царь делал монастырю богатые дары и вклады, искренне веря в то, о чем говорил старец в последние годы своей жизни: «Чтобы долго жить, надо делать добро... и не только брать, но и давать».

Несмотря на все старания кучера, к началу божественной литургии путники опоздали. Артамон Савельевич понял это, когда проехали Святые ворота монастыря: никого, кроме десятка стрельцов и нескольких ратных человек в парадных доспехах, у ворот и на самой площади не было. Он сразу вспомнил про «плохую примету», о которой говорил кучер Прохор.

До Троицкого собора, где покоится прах великого Сергия Радонежского, шли пешком. «Теперь уже все равно, – думал Артамон Савельевич. – Семь бед – один ответ!»

Подойдя к собору, остановились у его стен, помолились у гробниц царя Бориса Годунова, его жены Марии Григорьевны, сына Фёдора и дочери Ксении (в иночестве Ольги).

– Вот судьба! – тихо сказал Иван Данилович. – Не приведи Господь!

Оля взяла за руку своего жениха и полушепотом сказала:

– Здесь хранится дар царя Бориса монастырю – чудотворный образ святой Троицы в золоте и драгоценных камнях. А ещё в ризнице собора хранится золотой крест с драгоценными камнями, присланный в дар преподобному Сергию Царьградским патриархом Филофеем.

Пока они пробивались сквозь толпу в храм, Алексей с интересом слушал Олю.

– Там же впервые я увидела сандалии преподобного Сергия, более тридцати лет бывшие на его ногах в гробе.

На паперти храма, ежась от холода в своих лохмотьях, стояла большая толпа нищих. Некоторые из них, особенно те, которые были здесь впервые, через полуоткрытые массивные двери старались заглянуть внутрь храма, расписанный знаменитым Андреем Рублевым и его учениками; хоть одним глазком увидеть иконостас, в центре которого красовалась рублевская «Троица».

У ворот храма Артамон Савельевич встретил сотника Якова и от него узнал, что царь решил сократить свое пребывание в монастыре и уехать в Москву сегодня после полудня.

В храме было много народа, от жары потрескивали свечи, торжественно звучала божественная литургия. Царь, окруженный высшим духовенством и ближними боярами, усердно молился.

– Как красив и как богато одет наш государь, – с восхищением шепнула Оля Алексею Васильевичу.

В это время церковный хор, слившись с сочным басом протодьякона Тихона, грянул «Славься, боже наш»... Оля и Алексей Васильевич стояли рядом и неустанно молились. Каждый из них просил Бога помочь им обрести счастье в семейной жизни.

– Господи, помоги нам! – жаркими устами шептала Оля.

Пока в храме шла служба, некоторые бояре из окружения царя выполняли его поручения. Особо важное и трудное поручение досталось начальнику стрелецких войск боярину Артамону Матвееву.

Алексей Михайлович хорошо понимал, что войны с Польшей и Швецией в ближайшие годы не избежать. Поэтому приказал воеводе Матвееву проверить готовность монастыря на случай его осады иноземцами. «Троицкий монастырь – наша опора на северо-западе России» – думал он, вспоминая, как в Смутное время монастырь дал полякам достойный отпор.

Воевода с утра обошел вокруг крепостных стен монастыря, чтобы осмотреть и лично оценить их состояние. Он знал, что замена деревянных стен каменными закончилась ещё в 1550 году и с тех пор они не обновлялись. Однако, несмотря на свой вековой возраст, все оказалось в достаточно хорошем состоянии.

Толстые каменные стены монастыря напоминали стены московского Китай-города. Они были гладкими, с тремя ярусами «стрельниц» для стрельбы из пищалей и пушек. Внизу «стрельниц» были устроены погреба для хранения пороха, запасов провизии и воды.

Боярин Матвеев особенно тщательно проверил состояние «слухов» – небольших колодезев, уходящих вниз. Через них осажденные прослушивали землю: не роет ли враг подкоп? Из одиннадцати башен, построенных для укрепления крепостных стен монастыря, воевода успел осмотреть только две. Он поднялся на Красную башню, под которой находились Святые ворота, и нашел её в хорошем состоянии. Потом осмотрел Водяную башню, на второй аркаде которой стоял огромный котел с горячей смолой. На стенах башни были укреплены «козлы» для поливания осаждающих кипятком и смолой.

Воевода проинспектировал также боевую дружину – стрельцов, ратных наемных солдат, пушкарей – и убедился, что крепость долгое время может отражать попытки неприятеля взять её штурмом. На стенах крепости он насчитал 93 пушки, и 20 стояло в резерве.

По окончании молебна Алексей Михайлович перешел в Надворную церковь, где был накрыт стол и приготовлена кровать для его отдыха перед дальней дорогой. Во время обеда воевода Матвеев доложил государю о результатах своей проверки крепостных стен монастыря.

– Оборона монастыря, государь, в надежном состоянии, – уверенно сказал он.

– Я рад этому, воевода. Передай ратным людям, особенно пушкарям, мою благодарность за их ратный труд и мое благословение за то, что не щадят живота своего в борьбе с врагами. Да поможет им Бог!

В покои царя бесшумно вошел его постельничий Фёдор Ртищев.

– Как идут дела с подготовкой к отъезду? – спросил его царь.

– Скоро все будет готово. Кorteж собираем у Троицких ворот, – низко кланяясь, ответил постельничий.

– Через час доложи о готовности.

– Слушаюсь, государь, – с поклоном сказал Ртищев и также тихо вышел, как вошел.

Алексей Михайлович лег в кровать и почти утонул в перине. «Пожалуй, по пути в Москву надо заехать в Тайнинское, с ночевкой. С осени в новом стане не был»...

Он вспомнил, как в селах Тайнинское, Братовщине и Воздвиженском его восторженно встречали с хлебами и рыбою крестьяне, посадские люди и монастырская братия. Это был праздник для души. «Потом заеду в Мытищи, – сквозь дремоту думал царь. – Побеседую с митрополитом Павлом о нововведениях в церковную службу».

Ему нравились эти многочасовые беседы и неторопливое чаепитие с рыбными пирогами и медовыми пряниками. С этими благостными мыслями он и заснул.

После отдыха Алексей Михайлович со своим казначеем обсудил вопрос об оказании посильной помощи в ремонте больничных палат и шатровой церкви Зосимы и Савватия. Кроме Артамона Савельевича, в беседе с царем принимали участие патриарх Иосиф и епископ монастыря Питирим.

Проводить государя вышло все духовенство монастыря и большая толпа прихожан. Среди них особо выделялись золотых дел мастера в красных атласных рубашках под дорогими шубами, мастера иконописи, резчики по дереву. Много было богомольцев и нищих из окрестных сел и деревень. Для них приезд и отъезд государя был большим праздником – он жаловал их милостынею.

Толпа провожающих растянулась вдоль дороги до самых ворот монастыря. Все терпеливо ждали выхода государя. Из-за облаков часто выглядывало весеннее солнце, освещая возбужденные лица людей и золотые купола монастырских храмов.

Наконец массивные двери открылись, и на паперти Надворной церкви первым появился царь. Он был в дорогой собольей шубе с золотыми кружевами и кистями, в горлатной шапке. Вслед за ним из церкви вышли патриарх всея Руси Иосиф, духовник царя Стефан Вонифатьев, епископ Троице-Сергиева монастыря Питирим, высшее духовенство и несколько ближних бояр. Среди них был и Артамон Савельевич Ховрин. Первым делом царь одарил богомольцев, раненых солдат и нищих щедрой милостынею. Потом обратился к старцам монастыря, которые окружили патриарха. Многие из них когда-то начинали с ним вместе свой пасторский путь.

– Молодцы, старцы! – похвалил их Алексей Михайлович. – Благодарю вас за то, что в тяжелое для нас Смутное время вы и отцы ваши отстояли монастырь, не отдали на разорение полякам.

Царь отвесил старцам низкий поклон. Все последовали его примеру.

– Полгода «вор» Сапега Лисовский вел осаду монастыря, но отступил, так и не добившись своего благодаря вашей храбрости и чудотворному заступничеству Сергия за свою обитель. Помолимся, отцы мои, и вспомним тех, кто не щадил живота своего.

Все собравшиеся около церкви стали молиться. Прощаясь с патриархом, который оставался в монастыре ещё на один день, Алексей Михайлович сказал:

– Жду тебя, патриарх, в Мытищах. Оттуда в Москву вернемся вместе.

Молодой царь с уважением относился к патриарху Иосифу, давно перешагнувшему восьмой десяток лет. «Чем человек старше, тем он ближе к Богу, – считал Алексей Михайлович. – Поэтому старых людей надо уважать».

В связи с преклонным возрастом, патриарх Иосиф мало занимался церковными делами и с большой надеждой смотрел на богомольного молодого царя, который не только хорошо разбирался в богословии, но практически ежедневно посещал богослужение, старался сам и заставлял других жить по законам церковной службы. Патриарху это нравилось, и за дела церкви он был спокоен.

Под восторженные крики толпы Алексей Михайлович прошел до царского кортежа и сел в свой возок. Впереди кортежа в три ряда выстроились конные стрельцы с пищалями. На их лошадях огнем сверкала ратная сбруя. За ними стояли большие нарядные сани, на которых постельничий царя и стряпчие разместили свое хозяйство. Далее следовал царский возок, на котором по обе стороны государя, не шелохнувшись, стояли его телохранители – два высоких статных юноши в белых одеждах с топориками на плечах. Топорики были украшены богатым орнаментом и служили им боевым оружием. В случае какой-либо неприятной оказии для государя, телохранители могли этими топориками запросто разрубить кольчугу и пробить панцирь нападавшим. Рядом с возком царя стоял начальник стрелецкого войска воевода Матвеев и давал последние указания Григорию Гавриловичу Пушкину, главному охраннику государя.

– Даю тебе ещё десять стрельцов с оружием, и помни, что за жизнь государя, сохранность походной казны и его парадного шлема отвечаешь своей головой!

Замыкали царский кортеж роскошные сани ближних бояр. Каждый из них был со своей конной охраной. Сбруя лошадей на солнце сверкала позолотой, радовала глаз красным бархатом и начищенными до блеска медными гремящими цепями.

Прощаясь с епископом монастыря Питиримом, царь обещал приехать на праздник святого Сергия.

– Приеду с царицей и царевичем Дмитрием. Ждите!

Митрополит Питирим низко поклонился.

– Всегда рады видеть тебя, государь, в нашей обители. Передай мой поклон царице Марье и царевичу. Даст Бог, летом свидимся.

Он трижды осенил государя золотым крестом и сказал:

— В добрый путь, с Богом!

Царский картеж тронулся и когда он выехал на главную дорогу, все облегченно вздохнули и стали расходиться и разъезжаться по домам. Площадь вблизи Троицких ворот быстро опустела.

Глава четвертая

Дорога на север

1

В последние дни перед отъездом в Москву усадьба Дроновых напоминала растревоженный муравейник. С утра до вечера все было в движении: приезжали и уезжали гости, кучера готовили сани и ковали лошадей, Марина Михайловна рылась в своих сундуках, примеривая наряды. Только молодые, не обращая внимания на эту суету, отдыхали в свое удовольствие.

Поздравить молодоженов с помолвкой приезжали близкие и дальние родственники Дроновых и Хватовых. В воскресенье была очередная встреча: из Александровской слободы приехала княгиня Вера Павловна Вяземская с двумя дочерьми и племянником Николаем. Дочерей звали Аня и Даша. Возраст их был самый интересный для девочек – им было по четырнадцать лет. Они родились двойняшками. Все были рады этой встрече, потому что давно не виделись.

Княжеский род Веры Павловны происходил от известного князя Афанасия Ивановича Вяземского, неожиданно для многих обвиненного царем Иваном Грозным в «новгородской измене» и безжалостно казненного.

В молодости княгиня Вера жила в Москве и приезжала в свое родовое имение Верхние Дворики с мужем, который устраивал там для друзей охотничьи потехи. Центром усадьбы было большое старинное село Александровское, выросшее на берегу реки Серая в окружении глухих лесов, в которых водилось много дичи.

Рядом с поместьем, буквально в пяти верстах, раскинулись величавые строения и златоглавые храмы знаменитой Александровской слободы, считавшейся в царствование Ивана Грозного второй столицей русского государства. Там царь жил много лет, изредка наезжая в Москву для того, чтобы расправиться со своими противниками. В Александровской слободе Иван Васильевич вместе с опричниками замаливал свои грехи перед Господом Богом. После самой страшной для него трагедии – убийства посохом своего любимого сына Иоанна во время

ссоры – царь покинул Александровскую слободу и больше туда не возвращался. Это было в ноябре 1581 года.

Гости и хозяева до поздней ночи сидели за праздничным столом и вспоминали минувшие дни. Душой застольной беседы был племянник княгини Веры Николай Волков, не так давно закончивший духовную семинарию. Молодой священник был настоятелем церкви Покрова в Александровской слободе, служившей когда-то дворцовой церковью грозного царя.

– У нас, в слободе, до сих пор с ужасом вспоминают то время, – медленно со знанием дела говорил Николай.

Он отрезал ножом кусок отварного мяса и стал тщательно его пережевывать, изредка запивая квасом.

– Царь Иван Васильевич никого не щадил: ни жен своих, которых у него было восемь, ни детей, ни друзей, ни своих подданных, оттого и сам наделен был Богом страшной судьбой...

– Время было страшное, – подтвердил Иван Данилович. – Без вины виноватых казнили сотнями, опальных ради потехи бросали на Лобном месте голодным медведям на растерзание. Жизнь каждого, будь то родовитый боярин, князь, воевода, священник, посадский человек или просто нищий, зависела от доноса царских опричников. А у них всегда так: где быть, а где сказка – не разберешь... Главное для них – уметь прочно закрепить на седле лисий хвост и вовремя громко крикнуть: «Слово и Дело»!

– Старики моего прихода подробно рассказывали о том, как в Александровскую слободу на допрос к Грозному в цепях был привезен опальный новгородский архиепископ Пимен, – с горечью заметил Николай. – Тогда летом 1569 года по доносу и учиненному самим царем «розыску» в Москве на Красной площади было казнено около трехсот человек. Среди них был и основатель нашего княжеского рода Афанасий Вяземский.

– Наш род тоже потерял тогда своих людей, – с грустью промолвил Иван Данилович. – Среди казненных был и мой дед по материнской линии – земский казначей Николай Афанасьевич Фуников.

Он достал из пиджака табакерку и стал нюхать табак.

– Невинно сложил голову на плахе его друг земский канцлер Иван Михайлович Висковатый. Картина была страшная: в течение четырех часов с громкими криками «Гайда»! опричники, залитые кровью, кололи пиками, резали на части, рубили и обливали кипятком «изменников». Сам царь копьём проколол трех «крамольников», обреченных на смерть...

– Копьём царь Иван орудовал ловко, – с укором заметил Артамон Савельевич. – Да и неожиданные поступки делать страшно любил... Говорят, в тот же день, «под шумок», казнил своего дружка – главу опричнины Алексея Даниловича Басманова и его сына Фёдора, которого, кстати, очень любил.

– Душегуб, да и только! – поддержала мужа Елизавета Петровна. – У него либо безграничная любовь, но до поры-до времени, либо – ненависть, но моментальная... Либо белое, либо черное – середины не знал, а потому поступал часто не по-божески. Потом, осознав содеянное зло, долго валялся в ногах у Бога и просил у него прощения. И это повторялось периодически, как будто в него вселялся сам дьявол...

Развивая мысль жены, Артамон Савельевич спросил:

– Вот скажите мне, господа хорошие, почему царь Иван так жестоко расправлялся со своими близкими друзьями и самыми преданными ему людьми? – Он усмехнулся и лукаво посмотрел на жену. – Если не считать, конечно, что это все происки сатаны...

Никто из сидящих за столом на его вопрос сразу не ответил. Все задумались о странностях в поведении царя.

– Думаю, Артамон, что причиной тому – страх! – ответил на вопрос друга Алексей Васильевич. – Царь Иван Васильевич боялся потерять трон, а с ним и безграничную власть над всеми.

Он посмотрел на Олю, как бы ища у нее поддержки.

– Ты прав, Алёша, – поддержала его Оля. – Власть и деньги, пожалуй, самые коварные враги человека, для сердца самыми опасными врагами является зависть и ненависть... Думаю, что эти человеческие пороки, как острые гвозди, постоянно царапали душу и сердце царя Ивана Грозного.

Алексей Васильевич с благодарностью посмотрел на свою невесту и подумал: «Умна и рассудительна Оля, прав оказался Артамон».

– Иногда мне кажется, что действия царя Ивана Васильевича определялись состоянием его души, – подтвердила правильность сказанных Олей слов княгиня Вера Павловна. – Такие люди, как царь Иван, сами не ведают, что творят. Таких людей бывает просто жалко...

– Однако такие безрассудные и жестокие люди могут нанести обществу большой вред, – вмешался в разговор Николай. – Думаю, что наш царь Алексей Михайлович не меньше Грозного любит власть. Он тоже бывает вспыльчив, но не устраивает таких массовых казней. Действует осторожно, тихо. Недаром в народе его прозвали «Тишайший»...

Протоиерей Николай часто встречался с Великим государем во время его посещения Александровской слободы и с благодарностью принимал царские преподношения своему храму.

– Ваше преподобие, – обратился Алексей Васильевич к Николаю, – я с Вами совершенно согласен. Многие зависят от воспитания и характера царствующих особ. Но не следует забывать, что мы живем в другое время. Иван Грозный был дитя своего времени... В то время жестокость была характерна не только для России, но и для всей Европы. Все помнят «Варфоломеевскую ночь», когда протестанты уничтожили почти половину французской родовой знати, и в этой беспощадной резне активное участие принимал сам король Карл. Так что властелины мира сего, как говорится, «одним миром мазаны»...

Марина Михайловна распорядилась принести и поставить на стол самовар. Праздничный ужин с бесконечной сменой блюд, чаепитием и разговорами все продолжался и закончился только под утро.

На следующий день после обеда гости собрались уезжать домой. Встречей все были довольны, особенно сестры Аня и Даша. Утром они успели погулять с Олей и Алексеем Васильевичем и были в восторге от его рассказов о полярном сиянии, встречах с шаманом и белыми медведями. Особенно им понравился рассказ Алексея Васильевича о смерти шамана. Вот как об этом поведал воеводе ненец Пырерко.

«Смерть шамана для всех нас была столь неожиданной, что даже старики не смогли объяснить её причину. Правда, некоторые из них считали, что произошло это не без ведома их Бога зла Аа: накануне все жители становища с ужасом наблюдали полыхавшее по всему небу полярное сияние. В один момент свечение было настолько сильным, что многие в страхе упали на снег и страстно молили Бога взять их души к себе на небеса. Однако их идол, как всегда, был неумолим и взял душу только одного человека – им оказался Белый шаман Коруна».

На прощанье Вера Павловна обещала приехать в Москву на свадьбу.

– Приеду с дочерьми, – улыбнулась она. – Им будет не только интересно, но и полезно...

– Возраст такой, девочки на выданье, – согласилась Елизавета Петровна и поочередно поцеловала Анну и Дарью.

Девочки засмутились, закрывая руками свои красивые разрумянившиеся лица.

Ещё несколько дней в доме Дроновых шли приготовления к отъезду. Иван Данилович торопился сам и подгонял других.

– Пора, дети мои, пора... пока погодка шепчет, – шутил он и постоянно успокаивал Олю, которая в последние дни испытывала большое беспокойство. – Ты зря волнуешься, – говорил он ей. – От своей судьбы, Оленька, не уйти... Недаром в народе говорят: «Кому сгореть, тот не утонет». На все воля Божья! Не горюй, все обойдется. С Алексеем не пропадешь...

– Я и сама это сердцем чувствую. Однако страх одолевает. Впервые уезжаю из дома, да так далеко!

Отъезд наметили на четверг. Накануне Оля долго и страстно молилась, прося у Бога помощи и защиты. Стоя на коленях, своими красивыми и влажными от слез глазами она с мольбой смотрела на почерневшую от времени икону Божьей матери, истово крестила лоб перстами и припухшими губами постоянно повторяла одни и те же слова молитвы: «Рождество Твоя Богородице Дева, радость возвести...»

Обращаясь к всевышнему, Оля понимала, что в её жизни наступает переломный момент и сюда, в этот милый сердцу дом, где она родилась и прожила неполных восемнадцать лет, ей уже вряд ли вернуться, как не вернуться в детство.

2

Ранним утром в чистый четверг, когда красное солнце на востоке только что позолотило голубое небо, все были уже на ногах. Разместились на двух санках: в большие сани сели четверо старших, а молодых посадили в красивый возок, используемый обычно для праздничных катаний на масленицу.

Отдохнувшие за эти дни лошади бежали охотно, и под звон бубенцов отъезжающие быстро оказались за околицей.

Солнце неожиданно нырнуло за тучку, и сразу стало сумрачно. Впереди показалось сельское кладбище, на котором были похоронены многие из потомков Дроновых. Ещё вчера договорились заехать сюда, чтобы посетить могилы родных и помолиться за их души.

На кладбище царила предутренняя тишина. С края неба свисало только что вставшее ленивое солнце, красноватые лучи которого мягко падали на могильные кресты и надгробья. Впереди, на фоне голубого неба, четко выделялся красивый профиль церковной часовни. Справа от нее под сенью столетних дубов была сооружена усыпальница рода Дроновых. Внутри чугунной ограды ровными рядами лежали мраморные могильные плиты с именами умерших. Позади плит, на специальных чугунных подставках, возвышались красивые металлические кресты, выполненные в художественных литейных мастерских Троице-Сергиева посада.

На каждую надгробную плиту Марина Михайловна поставила по одной толстой свече. Когда зажгли свечи, все молча помолились, женщины всплакнули. Говорили только вполголоса. Примерно через четверть часа по просьбе Ивана Даниловича все направились к дороге. Уходя, Оля обернулась и с минуту смотрела на горящие свечи. Когда лошади тронулись, и на дуге коренника зазвонил колокольчик, её сердце сжалось, в голове бешено застучала кровь, на глазах появились слезы: «Мама, родная... прости и прощай»!

Алексей Васильевич не стал утешать ее, только нежно обнял. «Пусть поплачет – станет легче»! – подумал он.

На небе – ни облачка. Утренний морозец пощипывает щеки, и Алексей Васильевич нет-нет, да и потрет их руками. Лентой тянется дорога-зимник, то втягиваясь в чащобу леса, то спускаясь в овраги и буераки. Кругом вековые ели в нарядном белом покрывале. Иногда в морозном воздухе резко, как выстрелы, хрустели сучки елей, взлетали крупные птицы, и с макушек деревьев белым дождем падали хлопья снега.

Оля и Алексей Васильевич сидят рядом, обнявшись, и молча смотрят на эту красоту. Потом все стихает. Только монотонно поскрипывают полозья санок, слышатся фыркание усталых лошадей да недовольные голоса возниц. Ямщики, любившие лютые морозы и саженные российские снега, нещадно бранили весенний санный путь: снег стал рыхлым, мокрым и тяжелым, а на пригорках осел аж до самой земли. Взмывленные лошади непрерывно махали головами, с их губ падали пряди белой пены. Наконец, сквозь серую дымку тумана вдаль показали извилины реки.

– Воря, – показывая на белую полосу тумана, накрывшего речку, уверенно сказала Оля. – Вода в этой реке чистая, а потому водятся в ней крупные раки. Местные крестьяне привозят нам их зимой целыми мешками.

– Теперь я знаю, где «раки зимуют», – улыбнулся Алексей Васильевич, – в реке Воре.

Он подвинулся ближе к Оле и спросил:

– Как заядлому охотнику и рыбаку, мне интересно знать, какая там водится рыба? Наверное, её там навалом, так же как и раков?

Оля немного подумала и спокойно сказала:

– Точно не знаю. Говорят, в Воре водится карась, окунь, язь, пескарь и крупная плотва.

– Если водится карась, то уж без шуки не обойтись, чтоб «карась не дремал», – рассмеялся Алексей.

Оля тоже засмеялась.

– Рыбу нам мужики привозят тоже мешками, это я знаю точно!

Она откинула воротник шубы и вытянула занемевшие ноги. Сразу появилось желание прыгнуть с санок и в валенках пробежаться по последнему, ещё чистому снегу. Алексей Васильевич последовал примеру своей невесты и тоже с удовольствием вытянул ноги. Потом он поднял руки вверх и потряс ими над головой.

– Делай, как я.

Он посмотрел на румяное от утреннего мороза лицо Оли и неожиданно спросил:

– Оленька, скажи, кто ты по гороскопу? Я – козерог! Слышал, что судьбы людей прямо зависят от расположения звезд на небе.

Оля с улыбкой посмотрела на жениха.

– Об этом надо было спрашивать перед сватовством, – покачав головой, рассмеялась она. – Теперь нам отступать некуда – от судьбы, как от сумы, никуда не уйти.

Оля подняла воротник своей шубы и в шутку сказала:

– Делай, как я!

Алексей поднял свой воротник, и они оба рассмеялись.

– Теперь мы квиты, – улыбаясь, сказала Оля. – И я с большим удовольствием отвечу на твой вопрос, потому что эта тема мне по душе. Я искренне верю в то, что звезды влияют на жизнь людей и на наши судьбы. У дедушки Фёдора даже есть такая книга: «Звезды и судьбы». В молодости он увлекался астрологией и хорошо знал предназначение всех Знаков Зодиака, особенно в области теологии и медицины. А бабушка Марина была без ума от хиромантии. На почве этих увлечений они сблизились, а потом и поженились. Я тоже кое-что знаю о звездах.

Алексей Васильевич с интересом посмотрел на свою невесту.

– Оказывается, ты все знаешь и скрываешь от меня. Так нечестно! Выкладывай, что говорят звезды о нашей с тобой судьбе?

Оля покраснела и не сразу ответила на поставленный вопрос.

– Для меня, Алёша, это очень серьезный вопрос.

– Ну а все-таки?

– Если ты так настаиваешь, то я скажу следующее: звезды говорят, что мы особенно подходим друг другу, поскольку тельцы и козерог считаются хорошими партнерами.

– Слава Богу! – Алексей Васильевич притянул к себе невесту и поцеловал. – Значит, я сделал правильный выбор. Сердце подсказало, а звезды предсказали!

– Я тоже считаю, что ты не ошибся, – сказала Оля и мило улыбнулась.

В течение последнего часа ярко светило солнце и, хотя дул небольшой встречный холодный ветерок, снег постоянно подтаивал, оголяя кое-где землю. Лошади все чаще переходили на шаг. Подъезжая к лесу, Артамон Савельевич решил остановиться, чтобы все могли, как он потом пояснил, «размять свои кости».

Остановились у костра, который развели мужики, работающие почти у самой дороги. Как оказалось, они расширяли лесную просеку.

Оля и Лиза подошли к костру и с интересом наблюдали за мужиками, которые что-то обсуждали. Потом один из них, видимо старший, размахисто перекрестился, трижды поплевал на свои шершавые ладони, ловко взял в руки топор и, выпрямившись во весь свой богатырский рост, со словами «Господи благослови» первым ударил по высокой ели. Примеру своего товарища последовали другие мужики. Лес зазвенел металлом, наполнился треском падающих деревьев и криками: «Эгей, берегись»!

Просека постепенно расширялась и уходила в глубь леса.

Через четверть часа обоз снова тронулся в путь.

Алексей Васильевич помог своей «даме сердца» сесть в возок и укрыл её ноги овчинным тулупом.

– А теперь, красавица, поговорим о хиромантии. Что нагадала тебе бабушка Марина?

– Своим родным и близким она не гадала, – ответила Оля и засмеялась. – Могут оказаться ведь и плохие вести. А огорчать своих – не в правилах бабушки Марины. И все же ей пришлось внимательно рассматривать линии на моей руке.

Оля опять, как и в тот раз, густо покраснела. Преодолев смущение, она решила рассказать все по порядку.

– Накануне Вашего приезда мне приснился браслет из сапфира. Взволнованная бабушка сказала, что увиденный во сне браслет предвещает скорое вступление в брак. Это никак не входило в наши планы. Мы и не могли предположить, что через три дня у нас будут гости, я увижу тебя и влюблюсь с первого взгляда.

Оля снова покраснела и опустила голову вниз.

– Поэтому, видимо только для себя, бабушка решила проверить предсказание сна гаданием по руке.

– Интересно! – Алексей Васильевич взял левую руку Оли, посмотрел на ладонь и спросил:

– И что увидела бабушка на твоей ладони?

– А ты не будешь смеяться? – вопросом на вопрос ответила Оля.

– Конечно, нет, – ответил Алексей и сделал строгое выражение лица.

– Линия Судьбы на моей ладони, как сказала бабушка, идет прямо через центр к холму Аполлона. Эта линия у меня четко выражена, что означает необычайное везение, успех и счастливую жизнь.

– Поздравляю тебя, Оля, и целую твою счастливую руку, – с восторгом сказал Алексей и с жаром поцеловал её ладонь. – С тобой не пропадешь!

– Странно, но кое-что уже сбывается, – глубоко вздохнув, сказала Оля.

Она засмушалась, но, пересилив себя, уверенно сказала:

– Бабушка, гадая по руке, предсказала мне, что скоро я выйду замуж за служивого человека, что мне предстоит дальняя дорога и у меня будет двое детей, девочка и мальчик.

– Каждое твое слово, Оленька, для меня становится слаще сахара. Я тоже мечтаю иметь двух детей, но можно и больше. Как ты сама захочешь...

Алексей Васильевич с благодарностью посмотрел на Олю и спросил:

– Интересно, что говорят звезды о камнях?

– В ту благодатную ночь, как ты знаешь, мне приснился браслет из сапфира. Оказалось, что это мой камень: он оберегает людей, родившихся под знаком тельца. В книгах написано, что «сапфир – красивейший драгоценный камень небесного цвета, камень верности, целомудрия и скромности». Он считается талисманом влюбленных и новобрачных.

– Тебе повезло – сон оказался «в руку»!

– А тебе смешно, – обиделась Оля. – Я верю в Судьбу...

– Не сердись, я тоже верю... Приедем в Москву, я подарю тебе золотой браслет с сапфиром. Хорошо?

В знак согласия Оля кивнула и улыбнулась. Она вспомнила наказы бабушки Марины: не следует придирается к словам любимого человека по пустякам и критиковать его за мелочи. Лучше чаще оказывать знаки внимания, иначе можно его потерять...

– Спасибо, Алёша. Буду рада подарку. Постараюсь не остаться в долгу и подарить тебе перстень с рубином. Красный рубин с пурпурным отблеском – это твой камень. Он приносит счастье в любви. Говорят, рубин делает доброго человека ещё добрей, а благородный и мужественный человек, носящий этот камень, одерживает победы и совершает подвиги.

– Для воеводы это очень кстати! – с улыбкой заметил Алексей Васильевич. – С благодарностью приму твой подарок.

Он притянул к себе Олю и, приложив обе свои руки к её покрасневшим от мороза щекам, крепко поцеловал в губы.

Справа, в туманной дымке, появились очертания старинного села Абрамцево. Над крышами домов низко стелется дым – хозяйки затопили печи. Время близилось к обеду.

Молодежь решила немного подремать: они подложили под головы подушки и, откинувшись на спинку возка, теснее прижались друг к другу. Было слышно, как кучер Прохор иногда покрикивал на лошадей:

– Но, родимые, пошевеливай!

До Москвы было ещё далеко.

3

Первую ночь после отъезда в Москву провели в большом старинном селе, раскинушемся на берегу реки Клязьма. Встали рано. Перекусив блинами с медом и молоком, быстро расселись по своим экипажам.

– Следующую большую остановку сделаем у отца Владимира в Саввино-Сторожевском монастыре, – сказал Иван Данилович, обращаясь к кучеру Прохору. – Дорогу знаешь?

– Как не знать, знаю, – с гордостью ответил кучер.

Проехав несколько верст по проселочным дорогам, он свернул на широкий зимник, ведущий в древний город Звенигород – удел великих московских и Галицких князей с 12-го века. В этом княжестве, там, где впадает река Сторожка в Москва-реку, впервые были построены крепостные стены и рвы для защиты Московии с юго-запада от половцев, крымских татар и поляков. В 14-м веке возвели величавый Успенский собор «на городке», а в следующем, 15-м веке, – целый комплекс охранных и церковных сооружений, в том числе и знаменитый Саввино-Сторожевский мужской монастырь. Его основателями были князь Юрий Дмитриевич и Савва – ученик Сергия Радонежского.

До монастыря долго ехали по проселочным дорогам. Время тянулось медленно. Наконец, впереди блеснула излучина реки Сторожки, впадающей в Москву-реку вблизи монастыря. Вечерний туман лениво сползает с левого берега величавой реки, постепенно обнажая высокий холм, на котором, как на ладони, стоят сказочной красоты строения: слева белокаменный храм Успенья с золотым крестом, справа, сразу за крепостной стеной Саввино-Сторожевского монастыря, золотые купола собора Рождества Богоматери. Сквозь туманную дымку видны вековые липы и вязы, спускающиеся до самой воды.

К главным воротам монастыря подъехали к вечеру. Стражник Матвей, увидев через входную калитку боярина Артамона Савельевича в золоченом возке, крикнул рядом стоящему монаху:

– Бегом к дому епископа, доложи о приезде гостей!

Массивные двери монастырских ворот были заперты на два больших замка, и Матвею пришлось вернуться в сторожевую будку за ключами.

Коренник первой тройки, жеребец серой масти в яблоках, любимец Ивана Даниловича, нетерпеливо мотал головой, позванивая подвешенным над дугой медным колокольчиком. Иногда он бил о землю правым копытом, как бы подчеркивая этим, что не привык стоять и ждать, когда откроют ворота. Кучер Прохор старался успокоить жеребца:

– Но-но, идол, успокойся! Балуй у меня!

Епископ Владимир вышел встречать гостей на крыльцо своего дома. «Боже, что случилось?» – судорожно застегивая тёплый зипун, думал он. Успокоился отец Владимир только после того, как увидел гостей в полном здравии.

– Слава Богу, наконец-то свиделись! – повторял он одни и те же слова, вытирая дрожащей рукой слезы радости.

Весь вечер прошел в разговорах за праздничным столом.

Епископ Владимир поздравил Олю и Алексея Васильевича с помолвкой и благословил их на долгую счастливую семейную жизнь. Во время ужина узнал все московские новости, подробно рассказал о своей жизни и о жизни всей монастырской братии. Он подолгу смотрел на Олю и любовался её красотой и молодостью.

– Быстро летит время, – с грустью сказал епископ Владимир. – Последний раз я видел тебя, Оленька, с красивыми косичками и в цветастой, как у бабушки Марины, кофточке. А теперь ты уже невеста!

Потом разговор зашел о пребывании царя Алексея Михайловича в Троице-Сергиевой лавре.

– Уезжая в Москву, государь просил передать тебе, отец Владимир, свое почтение, – обращаясь к епископу, сказал Артамон Савельевич.

– А монастырь преподобного Саввы Алексей Михайлович решил взять под свое государственное ведение и возвысить его до положения лавры, – добавил Иван Данилович. – В скором времени у Вас в монастыре будет учрежден архимандрит.

– Вот это новость! – воскликнул епископ. – Так ли это?

– Новости точные.

Иван Данилович, довольный своей осведомленностью о планах государя, лукаво подмигнул своей свояченице:

– Царская казначейша может подтвердить это.

– Царь Алексей Михайлович в беседах с нами после молебна в Троице – Сергиевой лавре много раз вспоминал тебя, отец Владимир, – обращаясь с поклоном к епископу, сказала Елизавета Петровна. – Намеревается Великий государь наш чаще бывать у вас и даже жить с семьей подолгу. За заслуги пред Богом и царской семьей считает он тебя своим вторым духовником...

От этих новостей и добрых слов в свой адрес седой как лунь Владимир прослезился.

– Слава Богу, на старости лет заслужил царскую милость и почтение, – прошептал епископ и трижды осенил себя крестным знамением.

В монастыре гости пробыли три дня. За эти дни успели осмотреть монастырь и его окрестности. На второй день вместе с отцом Владимиром отслужили обедню в соборе Рождества Богородицы, построенном ещё при жизни преподобного Саввы. При входе в собор осмотрели каменную гробницу – место, где он был погребен. Потом прошли в предел собора, долго там молились, стоя у дубового гроба, в котором лежали его мощи. Артамон Савельевич подошел к отцу Владимиру и полупрошептом ему сказал:

– На дубовую гробницу преподобного Саввы по указанию царя Алексея Михайловича московские мастерицы-золотошвейки готовят богатый покров.

Епископ удовлетворительно кивнул головой.

– Спасибо за новость. Дар государя пойдет монастырю на пользу: каков дар, такое и его царское к нам отношение.

Оля впервые была в этом соборе и с восхищением рассматривала богатый иконостас.

После обедни епископ Владимир повел гостей осматривать ризницу и библиотеку собора. В ризнице они увидели много интересного: на дубовом столе лежала риза преподобного Саввы. Она была тафтяная, белого цвета с голубым оплечьем, шитым золотом и серебром; рядом с ней были уложены и другие драгоценные предметы облачения и церковной утвари – дары русских царей и патриархов. Среди них особенно ценными епископ Владимир считал подарок ныне здравствующего молодого Романова – евангелие в серебряном окладе, изданное ещё в 1470-м году, а также псалтырь рукописная, по которой в детстве обучался Алексей Михайлович.

В библиотеке монастыря пришлось задержаться надолго – Иван Данилович и Алексей с Олей не могли оторваться от ценных рукописей. Они подолгу рассматривали «Книгу о нравоучительстве Василия, царя греческого», «Слово Иоанна постника об исповеди», статьи о первом московском патриархе Иове, с трепетом держали в руках только что изданный Требник Петра Могилы. Оля с большим интересом читала царские и патриаршие грамоты, выданные Саввино-Сторожевскому монастырю за его благочестие.

В это время отец Владимир и Артамон Савельевич, сидя на широкой лавке, стоящей в стороне от книжных полок, вели непринужденную беседу.

– Государь задумал большое монастырское строительство у Вас и повелел мне выделить на это деньги из царской казны, – сказал Артамон Савельевич.

– Благое дело! Да будет долгим и счастливым царствование его, – перекрестившись, заметил епископ Владимир. – Что строить надумал царь?

– Мне доподлинно известно, что Алексей Михайлович решил здесь, в вашем монастыре, построить храм во имя Святой Троицы с тёплой трапезной, а также царский дворец для себя и своего семейства, чтобы можно здесь жить, особенно в дни Великого поста. Для домочадцев – соблазна меньше...

– Знаю, государь сам строго соблюдает пост и требует это от всех, особенно от нас, послушников Бога.

– Царский дворец, как я слышал от самого государя, должен иметь не менее десяти комнат. Так что в следующем году, владыка, у вас начнется великая стройка... Денег на это монастырю я выделю в первую очередь.

Царский казначей поднялся, поклонился и поцеловал руку епископа Владимира. Епископ тоже встал и, весьма довольный разговором, улыбаясь, вместе с Артамоном Савельевичем направился к выходу. Там их уже ждали остальные гости.

Три дня пролетели быстро. Хозяин монастыря и гости встречей были очень довольны. Каждый звал друг друга к себе в гости. Епископ Владимир так был рад встрече, что дал волю слезам. Провожать гостей за монастырские ворота вышли не только сам хозяин, но и многие из его друзей по монастырской братии. Когда экипажи тронулись, и над дугой коренника зазвонил колокольчик, провожающие помахали руками, а епископ Владимир сначала перекрестил отъезжающих, а потом тоже на прощанье помахал рукой.

Дорога на Москву была свободной, и лошади бежали быстро. К обеду без особых трудностей добрались до большого села Свиблово – имения Хватовых. Во время обеда Иван Данилович спросил воеводу:

– Где и когда будут свадьба и венчание?

– Мы с Олей решили, что свадьбу сыграем здесь, в нашем имении, сразу после Святой Пасхи. А для венчания у нас в Свиблово есть своя церковь Покрова Богородицы, что стоит на берегу реки Яузы, – ответил Алексей Васильевич. – Приглашаем всех вас на эти торжества.

– Спасибо, – за всех ответил Иван Данилович, который страсть как любил такие мероприятия.

4

Медовый месяц пролетел быстро, как один день. Все это время молодожены были вместе, безмятежно купаясь в своем счастье. Днем чаще всего бродили по Москве, ночью, нежась в тёплой постели, мечтали о будущей жизни на севере. Все хлопоты по дому взяла на себя Дарья, которая после свадьбы по просьбе Оли так и осталась в доме Хватовых.

Жара и горьковатый запах полыни – первые признаки наступления красного лета. Все короче и темнее становились ночи, все длиннее – солнечные летние дни, с тёплыми грибными дождями и грозами.

– Ну вот, дожили, – делая ударение на «о», сокрушенно говорила Дарья и недовольно поглядывала на небо, по которому плыли кучевые облака. – Ну, каждый божий день гремят грозы! Хоть бы один день себе и нам отдых дали...

Но не тут-то было. К вечеру, когда спадала жара, облака вновь собирались вместе и обильно поливали землю тёплым дождем. Было забавно смотреть, как серые тучки раскатиasto и громко смеялись, хватая себя огненными руками за бока. Поиграв друг с другом в салки, тучки быстро исчезали, таяли как льдинки, и на голубом небе вновь величаво выплывало солнце в своем красноватом вечернем платье.

«Ничего в нашей жизни не летит так быстро, как время. И ничего не проходит бесследно, – думал Алексей Васильевич, глядя, как Оля вместе с Дарьей готовят ужин. – Кажется, свадьба была только вчера, а пролетело уже почти два месяца, и надо собираться в дорогу».

Всю ночь до утра они проговорили об отъезде. Впервые за эти дни Оля призналась мужу, что немного страшиться уезжать так далеко от родительского дома.

– Да и бабушку оставлять одну жаль, – добавила она с грустью.

Алексей Васильевич решил успокоить жену, обнял и спокойно сказал:

– Человеком управляет характер, а у тебя характер сильный. Страх не вечен, со временем он пройдет. Бабушке Марине, конечно, без тебя будет нелегко. Нет ничего страшнее одинокой старости... Но для твоей бабушки, к счастью, это временная жизненная проблема. Вернется дедушка Фёдор из Соловецкого монастыря домой, и все у них снова будет хорошо.

Оля с благодарностью посмотрела на мужа и крепко поцеловала.

– Ты просто устала от этих дум. Лучше утром подольше поспи, – посоветовал ей Алексей Васильевич. – Сон хороший доктор, быстро снимает усталость и беспокойство.

Ехать решили после Ильина дня, а с завтрашнего дня начать сборы в дорогу.

Алексей Васильевич быстро уладил все свои дела в Пушкарском приказе, а Оля сделала необходимые покупки в торговых лавках на Сретенке.

В среду на страстной неделе их навестили Ховрины.

– Я свое слово держу, – сказал Артамон Савельевич и указал на банщика, стоящего позади боярина.

Порфирий низко поклонился.

– Спасибо, друг. Не забыл наш уговор, – сказал Алексей и обнял Артамона Савельевича. – В пути доверим ему лошадей. Справишься?

Воевода строго посмотрел на Порфирия.

– Знамо дело, с детства к лошадям приучены. Не сомневайся, барин! – уверенно сказал банщик, ещё раз поклонился и тихо вышел.

Дома он застал жену в слезах.

– Наше дело кучерское – куда барин прикажет, туда и править будем, – решил пошутить Порфирий.

Но Евдокия промолчала, ещё больше нахмурилась и прикрыла концом платка заплаканные глаза. Уезжать из столицы ей не хотелось. Привыкла к хорошей, тёплой и сытной жизни. А

привычка, известное дело – вторая натура, её сразу не перешагнешь и не сломаешь. Но спустя некоторое время успокоилась. «Значит, судьба, – подумала она. – Снова, как в Сибири, снега, метели, лютые морозы...». В молодости ей все это нравилось.

Елизавета Петровна посоветовала сестре взять с собой Дарью.

– Путь на Север не ближний, в дороге без кухарки не обойтись, – сказала она Оле.

Дарья очень обрадовалась этому решению своей хозяйки. Во-первых, потому, что она за этот месяц уже привыкла к Оле. Во-вторых, ей очень захотелось вновь побывать в родных краях, в Кондопоге, повидаться с родителями, полюбоваться на светлые воды Онего. Дарья была ещё молода, а молодость всегда вселяет надежду... Глядя на счастливую молодую барыню, она в душе надеялась на перемены и в своей личной жизни. «Бог даст, и я найду свое счастье», – подумала она и трижды перекрестилась.

Сборы и проводы продолжались всю страстную неделю. Гостей не успевали встречать и провожать. Много было сказано напутственных слов, много пролито слез.

Наконец, рано утром сразу после Ильина дня, карета воеводы Хватова, запряженная тройкой вороных лошадей, выехала на Соловецкий тракт.

Прощай Москва! Прощай столица! Сердце Оли сжалось, на глаза навернулись слезы.

Когда проехали версты три, то впереди показались Воробьевы горы: их синева сливалась с тёмным, как горное озеро, небом. К вечеру добрались до знаменитого старинного русского села Талдомы. Там и решили заночевать. Село славилось тем, что в нем жили бедные и неумные люди, но всегда гордые и независимые.

Воеводу с женой разместили в просторном доме купца Никиты Калашникова, а остальных – на дворе, в людской.

После ужина Алексей Васильевич сразу ушел в отведенную молодоженам комнату, разделся, лег в кровать и стал ждать жену. Закрыв глаза и не заметил, как задремал. Вдруг его ухо чутко уловило легкие шаги и тихий шелест ночного платья. Оля подошла и села на край у его изголовья. Сквозь дремоту Алексей почувствовал родной запах её душистых волос, открыл глаза и, увидев жену, чуть не задохнулся от прилива чувств. «Это любовь!» – снова, уже в который раз, пронеслось у него в голове.

Дарья и Евдокия быстро управились со своими кухонными делами и легли спать тут же, в людской, на большой русской печке. На широких полатах они расстелили свои полушубки, которые на всякий случай взяли с собой на Север.

– Пригодились шубы-то, – поглаживая рукой овечью шерсть, удовлетворенно сказала Евдокия. – От сибирских морозов только они, родимые, нас и спасали.

Лежа на тёплой печке долго, по-бабы, болтали. Вспоминали молодые годы, девичьи шалости с парнями. Закончился разговор, как это всегда бывает у деревенских баб, осуждением мужиков, как своих, так и чужих.

– Мужик мне попался в мужья, – сокрушалась Евдокия. – Ни в поле послать, ни дома оставить... Только и умеет баню топить. А уж по нашей, бабьей части, он совсем никчемный. Ни мужицкой силы тебе, ни женской ласки.

Она подвинулась ближе к Дарье и заботливо накрыла её одеялом.

– Ночью, бывало, схватится обеими руками за грудь и сосет ее, точно дите полугодовалый. Поменять бы его, да жалко – привыкла.

Порфирий долго возился с лошадьми: напоил тёплой водой, привязал каждую к отдельному стойлу, дал всем сена и по полведра овса. На краю села негромко залаяли собаки. Солнце село, и все сразу погрузилось во тьму.

Кучер долго стоял и слушал, как лошади монотонно жуют овес. Потом посмотрел на звездное небо, глубоко вдохнул свежего летнего воздуха, зевнул и медленно полез на сеновал. Но заснуть сразу не смог. В голове по-прежнему кружились мысли вокруг отъезда в дальние края. Еле уговорил жену. Пришлось стать на колени... Человек он был тихий, покладистый.

Очень хотел иметь детей, но пока Бог не дал. Кто в этом виноват, один Господь Бог знает. Засыпая, вспомнил свою матушку и её разговор с соседкой у плетня своего дома. «Порфирий-то наш в «рубашке» родился. Не будь рядом бабки-повитухи Клавдии Ситниковой, вряд ли у него прорезался голос. А без первого крика нет первого вздоха. Без первого крика – смерть!»

Так прошла первая ночь в дороге. Потом их было много в разных городах и селах. Через две недели проехали Новгород Великий и не заметили, как оказались у берегов реки Суны – северной границы черноземных полей и лугов России.

5

Узкая, пыльная дорога, лениво петляя между домами, в конце большого села Рыбкино круто спускалась на широкий пойменный луг, где, поблескивая под палящим солнцем, несла свои воды река Суна. Справа от дороги, почти на самом берегу реки стояла старая банька. её крыша, вся почерневшая от копоти, была сделана из щепы, как у тех русских бань, которые топились «по черному» и в которых спокон веку парились наши предки. Рядом с баней росла развесистая ветла, на ветвях которой сидели вороны. Они изредка шевелили крыльями, будто отмахивались от жары.

Алексей Васильевич, увидев баню, велел Порфирию подъехать к ней.

– Отдохнем под деревом и перекусим на природе, – сказал он и вопросительно посмотрел на жену.

Оля утвердительно кивнула головой – время приближалось к обеду. На небе по-прежнему ярким костром полыхало солнце, и жара чувствовалась даже здесь, вблизи реки.

Кучер свернул вправо и отпустил вожжи. Лошади сразу замедлили шаг, на ходу пощипывая сочную луговую траву.

Алексей Васильевич, вспомнив банный день в Москве, стал подробно рассказывать жене, как он, будучи в гостях у Артамона, парился в бане.

– Представь себе, Оленька, что твой муженек, обливаясь потом, лежит на верхней ступеньке полока. Все тело моментально краснеет, как у рака, брошенного в котел с кипящей водой. Чувствуется, как от сухого пара «трещат волосы». По всему телу приятной истомой растекается тепло и ты, расслабившись, безмятежно смотришь на раскаленную печь-каменку, от которой вместе с паром исходит ароматный запах хлебного кваса. Но самое приятное ощущение наступает тогда, когда тебя хорошенько отхлещут березовым веником и ты, распаренный, оказываешься в огромном чане с прохладной водой. Такое блаженство – будто ты на седьмом небе!

– А мне на это небо попасть можно?

Оля лукаво посмотрела на мужа.

– Почему бы и нет! – уверенно ответил Алексей. – В народе говорят, что в бане должны париться все, кто может до нее дойти. Кто парится, тот не старится! На праздник Ивана Купалы, по старой доброй традиции, девицы парились так, «чтоб тело молодилось, да добрым молодцам любилось». Вот так!

Он подмигнул молодой жене, обнял за талию и крепко прижался к её плечу.

– Говорят, в бане можно расстаться с лишним весом? – спросила Оля, хотя этот вопрос её волновал мало – фигура у нее была, как у Афродиты.

– Это делается совсем просто, – ответил Алексей и улыбнулся. – Сухое тело натирают солью с медом и парятся до тех пор, пока есть силы терпеть жару. Потом, завернувшись в простыню или тёплый халат, долго сидят в предбаннике и медленно, по глотку, пьют крепкий чай, настоящий на целебных травах.

– У вас, мужиков, все просто. Но ведь не каждый это выдержит!

– Конечно, с больным сердцем в баню ходить заказано. Большинство людей ходят в баню просто помыться, слегка попариться, отдохнуть душой и телом, поговорить с друзьями.

– Хочешь сказать, что тепло бани рождает теплоту человеческих отношений, – уточнила Оля.

– Конечно, – согласился Алексей. – Баня сближает людей, особенно близких друзей, снимает усталость, укрепляет нервы, а значит, и здоровье. После бани легко дышится. Помнится, тогда в Москве у меня усталость «как рукой сняло», а ночью я спал «как убитый».

Подъехали к бане. Порфирий резко натянул вожжи и громко крикнул любимое кучерское «Тпру!..»

Лошади остановились. Пока их распрягали, а Дарья с Евдокией готовили обед, Оля из любопытства решила заглянуть внутрь бани – благо дверь была не заперта.

В предбаннике стояла широкая лавка, под потолком висели березовые и дубовые веники. В помещении бани, у стены справа, на длинной скамейке были аккуратно сложены тазики, стояли ведра и лежал небольшой медный ковш с длинной деревянной ручкой. Начищенный золой, он сиял словно красное солнышко. Возле печки-каменки стояли две большие дубовые бочки, наполненные речной водой. За печкой просматривался широкий полоч, сработанный из толстых струганных сосновых досок янтарного цвета. «Как видно, хозяйка любит чистоту и порядок», – подумала Оля и вышла из бани, прикрыв за собой дверь.

Алексей Васильевич в это время сидел на скамейке под ветлой, и смотрел на противоположный берег Суны. Берег был достаточно крутой. К нему плотной стеной прижимался сосновый лес – стройные сосны и ели свечками уходили в небо. «Хвойный лес» – подумал он, достал тетрадь и записал три слова: «Кондопога – корабельный лес».

В своих поездках воевода всегда делал краткие записи, чтобы не забыть смысл увиденного или задуманного, что могло бы пойти на пользу отечеству или царской казне. Он знал, что царь Алексей Михайлович мечтает о постройке в Архангельске военных кораблей для защиты северных рубежей России от постоянных набегов шведов и англичан.

Обедать расположились под деревом. Рядом, на бугорке, среди луговых трав маленьким островком росла душица – целебная трава с сиреневыми цветочками и приятным мятным запахом. После сытного обеда Алексей Васильевич лег в тень на отдых, а Оля решила спуститься к реке. Она сняла обувь и босиком, как в детстве, раскинув в сторону руки, птицей быстро побежала по тропинке к воде. Зашла по колени в реку и долго плескалась в тёплой воде. Потом прошла вдоль берега до куста пушистой ивы, за которым сидел вихрастый мальчуган и удил рыбу.

– Ну и как рыбалка? – весело спросила Оля. – На уху наловил?

Мальчик повернул голову и от неожиданности не сразу ответил. Но потом, когда успокоился, встал, поставил перед Олей ведро с рыбой и сказал:

– Смотрите сами, на уху хватит!

Оля, присев на корточки, стала с любопытством разглядывать плавающих в воде окуней, пескарей, плотву. Некоторые из рыбок были довольно крупные.

– Молодец, – похвалила она мальчугана. – И давно ты здесь?

– С утра сию. Вон там братья мои сено косят, а я им ловлю рыбу.

Оля посмотрела вдоль реки и за излучиной в низине увидела двух косарей в белых рубахах. Они неспешно шли друг за другом, равномерно взмахивая косами и оставляя слева от себя ровные валки скошенной травы. Иногда ветерок доносил оттуда монотонные звуки «Жох – жух, жох – жух»... Это звенели косы.

– Как тебя зовут, мальчик? – спросила Оля и поставила на место ведро с рыбой.

– Мишуткой. Слетковы мы.

– А где ты живешь?

– Наш дом стоит вон там, на краю села, на самом отшибе...

Малец показал рукой на большой дом, от которого к бане змейкой вела узкая тропинка – Баня тоже ваша?

Мишутка сразу не ответил. Он осторожно взялся за удилище и стал внимательно смотреть на подпрыгивающий поплавок. Потом, будто вспомнив, о чем его спрашивали, сказал:

– Баня тоже наша. Мой отец Антон ещё в молодости ставил. Сейчас он на Белое море подался, кормщиком...

Мишутка снова притих, крепко держа в руках удилище. Иногда он искоса посматривал на Олю.

– У нас, Слетковых, все есть, – вдруг радостно вскрикнул парень и резко вскинул вверх удочку, на леске которой болтался крупный окунь.

Он осторожно снял рыбу с крючка и бросил её в ведро.

– Молодец, – снова похвалила Оля маленького рыбака и посмотрела в сторону бани. Там запрягали лошадей. Попрощавшись с Мишуткой, она пошла в сторону привала.

Алексей Васильевич, увидев жену, встал и пошел ей на встречу. По пути он нарвал васильков, и когда они встретились, преподнес жене букет полевых цветов.

– Спасибо, милый, – любуясь букетом, сказала Оля, крепко прижалась к мужу и поцеловала его в губы. – Ты у меня хороший!

– Стараюсь! И ты у меня с каждым днем становишься все прекрасней.

– Влюбленным всегда кажется, что предела прекрасному в жизни нет, – подтвердила Оля и, покраснев, смущенно опустила голову вниз.

Она мысленно поблагодарила Господа Бога за то, что он даровал ей такого хорошего мужа. Поднимая голову, Оля нежно посмотрела на Алексея, а потом на небо.

Был полдень, и белое солнце стояло неподвижно, словно застывший лед на озере.

– Пожалуй, пора ехать, – сказал Алексей Васильевич и взял жену за руку.

Пока шли к бане, Оля без умолку весело болтала.

– В детстве, когда мы ходили в лес по ягоды, мне всегда казалось, что вот-вот из густого ельника выйдет чудище лесное и тогда придет мой черед отличиться – спасти всех от неминуемой гибели. У меня был план: заманить чудище на Попово болото, что рядом с домом лесника, и там утопить.

– Прекрасный план, – засмеялся Алексей.

Подойдя к бане, они сели на скамейку. Хотелось посидеть молча, как это обычно делается перед дальней дорогой.

Глава пятая

Поморский край

1

Архангельск встретил экипаж воеводы Хватова дождем и прохладным северным ветром.

– Вот и полушубки опятьгодились! – укрываясь от ветра, сказала Евдокия.

В знак согласия с подругой Дарья кивнула головой.

– Ты, как всегда, была права! Вот что значит пожить в Сибири...

До гостиничного двора ехали медленно, на рысь переходили редко. На узких и грязных улицах было много подвод: везли лес, пеньку, бочки с дегтем и солониной...

Алексей Васильевич решил на первое время остановиться в доме своего знакомого – известного в Поморском крае купца и промышленника Афанасия Старостина. Его дом нашли быстро. Он, как причудливый замок, стоял недалеко от гостиного двора, прямо возле причала Беломорского залива на фоне поморских кочей и ладей. В отличие от большинства одноэтажных деревянных домов простых горожан, дом купца был кирпичным, в два этажа, с многочисленными пристройками различного назначения. Это были конюшни, избы для прислуги, погреба, бани.

Кучер Порфирий остановил тройку прямо напротив красивых резных ворот. Несмотря на раннее утро, за высоким забором кипела жизнь. Громко лаяли собаки. Порфирий быстро соскочил с облучка, подошел к калитке и несколько раз дернул за кольцо. Мелодично зазвенел колокольчик. Калитку открыл высокого роста мужчина в черной казачьей папахе, в черном полушубке, перетяннутом широким ремнем с красивой медной бляхой, начищенной до блеска. Обут он был в высокие, до колен, хромовые сапоги.

Казак, увидев карету с византийским гербом, покрытым черным лаком, и тройку гнедых лошадей, сразу понял: гости высокого полета! Но по старой доброй привычке, сняв на всякий случай папаху, вежливо спросил:

– Как доложить?

– А так и доложи, – с достоинством ответил Порфирий, – мол, сам воевода Мангазеи с супругой из Москвы приехали!

– Открывай ворота, да поживей! – крикнул казак стоящему рядом молодому парню, тоже в папахе, а сам бегом пустился к парадному крыльцу дома.

Порфирий не спеша сел на облучок, хлестнул вожжей коренника и добродушно крикнул:

– Ну, родимые, пошли!

Не успела тройка подкатить к парадному крыльцу, как на нем появился сам хозяин дома.

Алексей Васильевич легко спрыгнул с подножки кареты и подал руку жене.

– Прошу!

В это время Афанасий Петрович быстрым шагом подошел к гостям.

– С приездом, Алексей Васильевич! – радушно обнимая воеводу, сказал он.

– Моя жена Ольга Васильевна, – представил Олю воевода.

– Рад познакомиться, – с поклоном сказал Афанасий Петрович. – Прошу, проходите в дом. – А ты, Пантелей, – обратился он к казаку, – займись вещами гостей.

После того как сундуки и баулы были занесены в дом, кучер Порфирий поставил карету под навес, распряг лошадей, завел их в стойла конюшни, напоил водой и дал овса. В этом ему помог казак Пантелей Порфирий быстро нашел с ним общий язык и познакомил со своей женой Евдокией. Когда управились с лошадьми, казак отвел своих новых знакомых в людскую, где для них нашлась небольшая свободная комнатка для отдыха. Евдокии комната понравилась, и она поблагодарила Пантелея за заботу о них.

В доме купца высоких гостей из столицы радушно встретила сама хозяйка, типичная купчиха, с красивым властным лицом и приятным голосом.

– Марья Игнатьевна, – представил её купец.

После обмена несколькими фразами о дороге и самочувствии хозяйка повела гостей на второй этаж. Молодоженам досталась довольно большая комната-спальня с видом на море, а Дарье – комнатка меньшего размера. Уходя, Марья Игнатьевна пригласила воеводу с женой на завтрак. Дарью она сразу взяла с собой.

– Поможешь накрыть на стол, – сказала она.

После плотного завтрака, продолжительного чаепития и обмена новостями гости решили отдохнуть.

– Поспать после езды по нашим дорогам – сам Бог велел! – сказал воевода Хватов.

Придя в свою комнату и укрывшись в постели тёплым пуховым одеялом, Алексей Васильевич и Оля быстро заснули.

Дарья ещё некоторое время наводила порядок в своей каморке под крышей, потом легла в кровать, но заснуть долго не могла. Слушала, как дождь выбивал музыкальную дробь о железную крышу дома. Снова и снова вспоминала дни, проведенные у родителей, когда воевода Хватов решил несколько дней отдохнуть от пыльной дороги в рыбацком поселке на берегу озера Онего. Там Дарья, как говорят, «отвела душу» – сходила со своим братом и его другом Егором на рыбалку! Возвращаясь с богатым уловом, она снова, как в детстве, с нетерпением ждала, когда из-за мыса покажется пятиглавый храм Успенья, от красоты и величия которого захватывает дух.

Вспомнила она и последнюю ночь, которую подарила Егору перед отъездом, особенно его сильные руки и жаркие поцелуи... О, как не хотелось уезжать! Но что поделаешь, если она – всего лишь крепостная девушка, а крепостное право пока ещё никто не отменял. Какая несправедливость! Была бы возможность остаться ей с любимым парнем, и она была бы счастлива. Построили бы свой дом, нарожали детей и всю жизнь рыбачили на Онего. Но... Видно, не судьба! Только к обеду, уткнувшись в мокрую от слез подушку, она заснула.

После обеда Афанасий Петрович предложил молодоженам посетить его лавку с товарами, построенную, как он выразился, «на сибирский манер». Дождь прекратился, и гости решили пройтись пешком, благо, что лавка находилась недалеко от дома.

Лавка напоминала огромный лабаз. Чего только там не было! Шубы, шапки, обувь, рукавицы разных фасонов и размеров, горы шкур соболей, лисиц и песцов... В отдельных помещениях лежали морские паруса, якоря, цепи, пенька, смола и деготь в бочках. Всего и не перечислить. Такого количества разного товара Оля в своей жизни ещё никогда не видела.

Все продавцы были опрятно одеты в красные атласные рубахи, брюки и жилетки из тёмного сукна. При виде покупателей они кланялись, снимая при этом свои головные уборы. В лабазе было тепло – обогрев производился печами голландского типа, покрытыми изразцовыми плитками.

В качестве подарка сам хозяин выбрал для Оли норковую шубку, шапку из голубого песка и удивительно мягкие сапожки из шкуры молодого оленя. Такими же мягкими и тёплыми оказались и рукавицы ручной работы женщин из племени юкагиров.

Свои обновки Оля примерила в конторе купца и осталась ими очень довольна. Глядя на смущенную такими подарками жену, Алексей Васильевич с гордостью сказал:

– Красота! Привыкай, Оленька, к богатству и не забывай, что ты теперь – жена воеводы знаменитой Мангазеи. Север – богатейший край... Ты достойна того, чтобы одеваться по последней моде Поморского края. Этому обязывает и твоя родословная – ты принадлежишь к известному и древнейшему роду князей Дроновых.

– Спасибо, Алёша, за добрые слова. Я постараюсь не подвести тебя в этом вопросе...

Обращаясь к хозяину лабаза, Оля сказала:

– Я восхищена размахом Вашей купеческой деятельности. Спасибо, Афанасий Петрович, за прекрасные подарки. Мы в долгу не останемся.

Придя домой, свои старые шубу, шапку и сапоги Оля подарила Дарье.

– Спасибо, княгиня, за милость ко мне.

– Носи на здоровье и радуйся.

Пока Алексей Васильевич с Олей ходили в купеческий лабаз, Порфирий зря время не терял: вместе с новым другом Пантелеем истопил хозяйскую баню. «Надо же после долгой дороги потешить тело и душу» – думал он, наводя в предбаннике порядок. Сам он с женой помылся в другой, «людской» бане, перед обедом. Об этом позаботился Пантелей. За обедом казак рассказал о себе. Звали его Пантелеем Прокопьевичем Дорошенко, родом из Кубани. Ещё мальчонком с родителями приехал на север и вот уже более тридцати лет служит у купца Старостина.

– У нашего хозяина много факторий, разбросанных на берегах Студёного моря, где он скупает пушнину, тюлений жир, рыбу и оленину у местных жителей – ненцев, якутов, юкагиров и прочих северных народностей. Частенько и мне приходилось ходить с ним на ладьях и кочах по факториям, а иногда и самим добывать в Студёном море белух и нерп. Однажды даже пришлось зимовать на суровой Новой Земле...

Банный день для хозяев дома и гостей прошел в лучших московских и сибирских традициях. Жаль только, что не было дубовых чанов с прохладной водой. Первыми опробовали на себе пар с березовым веничком хозяйка дома и Оля. Они парились и мылись в бане около часа, после чего Оля поднялась к себе на второй этаж, чтобы отдохнуть.

После уборки банных помещений настал черед мужчин. Порфирий пришел в баню, как всегда, в красивой голубой атласной рубахе-косоворотке, в белых льняных штанах и легких тапочках на босу ногу. Мастерство парить и делать массаж купцу очень понравилось.

Вечером хозяйка дома, Марья Игнатьевна, устроила гостям званый ужин, на который были приглашены друзья её мужа, тоже купцы первой гильдии, с женами. С некоторыми из них Алексей Васильевич был знаком по службе и встречался раньше в Пустозёрске и Мангазее.

Стол ломился от крепких вин и замечательной закуски. Оле очень понравилась заливная белорыбица и квас с ягодами морошки. Необычным блюдом для нее оказались огромные куски оленины из важенков, заправленных жареным луком и рассыпчатой гречневой кашей.

За ужином речь шла в основном о состоянии торговли как наших, так и заморских купцов, о ценовой политике на товары, о настроениях коренных жителей, главным образом ненцев или самоедов, как они сами себя называли.

Хозяин стола, Афанасий Старостин, сказал:

– Недавно я был у своего хорошего знакомого ненца по имени Ханец. Так вот, его род почти весь ушел дальше на север, к Югорскому шару. Говорит, что ягеля в тундре стало мало и стада оленей трудно зимой прокормить. Начался их падеж.

– Я тоже слышал о стремлении оленеводов уходить с насиженных мест в поисках лучшей жизни, – подтвердил слова своего друга купец Савва Рогожин.

– А что слышно о походах якутского казака Михайлы Страдухина? – спросил у присутствующих купцов Алексей Васильевич.

На этот вопрос ответил сам Афанасий Петрович.

– Михайла Страдухин со товарищами на своем утлом коче по Студёному морю краем земли сибирской прошел от Колымы-реки до устья знаменитой реки Анадырь. Там он обосновался, собирая с чукчей и ламутов ясак в пользу государя нашего Алексея Михайловича.

– Молодец казак, – похвалил Страдухина воевода Хватов. – Московская казна почти пуста, а для войны с поляками, которой не миновать, нужны большие капиталы. Вооружение и амуниция нынче стоят дорого. Мне царь приказал усилить стрелецкие заставы на пути мангазейского тракта и собирать налоги с иностранных купцов, которые чувствуют себя в Мангазее слишком вольготно...

– Давно пора этим англичанам и шведам наступить на хвост, – поддержал воеводу один из сидящих за столом купцов. – Обнаглели совсем. Нам не дают торговать, спаивая самоедов дешевой некачественной водкой. Гребут товары за бесценок, набивая доверху трюмы своих кораблей. Да и пошлины не платят, обходя заставы...

Обсуждали и вопросы, связанные с предстоящей церковной реформой, которую задумал молодой царь Алексей Михайлович под влиянием новгородского митрополита Никона.

– Есть в нашем Поморском крае сторонники реформы, которые ведут непримиримую борьбу со староверами, – сказал сидевший напротив Оли священник в монастырской рясе. – Наиболее активным из них является проповедник Троице-Сергиевой лавры Фёдор. Со своими проповедями в поддержку царя Алексея Михайловича он объехал все наши монастыри и церковные приходы.

– Это мой родной дедушка, – с гордостью сказала Оля, обращаясь к батюшке в рясе. – Уже третий год на Севере...

– Золотой человек Ваш дедушка, – заявил батюшка Василий. – Не раз приходилось мне слушать его проповеди. Без таких, как он, церковная реформа невозможна! Одно дело объявить народу решение Синода и указ государя, другое – убедить церковнослужителей и простых прихожан в необходимости и пользе нововведений...

– А Вы не знаете, где сейчас мой дедушка Фёдор? – с надеждой спросила Оля.

– Как не знать, знаю! – улыбаясь, ответил батюшка Василий. – По его просьбе ещё летом с оказией отправили мы отца Фёдора с монахами нашего свечного заводика на Соловецкие острова. Там доживает свой век его друг детства владыка Михаил, бывший архимандрит Печерского монастыря Пустозёрска. Вот и решил Ваш дедушка Фёдор повидать своего друга.

– Спасибо, батюшка, за добрые вести, – крестясь, сказала Оля. – Завтра же с ямщиком пошлю эту хорошую новость бабушке Марине в Деулино.

2

Званный ужин закончился поздно вечером. На душе у Оли было спокойно. Придя в свою комнату, она обратилась к мужу с вопросом:

– Алёша, могу я поехать к дедушке Фёдору на Соловки? Ты не представляешь, как я по нему соскучилась и как хочу видеть!

– Почему же не представляю, я не чурбан бездушный и вполне тебя понимаю, – глядя на жену, спокойно сказал Алексей Васильевич. – Но придется подождать до весны. Зимой Белое море замерзает. Не всякий бывалый помор может добраться до Соловков, не говоря уже о лицах женского пола...

– А весной? – не унималась Оля.

– Весной постараемся добраться до Соловецких островов и встретиться с дедушкой Фёдором, – пообещал воевода.

Ложась спать, Оля подошла к мужу, и, целуя, прошептала:

– Я очень тебя люблю! А ты?

– Я тоже тебя люблю! В одной умной книжке я прочитал, что любовь всесильна и является ровесником человечества. Каждый человек хочет любить и быть любимым... Согласна?

– Конечно!

Она легла к нему в постель, обняла и крепко поцеловала.

– Алёша, – спросила Оля, – о чем ты больше всего мечтаешь?

– Любить тебя вечно! – укрывая жену пуховым одеялом, ответил Алексей Васильевич. – Ты же этого хочешь?

– А то нет! – с восторгом ответила жена и ласково прижалась к нему.

Дождь по-прежнему все барабанил и барабанил по железной крыше как музыкант, играющий приятную музыку любви. Медовый месяц молодоженов растянулся ещё на неопределенное время...

Утром Оля проснулась рано и, чтобы не разбудить мужа, тихо, на цыпочках, подошла к окну. То, что она увидела за окном, её поразило: все было покрыто белым снегом! С неба на землю падали крупные снежинки. «Сказка, да и только!» – подумала Оля.

– Надень халат, – услышала она голос мужа. – Простудишься...

– Ты не спишь?

– Как видишь!

– Алёша, а на дворе наступила зима. Кругом снег, снег, снег... Белым-бело! Красота, как в сказке!

– Смотреть на эту красоту из окна хорошо. Другое дело попасть в эту белую круговерть в море, да ещё в шторм. Мало не покажется!

– Ради тебя и твоей любви я готова на все. Ты же знаешь, что характером я пошла в дедушку Фёдора, а он у нас человек сильный. А доброта моя – от бабушки Марины.

– Знаю, знаю... Ты у меня молодец! – похвалил жену Алексей Васильевич. – Преодолевать трудности – твоя стихия!

Во время завтрака Алексей Васильевич заговорил о намерении переехать жить в гостиницу постоянного двора.

– И не думайте, – сходу отмела эту попытку Марья Игнатьевна.

Ее поддержал муж Афанасий Петрович.

– Разве вам у нас плохо живется? – озабоченно спросил он.

– Нет хорошо, очень хорошо! – ответила за мужа Оля. – Но для вас ведь это лишние хлопоты...

– Разве это хлопоты, – воскликнула Марья Игнатьевна. – Мы рады, что вы у нас остановились. Дом большой, тёплый. А в гостинице зимой, говорят, такая холодрыга! Поговаривают, что там ещё и самый настоящий клоповник.

– Да, – согласился Алексей Васильевич, – холод и клопы – это не подарок для молодоженов.

– Живите у нас до отъезда в Мангазею, – снова предложил свои услуги купец. – Наши дети – сын и дочь – живут отдельно. Дочь вышла замуж за священника и стала попадшей, а сын пошел по отцовской линии. Стал промышленником и строит суда для морского промысла белух и тюленей. Без них нам стало скучно. Одна надежда на внучат, но когда они будут, один Бог знает.

Последним доводом в свою пользу для Афанасия Петровича стало отсутствие на постоялом дворе хороших конюшен.

– Пропадут ваши красавцы гнемые там ни за что, ни про что!

Воевода, в конце концов, согласился, и Хватовы приняли предложение Старостинных прожить у них до весны. Оля даже осталась довольна этим решением мужа, поскольку гостеприимство хозяев ей понравилось с первого дня пребывания в этом доме. С этого момента жизнь Хватовых на севере стала спокойной и размеренной.

Алексей Васильевич целыми днями пропадал в городе по служебным делам, решая вопросы укрепления таможенных постов на побережье Студёного моря, а также подготовки морской экспедиции на Новую Землю.

Оля много читала, а также музицировала. С детства она хорошо играла на клавесине и пела, неплохо знала немецкий язык. Этому в юности её учила княгиня Вяземская.

Дарья полностью взвалила на свои плечи обязанности стряпухи, причем готовила еду в господском доме для всех. Марья Игнатьевна была в восторге от её кулинарных способностей. Нравилась её стряпня и Афанасию Петровичу, особенно щи русские и блины с припеком. Кроме того, Дарья убиралась в комнатах всего большого дома и стирала белье. В общем, бедной крепостной девке работы хватало...

Порфирий занимался лошадьми и топил бани. По воскресным дням он парил своего барина воеводу Хватова и хозяина дома купца Старостина. А когда в банный день к купцу приходили гости, Порфирий демонстрировал им свое искусство парить и делать массаж. Многие приходили к купцу в гости именно в банный день.

Евдокия часто помогала Дарье стирать и гладить белье, а по вечерам при свете свечи до поздней ночи вязала тёплые шерстяные вещи: кофты, носки, варежки. А потом дарила их домочадцам, подругам и просто знакомым. Особенно хороши у нее получались детские вещи...

Узнав от Дарьи о решении воеводы пожить у купца до весны, Евдокия обрадовалась. Неожиданно в её личной жизни произошло событие, которое перевернуло всю её душу. «Стало все как-то не так! – думала она и постоянно мучилась. По ночам вспоминала слова своей матери: «Когда в нашу жизнь вмешивается любовь, все становится непредсказуемым». Часто стало непонятно, за что ругать мужа:

– Ну и лентяй же ты, Порфирий, – увидев как-то вошедшего в комнату мужа, крикнула Евдокия. – За весь день пальцем о палец не ударил.

– Ну и что? – гордо заявил банщик, сел на скамью и небрежно откинулся назад, прислонившись к тёплой печке.

– Да хоть бы дров принес! – буркнула Евдокия.

– Принесу, ещё не вечер! – огрызнулся Порфирий – О своем новом дружке заботишься?

– Ты это о ком?

– Да ходит тут один в папахе, высматривает все, чтобы сподручней лакомый кусок оттяпать...

И действительно, казак Пантелей у Евдокии стал частым гостем. Однажды, после двух выпитых чарок, между банщиком и казаком произошел такой разговор:

– Не нравятся мне твои частые посещения в мое отсутствие и излишнее твое любопытство, – посмотрев прямо в глаза своему новому другу, сказал Порфирий.

– А что тут плохого? Я ведь не подсматриваю и не подслушиваю, чтобы наябедничать о вас барину.

– Все равно, нехорошо брат!

– Ну, это ты зря! Умные люди считают, что любопытство – один из способов познания... А нам, казакам, знать надо ох как много! Недаром говорят: «Любопытству нет предела!» Так что греха я за собой не вижу. Наоборот, стремлюсь к этому.

– Ну, ну! Только любопытствуй поосторожней, а то и по носу можешь получить.

Дни летели, а напряжение в семье Порфирия только нарастало. Бывая у Дарьи, Евдокия жаловалась ей:

– Хочу ребеночка, а мой-то никчемный как мужик. Хотя мне его и жалко. Тихий, работающий... Уж сколько лет живем вместе, привыкла.

– Вот он результат твоей жалости, – заметила Дарья. – Так и будешь мучиться, живя меж двух огней. А кончиться это может плохо. Недаром в библии сказано: «...посеешь ветер – пожнешь бурю!»

Не выдержав мучений и угрызения совести, Евдокия как-то вечером заявила мужу:

– Какой же ты нерешительный, Порфирий! Постоянно что-то мямлишь, переживаешь, медлишь... В этом нашем деле надо давно поставить точку.

Порфирий всю ночь не спал, ворочался и кашлял. Утром он сел за стол и строго посмотрел на жену. После тягостного молчания она призналась мужу:

– Он меня спросил: «Любишь ли ты суженого?»

– Ну и что же ты ему ответила?

Евдокия опустила на колени, посмотрела на мужа, и слезы в два ручья потекли по её щекам.

– Прости, Порфирий. Виновата я... Грешна перед тобой!

– Убить тебя мало! – сжав кулаки, крикнул Порфирий. – Ступай к нему и живи, как знаешь...

Он резко встал, развернулся и шагнул в сени, громко хлопнув дверью. Евдокия вздрогнула, подняла голову и сквозь слезы, как в тумане, увидела дубовую дверь, которая от удара медленно со скрипом слегка приоткрылась. В образовавшуюся щель ворвался луч света. «Что теперь будет?» – вихрем крутилась в её голове одна и та же мысль, а сердце сжималось то ли от страха, то ли от радости... «Это судьба! – думала она. – А против судьбы идти бесполезно».

Домой Порфирий вернулся поздно ночью и, выпив стакан водки, молча, лег спать. Евдокия долго сидела и плакала, пока муж не захрапел. Накрыв его одеялом, она легла рядом и моментально заснула. Их жизнь, как старая полноводная река, снова вернулась в прежнее русло. Казак Пантелей, если и появлялся у них, то только по праздникам. Узнав о проделках мужа, его жена Марийка, как грозный атаман, взяла нагайку и сказала, словно рубанула саблём с плеча:

– Не смей ходить по чужим хатам и просить, чтоб тебе налили вина. Твоя хата здесь, где жена и дети!

С тех пор Пантелей заглядывал к Порфирию крайне редко и то крадучись, как его соседский кот Васька. В такие случайные вечера, заглянув на огонек, он здоровался, снимал папаху, садился за стол и ждал, когда Порфирий нальет два стакана водки. Евдокия в это время словно нехотя накрывала стол белой скатертью, ставила на него хлеб, в мисках соленые огурцы, квашеную капусту, большие куски вяленого и жареного мяса.

Порфирий, по обыкновению, молча выпивал свой стакан водки и, не закусывая, уходил к своим лошадям на сеновал. Одевшись в овчинный тулуп, он поглубже зарывался в пахнущее клевером сено и моментально засыпал. Возвращался домой под утро, дрожа всем телом от холода. Евдокия смущенно смотрела на мужа, наливая ему в стакан водки, кормила вкусными котлетами из оленины, укладывая спать, укутывая как ребенка в пуховое одеяло. Порфирий, согревшись, снова засыпал богатырским сном.

3

Алексей Васильевич не любил безделье и сразу же включился в работу по выполнению заданий, которые были даны ему московскими приказами перед убытием на север: беседовал с купцами и промышленниками Архангельска о создании кораблей для промысла рыбы и морского зверя в водах Студёного моря, о претворении в жизнь царского указа, запрещающего иностранным купцам торговать в Мангозее, а при торговле в других местах – взимать с них пошлину в пользу государевой казны. Не забывал Алексей Васильевич и о решении проблем, связанных со снаряжением морской экспедиции на Новую Землю. Его мечта начала постепенно сбываться...

Много работы было и у Порфирия, поэтому возникшие семейные неурядицы как-то сами собой отошли в сторону. С приходом зимы карету пришлось заменить на легкие санки. Для того чтобы возить воеводу «с ветерком», кучер ежедневно менял лошадей. Он уже хорошо знал город... Часто с хозяином бывал на Соломбальской пристани, где подружился с кормщиком Антоном Слетковым.

На пристани жили рыбаки и грузчики – люди простые. Жили бедно, часто впроголодь, особенно в зимнюю пору. Но дружно – нужда спланивала! К богатству относились философски, считая, что богатство – порок, который порождает зависть, а зависть – зло, ненависть, предательство и подлость...

– Людей подлецами делает сама жизнь, – деловито рассуждал Антон Слетков, раскуривая свою морскую трубку, с которой почти не расставался ни на суше, ни в море. – Подлецы могут оказаться и среди друзей, среди родных и даже среди влюбленных.

– Это ты попал в самую точку, – с усмешкой подтвердил Порфирий последние слова кормщика, вспомнив черную полосу в своей жизни месячной давности.

– Подлецы, – с уверенностью в своей правоте продолжал философствовать Антон, могут выстрелить из ружья в спину, ударить кухонным ножом прямо в сердце. Подлые люди – самые страшные люди на земле...

– Ну, это ты, Антон, уже лишку хватил, – возразил Порфирий. – Кто тогда есть тираны, разбойники, воры и душегубы?

Антон хотел сказать, что все они «одним миром мазаны», но промолчал. Он встал и протянул Порфирию руку.

– Бывай, друг! Мне ещё до вечера надо проверить на ладье паруса. Весной хозяин Афанасий Петрович на Соловки собирается сходить. Не дай Бог, паруса порваны. Море халатности не прощает... Кормщик на судне за всем должен иметь бдительный присмотр.

– Ты не один такой! – поддержал его мысль Порфирий. В нашем кучерском деле тоже надо смотреть в оба! Не дай Бог сломается колесо кареты или лопнет полоз санок в дороге – наказания не миновать. Не знаю, как твой купец, а наш воевода держит прислугу в строгости. В таких случаях одна надежда на его жену Ольгу Васильевну. Добрая душа... Оттого, наверное, и счастлива в жизни.

Алексей Васильевич работал много и целеустремленно. На днях посетил царского наместника Архангельска и долго беседовал с ним по всем вопросам, которые волновали его,

как воеводу Мангазеи. Затронул и вопросы, связанные с указом царя Алексея Михайловича о снаряжении государевой морской экспедиции на Новую Землю за серебром.

Наместник – типичный московский князь солидного возраста с красивым лицом и царственной осанкой. Легкая седина придавала ему некую пикантность. Он с интересом и вежливо, не перебивая, выслушал гостя. В конце беседы тактично намекнул, что готов оказать содействие в постройке морских судов (поморских ладей и кочей), выделив для этих целей определенную сумму денег из городской казны.

– Как не помочь молодому государю в его начинаниях, – сказал в заключении князь. – Да и нашему поморскому краю в том польза будет немалая. Богатства севера надо осваивать нам самим, не дожидаясь, когда их начнут прибирать к рукам иностранцы... При случае так и передайте царю!

Воевода поклонился, пожал протянутую руку и, довольный приемом, быстро удалился из кабинета градоначальника. «Теперь у меня есть основание и возможность на строительство не менее двух ладей и трех кочей, которые составят основу морской экспедиции, – думал он по дороге домой. – Завтра же поговорю с Афанасием Петровичем о постройке судов». Настроение воеводы было хорошее, а когда он приехал домой, оно значительно улучшилось. Жена сообщила ему радостную новость:

– Алёша, поздравляю тебя, – улыбаясь, сказала она и поцеловала. – Скоро ты будешь отцом, я беременна!

– Вот это новость, так новость! – обнимая и целуя жену, воскликнул Алексей Васильевич. – Слава богу!

На следующий день утром он привез лучшего в городе доктора с немецкой фамилией Браун, который побеседовал с Олей и провел необходимое в таких случаях обследование.

– Беременность проходит нормально, – заверил он молодоженов. – В случае необходимости – присылайте за мной. Буду рад помочь.

Получив гонорар, он любезно откланялся и стал спускаться по винтовой лестнице вниз. Воевода тотчас же распорядился отвезти доктора в его больницу. Сам Алексей Васильевич остался дома, чтобы ещё раз порадоваться этому событию в их семейной жизни.

Утром следующего дня к Дарье пришла Евдокия. Во время стирки белья Дарья по секрету шепнула своей подруге:

– Наша боярыня на сносях!

– Да ты что? – обрадовалась Евдокия. – Вот и славненько! Бог знает, что делает...

– Доктор приезжал, – снова шепотом заговорила Дарья. – Полный такой, солидный, с закрученными в кольца усами и кожаным баулом. Разговаривал не по-нашему...

– Как я рада за нашу боярыню, – с восторгом сказала Евдокия. – Мне тоже ребеночка хочется, ой как хочется...

Она вытерла полотенцем руки, подняла их вверх и вытянулась в струнку, отчего её полные груди с силой уперлись в белую кофточку.

– Если постараться, и у тебя все получится, – глядя на возбужденное лицо подруги, сказала Дарья.

– Стараюсь и каждый день молю Бога!

Дарья обняла Евдокию.

– Вместе молиться будем. Верю, что Господь услышит наши молитвы.

Евдокия ушла от Дарьи радостной и уверенной, словно у нее выросли крылья.

Вечером, придя в свою коморку, Дарья вспомнила обещание, данное подруге. Она зажгла лампаду, постелила на пол домотканый коврик, опустилась на колени перед иконой Иисуса Христа и с жаром стала отбивать поклоны. Одновременно с поклонами она шептала губами молитву о счастье брака, которую знала наизусть с детства: «Рождество твое, Богородица Дева,

развести всей вселенной: из тебе бо возсия Солнце правды Христос Бог наш, и разрушив клятву, даде богословие, и упразднил смерть, даровал нам живот вечный».

Когда Дарья почувствовала в теле упругость, а в душе умиротворение, то встала, благоговейно посмотрела на икону и, сотворив крестное знамение, произнесла:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!

Потом долго смотрела на горящую лампаду, освещающую спокойный лик Всевидающего Бога, и когда её мысли оставили все земное, тихо произнесла слова молитвы: «Боже, милости буди к нам грешным, Евдокии и мне – рабе Божьей Дарье».

После этого она отвесила Богу поясной поклон, погасила лампаду и со спокойной совестью легла спать. Во всем доме наступила тишина. Только во дворе все ещё дружно лаяли собаки.

4

Утром за завтраком Алексей Васильевич решил узнать у Афанасия Петровича о возможностях судовой верфи сына. Он понимал, что без строительства новых морских судов для снаряжения морской экспедиции не обойтись.

– Может ли Ваш сын взяться за строительство судов для плавания по Студёному морю до Новой Земли? – спросил он купца.

– Возможности у него большие, – ответил Афанасий Петрович. – Есть опыт строительства поморских ладей и кочей, на которых наши люди ходят на Соловки, остров Колгуев, Новую Землю и даже на Грумант. Проблемы на верфи возникают обычно из-за нехватки строительных материалов, особенно зимой. Поэтому Ваши вопросы надо решать непосредственно с ним.

– Не доверяет родителю? – улыбнулся воевода.

– Да как Вам сказать, – продолжал купец. – Молодежь нынче пошла другая, самостоятельность любит, а при решении вопросов – практична! Как дело касается денег, так сразу берут в руки счета... Для них мы – старое поколение, все делаем не так!

– Ну, тогда мы едем к нему, – решительно заявил воевода. – Вы со мной?

– Пожалуй, лучше будет, если Вы решите все вопросы с ним вдвоем, без меня. Я готов Вам помочь в других делах. Например, подготовить оснастку для судов, подыскать хороших кормщиков и с их помощью сформировать судовые команды, заранее заготовить ружья, патроны, порох, одежду, обувь, провиант и прочее. Все это можно сложить до времени у меня в лабазе.

– Тогда по рукам! – сказал Алексей Васильевич. – Ближе к весне обсудим это дело.

Он быстро встал из-за стола и решительно направился к выходу. Порфирий, как всегда, «с ветерком» доставил хозяина к судовой верфи, раскинувшейся на большой площади вдоль песчаных дюн Двинского залива. Несмотря на крещенские морозы, на верфи под навесом кипела работа.

Данила был одет в меховую куртку. На голове молодежато набекрень одета песцовая шапка. На ногах – сапоги из оленьей кожи. Он уверенно по-хозяйски расхаживал возле деревянного остова, напоминающего скелет огромного кита, и давал какие-то указания мастеру. Тот, с карандашом в руках, молча, делал пометки в своем блокноте.

Алексей Васильевич был знаком с Данилой и несколько раз встречался с ним в доме его родителей в банные дни.

– Решил взглянуть на строительство судов, – протягивая руку Даниле, сказал воевода. – А заодно и побеседовать об одном срочном деле.

– Тогда прошу в мою контору, – с достоинством бывшего промышленника предложил свои услуги хозяин судовой верфи. – Там и потолкуем о деле.

Они зашли в контору, где сидел лысоватый средних лет мужчина в атласной черной жилетке и уверенно щелкал на счетах.

– Мой главный приказчик и казначей господин Филиппов, – представил Данила воеводе своего помощника.

Филиппов встал и, молча, поклонился.

– Ты, Фома, пожалуй, выйди во двор, – приказал Филиппову Данила. Нам с воеводой о делах поговорить надо. Да передай Егорке, чтобы он принес квасу и балыка из белорыбицы.

– Я мигом, Данила Афанасьевич! – с поклоном произнес Фома и быстро, словно юноша, скрылся за дверью.

– Сколько судов нужно? – внимательно вглядываясь в Алексея Васильевича, сразу без обиняков, словно хватая быка за рога, спросил Данила-мастер.

Промышленник наверняка слышал об указе государя снарядить морскую экспедицию на Новую Землю за серебром и что это дело поручено воеводе Мангазеи боярину Алексею Васильевичу Хватову.

– По моим предварительным расчетам, для экспедиции потребуется две ладьи и три коча. Опытные люди подсказали мне, что в составе морской экспедиции должно быть около ста человек. Отсюда вытекает и такая потребность в судах, – ответил воевода.

– В какие сроки все это надо сделать?

– Выход экспедиции из Архангельска намечено на июнь-июль 1652 года.

– За два года с учетом проведения ходовых испытаний судов в море такой заказ выполнить, пожалуй, будет трудно, – покачивая головой, произнес промышленник. Возможно, Вам придется покупать уже готовые суда. Я знаю, что в Поморье есть хорошие, крепкие кочи, которые с успехом бороздят Студёное море. Можно на всякий случай лишь поменять паруса.

В дверь постучали, и на пороге появился Егорка с подносом в руках.

– Спасибо, зук, – сказал Данила. – Иди!

Егорка поклонился и вышел.

Разрывая руками балык, хозяин продолжил начатый разговор о состоянии дел на судовой верфи:

– Сегодня у меня в работе, как Вы, наверное, заметили, на стапелях только два судна – ладья и коч. Это связано с нехваткой строительного материала.

– Когда я ехал сюда по северному тракту, – вспомнил Алексей Васильевич, – в Кондопоге возле озера Онего сам видел стройные сосны, как свечи, уходящие в небо. Настоящий корабельный лес! И совсем рядом...

– Спасибо за информацию Алексей Васильевич. Весной с Вашей и Божьей помощью займемся этим вопросом.

– А когда эти два судна будут готовы? – спросил воевода.

– Думаю, до весны управимся, – ответил Данила. – В начале лета проверим их морские качества под парусами.

О цене, которая устроила обе стороны, договорились быстро и ударили по рукам.

– Смету на строительство ладьи и коча, а также все необходимые бумаги я пришлю Вам с моим приказчиком через недельку. К вопросу о строительстве остальных судов вернемся весной, когда будет известен объем доставки на мою верфь строительных материалов из Сибири.

Тепло попрощавшись, Алексей Васильевич поехал домой обедать.

– Начало положено! – поделился он своей радостью с Олей. – К весне будут готовы одна ладья и один коч. А там будет видно. Если не удастся построить новые суда, то купим уже готовые, проверенные морем и штормовыми ветрами.

После обеда Оля предложила мужу отдохнуть, и они вместе поднялись на второй этаж.

– Как быстро летит время, – сказала Оля, взбивая подушки. – Вроде бы недавно мы поженились, а сколько событий произошло за это время! Скоро у нас будет ребенок, о котором мы мечтали...

– Да, время летит неумолимо, – согласился с Олей Алексей Васильевич, – и остановить его никто не в силах, даже сам Господь Бог! Летят годы, сменяются поколения, рождаются гении и умирают тираны. В истории часто все повторяется, но только уже на других, более высоких уровнях развития человечества.

– Какой ты у меня умный!

Оля нежно погладила мужа по голове и поцеловала.

– Умные книжки в детстве и юности читал, – улыбаясь, заметил Алексей Васильевич. – Потому и умным стал.

Он закрыл глаза и быстро уснул. Оля долго ещё любовалась мужем, а потом незаметно сама погрузилась в сказочный сон.

В конце января 1650 года крещенские морозы сменились февральскими метелями – тёплые южные ветры задули с суши.

На большой церковный праздник, называемый в народе Сретение Господне, Алексея Васильевича неожиданно пригласили к городскому посаднику.

– Поздравляю Вас с царской милостью, – сказал князь и протянул воеводе гербовую бумагу. – Читайте!

Это было письменное распоряжение из Москвы о снаряжении первой государевой морской экспедиции на Новую Землю за серебром. В нем были кратко изложены задачи экспедиции и даны некоторые указания. Экспедиция снаряжалась для «сыска золотые и серебряные и медные руды и узорочные камни и жемчугу и рассмотрения всяких надобных и угодных мест». При этом предписано иметь «рудознатного дела мастера с рудознатыми снастями». Воеводе Хватову указано о необходимости использовать силы и средства воеводы Пустозёрска Романа Неплюева и его опыта плавания к Новой Земле. Письмо с собственноручной подписью царя Алексея Михайловича и деньги, выделенные на это мероприятие из Московского казначейства, были доставлены в Архангельск специальной службой Беломорского почтового тракта.

Для Алексея Васильевича эта новость стала праздником души. Вечером он поделился своей радостью с Олей.

– Спасибо Артамону, не забыл друга, – целуя жену, произнес Алексей Васильевич. – Теперь у меня развязаны руки, и открыты все двери для осуществления моей мечты!

Став воеводой Мангазеи, Алексей Васильевич понял, какие богатства таят в себе земли Поморского края и воды Студёного моря. Он хорошо изучил добрый и смелый нрав поморов, стрельцов и казаков, живущих в Мангазее. Эти промысловые люди группами по 5–6 человек добирались пешим ходом, а иногда и по рекам на лодках-плоскодонках до самого Ямала и там промыслили чернобурых лисиц, голубых песцов, диких оленей, нерп и белых медведей. Алексей Васильевич оберегал этих людей и при случае доносил в Москву: «Государевой казне прибыль от этих людей немалая». Воевода знал об этом не понаслышке – сам часто был с ними на промыслах и все видел своими глазами. Особенно любил он охоту на белых медведей. Шкуры зверей, добытых самим, с оказией отправлял в Москву-матушку в качестве подарков знатным боярам и думным дьякам, за что был ими любим и обласкан. «Все это окупиться когда-нибудь, – считал воевода. – Так было, так есть и так будет!» И оказался прав: что бы он делал, не имея знакомства и поддержки в государевых приказах и особенно хорошего друга Артамона Савельевича, царского казначея.

Оля часто по вечерам беседовала с мужем, обсуждая не только житейские, но и философские вопросы. Воспитанная в лучших традициях княжеской жизни, она не могла так сразу,

в одночасье, переключиться на восприятие условий, заложенных веками в купеческой среде. Выручали книги, музыка и рукоделье – Оля вышивала крестиком.

Несмотря на усталость, после ежедневных разъездов по своим делам, Алексей Васильевич терпеливо выслушивал жену и даже проявлял активность в дискуссиях на различные темы. На этот раз речь зашла об основных принципах, о которых нельзя забывать в повседневной жизни.

– Я не раз перечитывала «Ветхий завет», – негромко и спокойно начала беседу Оля, – и твердо усвоила основные каноны, которых необходимо придерживаться всем нам в мирской жизни.

– Ты имеешь в виду заповеди Христа и смертные грехи? – с интересом спросил Алексей.

– Да, именно об этом я и хотела сказать.

Оля подвинула свой стул ближе к кровати, на которой лежал её муж.

– В первую очередь я стараюсь жить так, чтобы своими поступками не гневить Бога, постоянно помнить о смертных грехах.

– Я тоже о них помню, – сказал Алексей, – и стараюсь в жизни обходить их стороной.

Он уверенно перечислил семь смертных грехов, при этом загибая поочередно пальцы на руках: гордыня, зависть, гнев, чревоугодие, похоть, уныние, алчность.

– Молодец, Алёша! – похвалила Оля мужа. – Однако отличные знания не освобождают нарушителя этих знаний от ответственности.

– Что ты имеешь в виду?

Алексей непонимающе взглянул на жену.

– Я насчет гордыни, – ответила Оля. – Не связана ли твоя активность с поиском серебра на Новой Земле с желанием прославиться? Возможно, я ошибаюсь, тогда прости...

От неожиданности услышанного от жены Алексей словно оторопел, его горло пересохло... Переборов сильное возбуждение, он приподнялся с постели и спокойно сказал:

– Ты не права, Оля. Видно начиталась книг о людях, которые вошли в историю, и решила примерить их поступки и дела к моим. В историю можно войти, совершив, как хорошие поступки и дела, так и плохие.

– Например?

– Ну, хотя бы открыть в море или в океане остров, построить себе гробницу, как фараон Тутанхамон, завоевать полмира, как Александр Македонский...

– Или иметь восемь жен и двух из них умертвить с особой жестокостью, как это сделал царь Иван Грозный, – в сердцах добавила Оля.

– Я против тиранов, – отметил Алексей. – Я за тех, кто вошел в историю, сделав для своего народа или всего человечества что-нибудь полезное, интересное, грандиозное! Но история не должна замалчивать факты, связанные с нехорошими делами и поступками так называемых «исторических личностей».

– В этом я с тобой солидарна, – твердо заявила Оля. – Для меня очевидным является то, что у каждого народа были, есть и будут свои национальные герои. Но и они могут одновременно оказаться и хорошими и плохими. Это, как две стороны одной медали.

– В этом я тоже с тобой согласен, – сказал Алексей Васильевич. – Взять хотя бы того же Ивана Грозного. С одной стороны, для россиян он был царь – герой, а для татар – злейший враг, отвоевавший у них Казань.

– Наверное, я зря затеяла этот разговор и, не имея на то плохого умысла, обидела тебя. Ещё раз прости! – сказала Оля.

Воевода дружелюбно посмотрел на жену.

– Прощаю... Согласись, сотни и даже тысячи землепроходцев в наши дни бороздят морские просторы, совершают труднейшие походы по неизведанным землям ради пользы для своего народа. Не думаю, что казачий атаман Ермак Тимофеевич гонялся за славой, когда в

1585 году ценой своей жизни положил начало освоения Сибири русским государством! А что касается меня, то я просто хочу добиться исполнения моей мечты: покорить Студёное море, добраться до Новой Земли, найти там серебряную руду, организовать её добычу и доставку в Архангельск, где мой друг царский казначей Артамон Савельевич будет чеканить серебряные монеты для народа и российского государства.

– Молодец! – ещё раз похвалила Оля своего мужа. – Теперь все мои сомнения развеяны, и я буду не только сильно любить тебя, но и всегда поддерживать в твоих начинаниях и делах.

Она трижды перекрестила мужа и быстро, словно ласковая хозяйская кошка Мурка, юркнула к нему под одеяло.

5

После морозной и затяжной зимы в начале апреля на всем Поморье, включая Кемь, Мезень, Онегу, Двинскую землю и весь Печорский край, резко потеплело. Солнце полностью растопило снег. Пришла настоящая весна... Кроны деревьев покрылись зеленью, луга – травой, а тундра – серебристым ягелем и ковром из бледно-жёлтых полярных маков и голубых незабудок. В проталинах почерневших полей уверенной походкой зашагали прилетевшие с юга грачи, озёра и пруды облюбовала водоплавающая дичь – утки, гуси и лебеди. На ветках ивовых кустов и молодых берёз, весело чирикавая, резвились стайки воробьев. В небе появился первый журавлиный клин – птицы возвращались с юга в свои родные места. Из своих зимних берлог повылезали бурые медведи, а на лесные опушки все чаще стали выбегать лоси, рыси и волки. Для зверей и птиц началась новая, более радостная и раздольная жизнь...

Оля посмотрела на небо и увидела падающую звезду. «К счастью, – подумала она и улыбнулась. – Скоро у нас родиться малыш». Каждый раз при этой мысли она прикладывала руку к животу и ждала ответа – удара ногой. Так они переговаривались с ребенком уже не первый день.

Алексей Васильевич все чаще стал бывать дома днем вместе с Олей, понимая, как ей сейчас нужна его поддержка. Увидев большой живот жены, он, неожиданно для себя, удивился и подумал: «Как быстро летит время!»

– Скоро? – показывая глазами на живот жены, спросил он.

– Скоро, милый, потерпи ещё недельку-две.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. Не волнуйся, Алёша.

Алексей Васильевич лег на кушетку и, глядя в потолок, задумался. Воевода любил это время, когда Оля сидела рядом и вышивала, а он мог подумать о делах и помечтать о прошлом и будущем Севера...

Из поколения в поколение русские люди продвигались на северо-восток, шли навстречу солнцу в поисках новых земель, охотничьих угодий и промыслов. Воинственные дружины казаков, небольшие группы бездомных мужиков и ремесленников на свой страх и риск проникали за Урал-камень по большим и малым рекам, на ветхих лодках и плотках плыли на север, на стареньких кочах и ладьях преодолевали бурные проливы и огромные ледяные просторы Студёного моря. И там, где оседали эти мужественные люди – землепроходцы и мореходы, – закипала новая жизнь, возникали новые промыслы и новый хозяйственный уклад. Снаряжением таких экспедиций занимались обычно умные и дальновидные государственные деятели или богатые купцы и промышленники. «Удастся ли мне покорить Студёное море и найти на Новой Земле серебро?» – спрашивал сам себя воевода и сам себя успокаивал: «Не берись за гуж, если сам не дюж».

– Вчера вечером по твоей просьбе приезжал доктор Браун, – сказала Оля. – Ты был уставшим, рано лег спать, и я не стала тебя беспокоить.

– Что он сказал?

– Сказал, что у меня все нормально, но рекомендовал больше быть на свежем воздухе. Я гуляю во дворе, но там собаки, которых я боюсь.

– Будем гулять вместе или ездить в экипаже к морю, – пообещал Алексей Васильевич. – Хочешь, поедем сейчас?

– Хочу, – с радостью ответила Оля. – А то я живу, как птичка в клетке...

Когда садились в карету, светило яркое солнце, но через несколько минут брызнул мелкий дождь.

– Теперь, Оля, дожди будут нашими постоянными спутниками, – заметил Алексей Васильевич. – Весной дожди и шквалистые ветры являются любимцами Студёного моря...

Порфирий свернул на главную улицу Архангельска, ведущую к Двинскому заливу, и Оля с любопытством стала рассматривать город. Его грязные и узкие улицы с одноэтажными деревянными домами ей ещё тогда, в день приезда, не понравились. «Не город, а большое село», – думала Оля, прижимаясь к мужу. Он достал шаль и прикрыл её колени.

На улицах – ни души! Город будто вымер... Но стоило подъехать ближе к Двинскому морскому порту, как все изменилось: приказчики, бородатые купцы, ярыжники, мастеровые – все куда-то спешили. На красавице Северной Двине медленно покачивались иностранные шхуны, поморские ладьи и кочи.

Из Соломбалы в город по широкой протоке спешили лодки и карбасы с горожанами. «Вот, оказывается, где настоящая жизнь города!» – подумала Оля, вдыхая новые для нее запахи, характерные для приморских городов. Это были запахи пиловочного соснового леса и душистой смолы, дегтя, пеньки, парусины, рогожи, соленой рыбы.

Из-за туч выглянуло солнце, дождь прекратился. Со стороны моря подул легкий бриз, и Оля с наслаждением вдыхала душистый запах янтарной смолы и морских водорослей.

После конной прогулки Алексей с Олей сделали и полчасовую пешую прогулку вдоль песчаных дюн Белого моря. Прогулкой Оля была весьма довольна.

– Это уже другой город, и он мне теперь нравится, – уверенно шагая с мужем под руку, сказала Оля. – Я слышала, что его постройка здесь, у Белого моря, связана с именем Ивана Грозного.

– Да, ты права. Вот как это было: штормовой ветер, разыгравшийся в конце августа 1553 года в Белом море, загнал в устье Двины английский корабль. «Нет худа без добра» – подумал капитан корабля Ричард Ченслер и объявил себя послом Англии. Тогда холмогорцы рассудили мудро и заявили капитану: «Место посла в Кремле!». Бедному Ченслеру пришлось отправиться в Москву и предстать перед очами грозного царя. Иоанн Васильевич посчитал, что торговля с англичанами пойдет на пользу России, и приказал построить на севере морской порт. Так в 1584 году в тридцати верстах от Архангельского монастыря был заложен новый морской порт, а ещё через три года из Холмогор перевели сюда всю морскую торговлю. Новый город назвали Архангельском.

Пока воевода с женой гуляли по берегу и между песчаных дюн, наслаждаясь запахами моря, Порфирий решил на минуту заглянуть в харчевню, просто так, посмотреть... В харчевне на берегу Двины было много народа: приказчики, мореходы, ярыжки, толмачи, девки. Пили пиво и крепкую пенистую брагу. Закусывали ржаным хлебом, квашеной капустой, солеными огурцами, репой и рыбой. Рыбы было навалом: соленая, копченая, вяленая, вареная, жаренная – на любой вкус! «Живут же люди! – удивился Порфирий и быстро вышел из харчевни. – Упаси Бог с такими якшаться. Оставят без экипажа».

Сидя на облучке, конюх с интересом смотрел, как между пристанью и Соломбалой постоянно снуют барки, поморские ладьи и кочи, на которых купцы завозили на склады свои товары для меновой торговли с северными инородцами – ненцами, юкагирами, ламутами. На эти товары они покупали у них для дальнейшей продажи в Московии и за границей шкуры белых

медведей, олени рога, моржовую кость, ворвань, шкурки голубых песцов, меха белок, соболей и лисиц.

Порфирий смотрел на все это и удивлялся, как можно разобратся в такой толчее. Он привык жить в спокойном ритме, в окружении хозяина с хозяйкой, жены и лошадей.

Домой вернулись к ужину.

Прошла ещё неделя. Накануне родов хозяйка дома Марья Игнатьевна долго беседовала с Олей, делясь с ней опытом в таких важных для жизни ребенка и роженицы делах.

– Принимать роды пригласим бабку-повитуху Марьяну. её у нас весь город знает. Сколько детей она вывела в жизнь и не сосчитать, – убеждала Олю хозяйка дома. – А этот немец Браун, может, и хороший доктор, но уж слишком любит деньги. Мне не жалко денег, но в таких случаях нужна душа. А Марьяна все делает бескорыстно, от души. Помогает и богатым, и бедным. Да и руки её творят чудеса, словно святые иконы, намоленные в церкви. Единственная у нее слабость: после рождения ребенка она выпивает чарку красного вина. А если будет двойня – то две.

Посоветовшись с мужем, Оля согласилась с предложением Марьи Игнатьевны.

Роды прошли благополучно.

– А ты, родимая, кричи громче, не стесняйся. Сразу станет легче, – причитала бабка-повитуха, нежно обеими руками поглаживая округлый продолговатый живот роженицы. – Будет девочка, по животу вижу.

И не ошиблась...

В это время Алексей Васильевич пребывал в соседней комнате и не находил себе места: то сидел на стуле, закрыв лицо руками, то вставал и быстро ходил по комнате, то молился и просил Бога о помощи... Успокоился он только тогда, когда услышал плач ребенка.

Дочь называли Еленой. Основных на то причин было три:

во-первых, в честь её прабабушки княгини Елены Дмитриевны Дроновой;

во-вторых, она родилась красивой, словно сказочная Елена Прекрасная;

в-третьих, молодожены ещё раньше договорились: если родится дочь, то назовут её Еленой, а если сын, то Алексеем.

В первые дни рождения дочери Алексей Васильевич не спускал с рук свою кроху.

– Моя красавица! – покачивая её на руках, приговаривал он.

И действительно, Елена была хороша: из-под её красивого с вышивкой головного чепчика выглядывала прядь тёмно-коричневых волос, голубые большие глаза прикрывали длинные ресницы, тёмные брови были вразлет, как у парящей в небе птицы, розовые выпуклые губки сложены бантиком.

Оля тоже много занималась дочерью и была от нее без ума. По свету Марьи Игнатьевны, в помощь молодой маме воевода сразу же пригласил добрую женщину средних лет из прислуги купца.

Родилась Елена утром 14 апреля 1650 года. Через неделю, когда Оля совсем оправилась после родов, родители повезли дочь в храм Пресвятой Богородицы крестить. В качестве крестных выбрали молодого Старостина Данилу и подругу его жены Анну, дочь известного в Поморье купца Спиридона Маркова.

По случаю крестин дочери Алексей Васильевич пригласил в гости многих известных в городе купцов и промышленников, а также высших чинов из числа священнослужителей, включая архиепископа Серафима и митрополита Филиппа.

Стол, как всегда, ломился от вин и закусок. Приглашенные на крестины гости были поражены обилием и разнообразием блюд на столах. Во время праздничного обеда, по существующему старинному обычаю, им на серебряных подносах приносили горки мяса из оленины, блины с красной икрой, пироги с белорыбицей, грибами и морошкой. Этим воевода Хватов хотел подчеркнуть не только свое уважение к гостям, но и показать богатые возможности север-

ного края. Купцы, промышленники и священнослужители, привыкшие к обильному угощению, ели и пили с особым удовольствием.

Разговоры велись на различные темы, как светские, так и церковные.

Смысл рассуждений о поморах сводился к тому, что их кочи и лады в поисках пушнины, моржовой кости и тюленьего жира, мяса и шкур оленей и белых медведей, рыбы и птицы уходили все дальше и дальше на северо-восток. По всему Поморскому краю ходили упорные слухи о том, что летом 1648 года несколько кочей казака Семёна Дежнева вошли в пролив, отделяющий Азию и Северную Америку. Многие поморы из числа архангельских мореходов гибли от холода, голода и морской стихии, но жажда открытия новых земель и богатства для смелых людей оказывалась выше трудностей и даже опасностей для их жизни.

Всех, особенно священнослужителей, заинтересовал рассказ митрополита Филиппа о начале церковной реформы, о том, с чем столкнулись молодой царь Алексей Михайлович и его новый друг митрополит Никон при её проведении в жизнь. В этом деле большую помощь им оказал думный дьяк Арсений Суханов, строитель Богоявленского подворья в Кремле.

Арсений Суханов был сведущ в посольских делах, хорошо знал греческий язык, поэтому царь Алексей Михайлович и патриарх Иосиф послали его в Константинополь для осмотра святых мест, описания чинов греческой церкви и оценки необходимого объема исправления российских богослужебных книг по греческому образцу. Именно в этом видел митрополит Никон основу церковной реформы в России.

Однако не все верующие восприняли эти новшества. Один из ярых сторонников «ревнителей древнего богослужения» протопоп Аввакум, зачинатель старообрядства на Руси, крепко стоял за строгость и чистоту церковных обрядов, идеалом которых считалась отечественная древность. Он обвинял Никона в предательстве и не исполнял его нововведения, за что был сослан в монастырь «на смирение».

Никон понимал, что изменить канонические обряды, складывающиеся веками, только указами патриарха невозможно. Требовалась большая разъяснительная работа на местах, а также освещение этих изменений более высокими церковными и светскими авторитетами, вплоть до патриарха и царя. Это ему частично удалось сделать. Но и сторонники старой веры не сдавались: по-прежнему крестились двумя перстами, молились по старым церковным книгам. Многие из них бежали на север и укрывались там, в скитах, в недоступных дебрях олонечских лесов и архангельских ледяных пустошах.

Многие гости, насытившись, отдыхали, откинувшись на спинки дубовых стульев. Некоторые уже мечтали об отдыхе дома в мягкой пуховой постели. Заметив это, хозяин дома Афанасий Петрович решил, что пора выпить «на посошок». Слово взял новоиспеченный крестный отец Данила. Видимо, перебрав на радостях, он произнес длинную, но яркую речь о традициях купечества, предложив выпить за видных его представителей, а также священнослужителей, сидящих за этим столом. В конце своей речи он гордо произнес:

– В Архангельске вся торговля веками была в руках купцов и промышленников рода Старостиных. Наши прадеды и деды начинали свое дело по освоению Севера и Сибири ещё при царе Иване Грозном!

Гости, несмотря на скептические улыбки некоторых пожилых купцов, оценили красноречие молодого, но уже известного в Поморье судостроителя, и дружно похлопали в ладоши.

– Молодец, Данила! – поддержал сына старший Старостин. – Мы ещё послужим нашему царю-батюшке Алексею Михайловичу и покажем, на что способны! А по случаю крестин дарю воеводе Хватову сто рублей серебром на снаряжение морской экспедиции на Новую Землю.

С легкой руки купца Старостина деньги в виде пожертвования на доброе дело государственного значения внесли и другие сидящие за праздничным столом гости.

Снаряжение экспедиции было одной из главных забот воеводы Хватова. От решения многих проблем, связанных с этим, зависел не только успех дела, но и жизнь её участников. Поэтому воевода был благодарен купцу Старостину за его благородный почин.

Глава шестая

Охота на тюленей

1

Самый известный в Поморье кормщик Антон Слетков, как и его многочисленные товарищи, рыбаки и зверобои, жил на окраине Архангельска в одном из небольших поморских поселков. За последние несколько лет он не пропустил ни одной рыбной путины, ни одной весенней или осенней охоты на морского зверя. Его характер был твердый как полярный лед, крепкий как трескучий мороз и колющий как северный ветер. Своей жене Катерине Антон всегда говорил одно и тоже: «Пока есть сила в руках, зоркость в глазах и смекалка в голове – буду ходить за рыбой и зверем!» И уходил с товарищами в море. А когда возвращался с богатым уловом трески или с двумя-тремя жирными тюленями, посадские бабы с завистью смотрели на улыбающуюся краснощекую Катерину и вслед ей говорили:

«Была бы красавица писаная или умна – в голове ума палата... А то ведь баба как баба – пройдешь мимо и не заметишь. Правда, добротой Бог её не обидел – что правда, то правда! Может, за эту доброту Антон её и приметил...»

Двинской залив был забит ещё торосистым льдом со снегом, и поморский поселок жил своей тихой и размеренной жизнью. Однако в начале мая солнце уже не пряталось за горизонт. По утрам его малиновый диск появлялся во всей своей красе и, цепляясь за ледяные торосы, медленно, но верно поднимался все выше и выше к своему зениту. С каждым новым днем чувствовалось приближение настоящей весны: под тёплыми лучами солнца снег быстро таял, реки вскрывались и бурными потоками воды уносили куски льда и даже целые льдины в Белое море. Вот уже и само море стало освобождаться ото льда. Тёплый южный ветер и сильное подводное течение через проливы Горло и Воронко гнали битый лед из Белого моря. Там его подхватывало тёплое западное течение и уносило на просторы Студёного моря.

Весна брала свое: поморов тянуло в море и усидеть на берегу им становилось все труднее... Некоторые из молодых уже покачивались на своих лодках, насаживая на сотни крючков

мойву для наживы, и ловили треску, палтуса и зубатку. Замершие и усталые, они возвращались домой с богатым уловом. Но иногда их подстерегали и неудачи: льдины натыкались на снасти и рвали их словно нитки, унося с собой течением далеко в море. А потом нагрянули туманы – из кормы бота его нос не видно! Приходилось дрейфовать, пока туман не рассеется, и не покажутся знакомые очертания береговых скал. Тогда уж не зевай, налегай на весла, а при попутном ветре ставь прямой парус, прозванный поморами «христовой скатеркой».

Несмотря на трудности и неудачи, поморы, соскучившиеся за зиму по рыбалке и охоте, спускали на воду свои боты, елы, шняки и семьями выходили в море. У поморов все от моря: добыча, богатство, слава... Так повелось издревле!

Когда рыбалка набрала свой обычный ход, по поморским поселкам Двинского залива поползли слухи: на льдинах пролива Горло появились беломорские тюлени. Поморы обычно называют их тювяками или жировцами.

Тювяк – длинномордый тюлень с длинной шеей, малой курчавой головой, похожей на лошадиную. Окрас шерсти – от светло-серой до тёмной, почти черной. Самцы обычно имеют тёмную и однотонную окраску, а самки – более светлую и пятнистую. Наиболее ценным мехом считается мех светло-серого окраса детенышей этих нерп – бельков или хохлушат. Во время охоты на хохлушат охотники убивают их палками. Многим зверобоям такая охота не по душе. Одним из ярых противников истребления бельков был кормщик Антон Слетков. Однажды на дрейфующей льдине он увидел двух беспомощных и смешных хохлушат – детенышей молодой тюленихи, лежащей рядом, и не стал их убивать, пожалел... «Пусть подрастут, – глядя на бельков, думал он. – Со временем они превратятся в красивых серок, мех которых так славится у поморов».

Пасха – один из великих христианских праздников, связанных с воскрешением Иисуса Христа. На этот раз она пришлась на середину мая, когда повсюду из земли уже пробилась зелень. Прихожане благодарили Бога, пославшего на землю свою благодать – возможность катать крашенные пасхальные яйца не по снегу, а по зелёной траве.

Накануне праздника, в начале Страстной недели, Алексей Васильевич решил заглянуть на верфь и самому убедиться о готовности первого для снаряжения морской экспедиции судна. О постройке коча за ужином ему намекнул Афанасий Петрович.

– Как и договаривались! – с гордостью сказал Данила, пожимая руку воеводы.

– Да, недаром говорят о купцах, что «честное купеческое слово дороже золота!» Алексей Васильевич смотрел на стапель, и его сердце радовалось. Там величаво возвышалось однопалубное парусно-гребное морское судно, длиной около 30 аршин и грузоподъемностью до двух тысяч пудов. На палубе, стремительно уходя ввысь, стояла мачта без паруса. Данила, видимо, угадал мысль воеводы и пояснил:

– После Пасхи коч будем спускать на воду, тогда и поставим парус. Приглашаю Вас на это мероприятие.

– Спасибо, приеду, – поблагодарил воевода промышленника и с чистым сердцем откланялся.

По дороге домой он то и дело вспоминал красивые обводы судна, его янтарно-жёлтые бока, сработанные из пахнущей смолой лиственницы. «Под парусом коч будет особенно хорош, – убеждал себя воевода. – И ни какие шторма ему не страшны...» Но подъезжая к своему дому, он ни с того ни с сего, будто под воздействием самого дьявола, засомневался: «Доверяй, но проверяй!» Уже дома он окончательно решил, что проверит мореходные качества коча во время весенней охоты на тюленей. «Чтобы не получилось, как в той пословице: первый блин комом», – подумал он.

Вечером, накануне Пасхи, горожане – богатые в экипажах, а бедные пешком, потянулись к главному храму Пресвятой Богородицы. Воевода и купец Афанасий с женами прошли в храм, где вот-вот должна начаться литургия в честь воскрешения Иисуса Христа.

Простой народ, в основном бабы в праздничных одеждах и белых платках, с куличами и крашеными яйцами в плетеных корзинах, несколькими рядами разместились прямо на лужайке возле храма. Там обычно святили куличи и пасхальные яйца, поскольку в храме для этого места не хватало. Среди прихожан со своими куличами были Дарья и Евдокия. Порфирий и казак Пантелей остались у своих карет. Порфирий, дружелюбно посмотрев на своего соперника, сказал:

– Постоим и здесь, наше дело кучерское!

Повернувшись к храму лицом, он трижды перекрестился и поклонился в пояс. В это время толпа прихожан, священников и монахов совершала крестный ход. Многие из них несли в руках иконы, кресты и хоругви. Обойдя храм, процессия скрылась внутри, откуда донеслось сначала песнопение, а потом зычные возгласы архиерея:

– Христос воскрес!

В ответ слышались радостные крики верующих:

– Во истину воскрес!

Началась вечерняя служба.

Прихожане, стоящие на лужайке, ждали священника и тихо переговаривались между собой. Наконец кто-то вполголоса произнес:

– Батюшка наш идет!

Из главных ворот храма вышел высокий священник в красивой парчовой с позолотой ризе. Рядом с ним шел молодой монах, который нес большой серебряный тазик со священной водой. Проходя вдоль рядов прихожан, священник кропил святой водой куличи и пасхальные яйца, читая при этом молитву. У него был сильный и приятный голос. Бабы с умилением смотрели на священника и истово крестились. Молитву священник каждый раз заканчивал словами: «Отче наш, Иже еси на небесах! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя... Аминь!» После чего в пояс кланялся и крестился тремя перстами, повернувшись лицом к храму. Служба закончилась поздно вечером, уже при свечах. Несмотря на некоторую усталость в ногах, Оля выдержала её стоя, с достоинством.

Утром следующего дня Хватовы сердечно поздравили хозяев дома с праздником Святой Пасхи, как и принято на Руси, словами: «Христос воскрес!» Ответ тоже был традиционным: «Во истину воскрес!» Потом следовали объятия и трехкратные поцелуи.

Хозяйка пригласила гостей к столу, который ломился от обилия блюд: оленина, жареный гусь, холодец, копченый балык из севрюги, икра красная и прочее, и прочее... Были и напитки на любой вкус. Каждый за столом ел и пил в свое удовольствие. Разговоры велись в основном о планах на весну и лето. Чуть позже к столу присоединились сын и дочь Старостины, которые приехали навестить родителей и поздравить с праздником.

Дарья тоже решила поздравить с Пасхой свою подругу. Евдокия к её приходу уже накрыла праздничный стол, за которым сидели её муж Порфирий и казак Пантелей. Они о чем-то громко спорили, бурно жестикулируя руками.

Обменявшись пасхальными яйцами, хозяева и гости приступили к трапезе. Перед этим мужчины выпили по чарке водки. На правах хозяина Порфирий предложил тост:

– С великим праздником Святой Пасхи и наше здоровье! – поднимая чарку, торжественно произнес он.

Обычно после выпитой водки Порфирий, не закусывая, уходил на сеновал. Но на этот раз он с жадностью голодного волка набросился на еду.

– Видно, долго постился, – кивнув на Порфирия, сказала Дарья своей подруге.

Евдокия расценила этот поступок мужа как намек на примирение мужчин, налила им ещё по чарке водки, а Порфирию первому положила большой кусок мяса. Порфирий в свою очередь ласково посмотрел на жену и, улыбаясь, подмигнул ей своим левым раскосым глазом. Несмотря на видимое семейное примирение, каждый из сидящих за столом понимал: там, где

есть любовный треугольник, там господствует дьявольская страсть. Все это может в одночасье закончиться трагедией... Но на этот раз все обошлось без скандала, и все – хозяева и гости – пребывали в хорошем настроении.

Пантелей сидел красный, как вареный рак, в разговор вступал редко и, видимо, от нечего делать закурил трубку. Дарья, не переносившая дым табака, с укоризной сказала:

– Мог бы покурить и во дворе!

Казак недовольно покрутил свой ус, молча встал и направился к двери. Порфирий увязался за ним. Для подруг выдались светлые минуты, чтобы поболтать по душам.

– Смотрю я на тебя, подруга, и в толк не возьму, – сказала Дарья. – С чего это вокруг тебя до сих пор крутится женатый казак?

– Али не догадываешься? – улыбнулась Евдокия.

– Неужто влюбилась?

– А ты как думаешь? Умираю от любви!

– От любви ещё никто не умирал, а вот от измены...

– Тогда я буду первой!

– Все шутишь, а я тебя спрашиваю серьезно.

– Ну, если говорить серьезно, то я тебе скажу тоже серьезно, но по секрету: я давно уже на сносях!

– И молчала... Вот эта новость! – всплеснула руками Дарья. – А как же Бог?

– Бог простит...

В это время дверь распахнулась, и вошли мужчины.

– Налей-ка нам ещё по единой! – с порога крикнул Порфирий.

Он подошел к жене и обнял её за талию.

– Полегче! – дернула плечами Евдокия, но водки налила.

Мужчины выпили и снова продолжили разговор. У них одно в головах: баня, лошади, рыбалка, охота...

Дарья вдруг вспомнила наказ барыни убраться в их спальне, пока они будут поздравлять хозяев дома.

– Мне пора, – сказала она и встала из-за стола. – Спасибо за угощение.

Евдокия вышла в сени проводить подругу.

– Порфирий-то знает о твоём интересном положении? – участливо спросила Дарья.

– А зачем ему сейчас об этом знать? – на вопрос вопросом ответила Евдокия. – Когда придет время – сам все увидит и поймет. Он у меня смышленный... К тому же сам ребеночка очень хочет. Сколько лет об этом мечтает! Часто говорил: «Хочу свое умение и страсть по банному делу сыну передать по наследству».

Дарья обняла и поцеловала подругу.

– Дай-то Бог! Может все это и к лучшему. Смелая ты у меня, подруга...

– Заходи в гости почаще, – прощаясь, помахала рукой Евдокия.

– Спасибо, постараюсь.

Дарья тоже махнула ей рукой.

После празднования непосредственно самой Пасхи Христовой народ продолжал гулять всю Светлую Седмицу: старшее поколение под колокольный звон чинно посещали церкви, храмы и монастыри; девушки водили хороводы с песнями и плясками; юноши по вечерам устраивали веселые игрища с разведением костров.

Семь праздничных дней пролетели быстро, как один день... Впереди весна, лето, осень – самое время для активной работы, рыбалки и охоты. «Гуляй, да дело не забывай» – напутствовали старики молодежь.

Однажды утром в доме купца Афанасия Старостина появился приказчик Фома Филиппов.

– Данила милостиво просит Вас почтить своим присутствием спуск на воду построенного нами судна, – снимая шапку и кланяясь в пояс, сказал он воеводе Хватову.

– Буду, – кивнул головой Алексей Васильевич, подтвердив свое согласие посетить верфь. – Передай мое почтение своему хозяину.

За полчаса до спуска судна на воду воевода уже сидел в конторе Данилы. Там же, медленно потягивая из серебряного кубка хмельной квас, сидел и старший Старостин. Он налил квасу и воеводе.

– С почином, Алексей Васильевич, – ударив его кубок своим, весело сказал купец. – Как говорят: «Лиха беда начало, а там уж близок и конец».

– Твоими устами, да мед пить, – в тон ему произнес Алексей Васильевич.

– Народ доволен, – продолжал Афанасий Петрович. – На моей памяти такого одноразового крупного заказа – две ладьи и три коча – ещё не было. Мастеровые решили отметить это дело и назвать первый спущенный на воду коч в честь Вас.

– Пока моих заслуг в этом деле мало, – заявил воевода. – Но, если народ так решил, перчить не стану.

– Вот и славно! – крикнул купец. – Данила и мастеровые будут весьма рады.

Когда воевода с купцом вышли из конторы, то увидели большую толпу мастеровых людей, одетых по-праздничному. Многие были в красных атласных рубахах и черных суконных утеплённых зипунах. Некоторые были в белых и черных овчинных полушубках.

У кормы судна на стапелях с топором в руках стоял кормщик Антон Слетков. Данила попросил воеводу дать команду на спуск судна. Алексей Васильевич подошел ближе к кормщику, решительно взмахнул рукой и крикнул:

– Пошел!

Антон привычным движением, с плеча, рубанул топором по толстому пеньковому канату, и коч, под громкие крики «Ура!», сначала медленно, потом все быстрее и быстрее стал скользить по дубовым сходням, пока не коснулся воды. Под мощным фонтаном брызг, он словно желтоклювый поморник, плавно закачался на волнах. Находящиеся на нем поморы по команде кормщика быстро бросили якорь и подняли парус. С парусом коч сразу преобразился и стал похож на красивое мощное морское судно.

– Это другое дело, – хлопнув по плечу Данила, восторженно сказал воевода. – С таким парусом хоть сейчас в море!

Пока воевода Хватов, купец Афанасий Петрович и его сын Данила по старой морской традиции обмывали новое судно, угощаясь крепкой брагой и закусывая балыком из севрюги, специалисты – художники быстро работали кистями с краской. Выйдя из конторы, Алексей Васильевич к своему изумлению прочитал на борту спущенного судна слова, написанные четким старославянским уставом: «Воевода Хватов». Сердце его неожиданно екнуло, но с волнением он быстро справился. «Придется снова оправдываться перед Олей, – подумал он. – Но воля народа для меня, что воля божья... Значит, так решил сам Господь!»

2

В торговую лавку купца Старостина кормщик Антон Слетков пришел не один – с ним был его друг и помощник по морским походам Семён Бойцов. В поморском поселке Семён был знаменит тем, что на охоте всегда оправдывал свою фамилию: стрелял без промаха и слыл самым удачливым зверобоем на всем побережье Белого моря. Без добычи домой он никогда не возвращался.

Проходя мимо оружейной комнаты, Антон ещё издали заметил висящее на видном месте ружьё работы знаменитых тульских мастеров.

– Покупай, Семён, внакладе не будешь! – обратился он к своему другу.

– Хороша штукавина, да больно дорога, не по карману, – вертя в руках ружьё, сказал Семён. – Без штанов останусь...

– Зато вещь будет на всю жизнь. Через пару лет окупится, поверь мне. У меня такая уже пятый год, а как новенькая. – С таким ружьём все утёлги и ошкуи будут твои, – не унимался кормщик. – Народ недаром придумал притчу о том, что скупой платит дважды... Бери, не упускай случая. Когда ещё такие тульские штучки опять появятся в Архангельске?

Вопрос повис в воздухе.

– Беру, – решительно сказал Семён и выложил продавцу почти все деньги, что накопил за год плавания в Студёном море. – Вместо жены будет, – усмехнулся он в усы.

Придя в поселок, друзья подошли к дому Семёна и сели на опрокинутый вверх дном его бот.

– Передохнем на свежем воздухе, – сказал Антон и с удовольствием закурил свою знаменитую морскую трубку.

В последние дни на Беломорье установилась тёплая, почти летняя погода. Правда, для этого времени года бывает неожиданный возврат холодов, когда за одну ночь погода может измениться на ненастную, с ледящим душу ветром, нудными, затяжными дождями, а ближе к северу часто и снежной метелью. Поморы в таких случаях говорят: «Белый шаман вернулся!»

Наслаждаясь выглянувшим солнцем, Антон курил трубку. Семён крепко сжимал в руках купленное ружьё и, задрав голову вверх, с блаженной улыбкой рассматривал кучевые облака. «То ли будет, то ли нет», – думал он.

– Что в небо смотришь, гадаешь насчет дождя? – спросил Антон, выбивая из трубки остатки табака. – Дедовские приметы надо знать, тогда и к гадалкам ходить не надо. Коль с вечера брызнул и не пошел, то жди дождя только под утро. Вот так!

Довольный своими познаниями вековых поморских примет, он улыбнулся в свои пшеничные усы. Повернув голову направо, увидел стайку мальчишек, бежавших по песчаному берегу Двинского залива в сторону поселка. Дети кричали:

– Кит, кит, кит!..

Среди мальчишек кормщик узнал зуйка Егорку.

– Что случилось? – спросил он.

– Там лежит большой кит, – тяжело дыша, ответил Егорка и показал в сторону моря. Мы все видели: сначала над водой блеснула спина большого животного, потом высоко вверх брызнул фонтан воды и на берег залива выбросился огромный кит.

Вскоре эта новость разнеслась по всему поселку, и многие мужчины выскочили на берег залива с топорами и охотничьими ножами в руках. Среди мужчин оказались и женщины.

– Это весенний пасхальный подарок нам от Божьей матери, – сказала одна из них, Анастасия, жена помора Ивана Огнева, и все бросились к туше кита.

Через полчаса от туши кита ничего не осталось – все было разрублено, разрезано и унесено по своим домам.

Настя Огнева пришла домой с большим куском китового мяса и увидела мужа за его любимым занятием – снаряжением патронов для охоты на тюленей.

– Ого! – увидев огромный кусок китового мяса, радостно воскликнул Иван. – Поздравляю с добычей. С такой женой-добытчицей не пропадешь...

– Завидуешь? – улыбнулась Настя.

– Нет, просто рад за тебя. Такое счастье привалило, и все задаром...

– Насчет задаром, это ты зря. За счастье надо бороться и постоянно воспитывать в себе доброту и трудолюбие. Главное – не быть завистливым. А если завидовать, то «белой» завистью. Но для полного счастья этого мало. Как говорил мне мой дедушка «для полного счастья надо ещё исключить такие отрицательные качества человека, как трусость, скупость и ревность». Надеюсь, у тебя таких отрицательных качеств нет?

Иван, засыпая в патрон порох и дробь, так увлекся, что не расслышал вопроса жены и промолчал. Все его мысли были уже там, на охоте. Каждую весну он с артелью выходил в Студёное море добывать нерпу и ни разу не возвращался без богатого трофея. Недавно он повстречал на пирсе казака Пантелея и попросился в его артель. Жена ещё не знала об этом, но сейчас по его настроению и старанию, с которым Иван готовил патроны, она поняла: скоро муж уйдет в море...

– Отдохни хоть этой весной, – глядя на исхудавшего мужа, ласково сказала Настя. – Посмотри на себя, на кого стал похож. Кости и кожа. Побудь дома с сыном хоть один весенний сезон.

На эти слова жены Иван всегда отвечал одинаково, обещая подумать и порыбачить с сыном на затоне. Но когда в их поморском поселке составлялись артельные списки на весеннюю или осеннюю охоту, он всегда был в первых рядах. Настя, как всегда, и на этот раз тяжело вздохнула, прослезилась и подумала: «Не дай Бог, что случится...»

Она посмотрела на мужа и с некоторой надеждой сказала:

– Может, в этот раз останешься дома. По поселку ходят слухи, что эта весна для зверобоев будет нелегкой. Матрена нагадала: этой весной, возможно, некоторые наши зверобои попадут «в унос».

– Больше слушай эту Матрену! – возмутился Иван. – В прошлом году она нагадала, что после Святой пасхи будет конец света. За это богохульство её арестовать надо и посадить в яму на покаяние. Урядник Рыжов на нее давно зуб точит...

– Все равно, Ванюша, не ходи в море. Душа у меня сильно болит.

– Успокойся, ради Бога, – сказал Иван и ласково посмотрел на жену. – В нашем поморском роду мужчины всегда ходили в море, и ничего не случилось. Бог даст, и мне повезет!

После этих слов Настя успокоилась, вытерла слезы и ласково посмотрела на мужа.

В конце мая месяца, когда Белое море почти полностью очистилось ото льда и стало вполне пригодным для судоходства, Алексей Васильевич решил проверить морские качества нового коча, а заодно и открыть весенний охотничий сезон на тюленей. По совету купца Афанасия Петровича он пригласил на свой коч в качестве кормщика Антона Слеткова. Купец тоже решил сходить в Студёное море и потешить свою душу на охоте. Место кормщика на его коче давно уже по праву принадлежало казаку Пантелею.

Через два дня все было готово к выходу в море. Оба коча, слегка покачиваясь на волнах, стояли у Соломбальского причала. Воевода и купец приехали на причал в одном экипаже и поднялись каждый на свой коч.

– Поднять паруса, отдать концы! – слышались команды кормщиков обоих судов.

Попутный ветер быстро наполнил паруса, и оба коча резво вышли на простор Белого моря.

Кормщик Антон Слетков, довольный началом морской компании, прошел на нос судна, нащупал на груди иконку и перекрестился. Иконку Николая Чудотворца, которая дарует благодать морякам во время их плавания по морям и океанам, ему подарила мать, провожая его на север в люди. И вера в могущество Николая Чудотворца не раз спасала ему жизнь...

Мягкие утренние лучи весеннего солнца скользили по сосредоточенному лицу кормщика, рельефно высвечивая широкие, заросшие щетиной, скулы, квадратный подбородок с ямочкой и умные, как у ездовой собаки, глаза. Легкий ветерок ласково шевелил огненно-рыжие волосы и уносил к корме струйку голубого дымка от трубки, которую Антон раскуривал, попеременно то открывая, то закрывая большим пальцем правой руки горловину чубука. Широко расставив ноги, он неподвижно стоял у борта, не обращая никакого внимания на соленые брызги морских волн.

«Пират, да и только! – подумал Алексей Васильевич, любуясь мощной фигурой своего кормщика. – Ну, вылитый морской волк, правда, с нашей доброй поморской закваской». Он

подошел к Антону и тронул его за плечо. Тот, увидев воеводу, быстро вынул трубку изо рта и зажал её в кулаке.

– Смотри не обожги руку, – с беспокойством заметил Алексей Васильевич. – Каковы, на твой взгляд, ходовые качества нового судна?

– При таких ветрах вполне приличны, – с уверенностью ответил кормщик.

К полудню на траверзе показался остров Анзерский. Над морем – безоблачное небо и яркое солнце. Ветер стих, на море установился полный штиль. Паруса кочей безжизненно повисли на реях мачт, ни разу не шелохнувшись. Даже Георгий Победоносец, изображенный на красном флаге воеводского судна, поник головой, и, казалось, вот-вот уснет. Кругом тишина. Даже чайки молчат и спокойно сидят на морской глади.

– Ну и денек выдался! – вытирая пот со лба, как бы сам с собой рассуждал Алексей Васильевич. – Славный денек выдался для начала нашей морской кампании...

Он посмотрел на парус и приказал кормщику перейти на ход под веслами. «Проверим, на что способны наши матросы», – подумал воевода. Но не прошло и получаса, как ветер подул с новой силой. Антон облегченно вздохнул и, обращаясь к своему помощнику, сказал:

– Есть Бог на свете, и он услышал наши молитвы!

Шли хоть и под парусом, но очень медленно. До пролива Горло было ещё далеко.

– С таким ходом из пролива в Студёное море выйдем не раньше утра, – доложил кормщик воеводе. – Пока хорошая погода, будем идти и ночью, ориентируясь по звездам.

– Не опасно? – спросил Алексей Васильевич. – Так и на камни можно напороться...

– Нам ходить этим путем не впервой. Держи курс на Вегу, что в северном полушарии неба, и точно выйдешь на центр пролива Горло. Спокойно ложитесь отдыхать, а мы с моим помощником Семёном справимся с задачей.

Коч купца Старостина шел в кильватерном строю с воеводским. На обоих судах всю ночь жгли факелы в качестве сигнальных огней. Из Белого моря через пролив Горло в Студёное море вошли с рассветом.

Море и небо сливалось в единое тёмное пространство, и все вокруг растворялось в нем, образуя пугающую картину кромешной темноты. Но так продолжалось недолго. Летом на севере рассвет наступает быстро. Свободные от вахты охотники, проснувшись, ещё раз проверяли свои ружья и заряды, точили ножи для разделки туш животных и вели неспешные разговоры о море.

– Море может заколдовать любого... Увидишь море раз, а полюбишь навсегда! – уверял один из них.

– Земля – это одно, а море – совершенно другое. Чуть зазеваешься, допустишь малейшую оплошность, и море тут же накажет тебя, потянет к себе на дно, – убеждал другой.

Шли медленно под парусом вдоль береговой черты в направлении мыса Канин Нос. Кормщик Антон Слетков доверил руль своему помощнику Семёну Бойцову, а сам решил часок-другой поспать. «Пора ему проявить самостоятельность, – примостившись тут же на палубе у руля и укрывшись полушубком, думал он. – Хороший и опытный помощник на судне – это большое подспорье в нашем морском деле...»

Коч плавно скользил по водной глади моря, словно собачья упряжка по первому зимнему снегу.

– Во время морского промысла на нерпу мне больше всего нравится ночь, – тихо, будто про себя, сказал Антон.

– Почему? – облокотившись на руль, спросил его Семён.

– Ночью, после трудной дневной охоты, можно отдохнуть у костра, разведенного прямо на льдине, поговорить с друзьями по душам, вспоминая сплошную ружейную пальбу в порыве охотничьего азарта, а главное – послушать тишину, спокойно поглядывая на молчаливое мерцание звездного неба...

К полудню на горизонте показался мыс Канин Нос. На его скалистом берегу, словно средневековый замок, возвышался маяк с уходящей в небо башней. Рядом, как-то сиротливо прижимаясь к мощному основанию маяка, стояла избушка, из трубы которой почти вертикально шел слабый дымок.

– Видать, смотритель маяка уху варит, – сказал Антон. – Нам бы тоже не мешало ушцы хлебнуть. Но... В море главная пища – солонина да сухари. Придется подождать до лучших времен.

У мыса Канин Нос кормщик слегка изменил курс хода судна. Теперь коч шел мористее в направлении острова Колгуев. По мере удаления от берега волнение моря усиливалось.

– Скоро войдем в крепкие объятия Студёного моря, – пояснил кормщик подошедшему к нему воеводе. – Теперь глаз да глаз нужен – можно напороться и на льдину...

Судно медленно раскачивалось, и его нос то поднимался на гребень волны, то падал вниз. В момент падения ощущался сильный удар, и палубу окатывало пенящейся морской волной. Сила ветра и его направление менялось быстро, прямо на глазах у всех. На пути коча стали появляться битый лед и даже отдельные крупные льдины. Антону, стоящему у руля, приходилось искать разводья, чтобы не застрять во льдах. Делать это надо было быстро, проявляя смекалку, мастерство и мужество. Ветер постепенно усиливался.

– По всем признакам, – доложил он воеводе, – надвигается шторм.

Воевода распорядился команде готовиться к штормовой погоде и срочно проверить крепление груза в трюме. Через несколько миль хода высокая волна стала бить в левый борт коча. Бортовая качка усилилась настолько, что пришлось убрать часть паруса. Для того чтобы уменьшить бортовую качку, кормщик сменил курс с северо-восточного на северный. Кроме того, он боялся случайно наскочить на рифы, которые поморы издавна называли «Шараповы кошки».

Несколько матросов навалилось на руль, и под ударами волны коч встал на дыбы. Сквозь рев и стоны моря, леденящие душу, рулевые слышали крик Антона Слеткова:

– Молодцы, братцы. Так держать!

Кормщик стоял на палубе, держался за леер и под скрип мачты думал: «Проскочим камни – будем живы, а не проскочим... На все воля твоя, о Господи!»

Он трижды перекрестился по старому обычаю двумя перстами и крикнул всем, кроме рулевого, спуститься в трюм. Там охотники несколько успокоились и, усердно молясь Богу, с нетерпением стали ждать, когда стихнет ветер и прекратится шторм. Под шум моря и качку некоторые из молодых охотников лежали на дне судна вповалку, закрыв лица руками, и дрожали от страха.

И вот наступил момент, когда Бог услышал их молитвы... Бывает же такое, когда в один миг случается то, на что не надеешься часами! Ветер прекратился так же быстро, как и возник. На кочах подняли, паруса и они медленно, но верно пошли вперед на расстоянии прямой видимости друг от друга по чистой воде, пока не уткнулись в сплошной лед.

– Слава Богу, – сказал воевода своему кормщику, – первую проверку выдержали.

Посоветовавшись с Антоном, он решил начало охоты перенести на утро. Об этом решении сообщили купца Старостина, послав к нему лодку с Семёном Бойцовым.

В постоянных судовых работах, хорошо известных только морякам, незаметно прошел конец дня, и северные сумерки окутали море и небо. На кочах зажгли сигнальные факелы, и свободные от вахты охотники быстро улеглись спать.

Первым на льдину рано утром спустился друг Антона Слеткова ненец Нучкай, которого кормщик всегда брал с собой на охоту. Он хорошо знал повадки морского зверя и подсказывал зверобоям, как надо вести себя в той или иной ситуации, чтобы не остаться без добычи. На охоту Нучкай всегда брал свою байдару – очень легкую и вместительную лодку. Деревянный каркас её был обтянут двумя моржовыми шкурами. По размерам байдары ненцы обычно судят о зажиточности её хозяина. Эта лодка была средних размеров, без паруса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.